

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

Вестник культурологии

Научный журнал

№ 2 (109)
2024

Выходит 4 раза в год
Издается с 1992 года

Учредитель

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Редакция

Гл. ред. *О.В. Кулешова* – кандидат филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Технический редактор и секретарь издания *Т.Н. Гончарова*,
ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Г.Н. Андреева – кандидат юридических наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
А. Главачек – доктор педаг. наук, Карлов университет, Прага, Чехия
Т.В. Володина – доктор филол. наук, Центр изучения белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия
А.В. Дроздова – доктор культурологии, Гуманитарный университет, Екатеринбург, РФ
И.А. Едошина – доктор культурологии, Костромской государственный университет
им. Н.А. Некрасова, Кострома, РФ
Д.Н. Замятин – доктор культурологии, Высшая школа урбанистики ВШЭ, Москва, РФ
А.В. Костина – доктор культурологии, доктор философии, Институт фундаментальных
и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
Т.Н. Красавченко – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
С.Я. Левит – кандидат филос. наук, независимый исследователь, Москва, РФ
И.В. Леонов – доктор культурологии, Санкт-Петербургский государственный
институт культуры, Санкт-Петербург, РФ
И.И. Лисович – доктор культурологии, кандидат филологических наук, РАНХиГС
при Президенте РФ, Московский гуманитарный университет, Москва, РФ
С.В. Мельник – доктор философских наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Н.Т. Пахсарьян – доктор филол. наук, ИНИОН РАН, МГУ, Москва, РФ
Е.В. Сальникова – доктор культурологии, Государственный институт искусствознания, Москва, РФ
У. Фрёшле – доктор филол. наук, Технический университет Дрездена, Дрезден, Германия
А.И. Шмагина-Великанова – доктор культурологии, Центр изучения религий РГГУ, Москва, РФ
В.Г. Шукин – доктор гуманитарных наук, Ягеллонский университет,
Институт восточнославянской филологии, Краков, Польша

Вестник культурологии включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки).

Издание включено в Российский индекс научного цитирования

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-74023

ISSN 2658-3291

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.00

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера: Слово и понятие в истории культуры

<i>Безкоровайная Г.Т.</i> Языковые маркеры концепта «викторианская мораль» как элемента национальной культуры британцев в зеркале реалистического романа XIX века.....	9
<i>Душенко К.В.</i> Оттепельные метафоры в русском общественном сознании XIX–XXI вв.	34
<i>Горюнов С.А.</i> Семантические <i>приключения</i> понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2-го апреля 1848 года»).....	59
<i>Андреева Г.Н.</i> Источник права: превращение метафоры в правовое понятие.....	92
<i>Сайфуллина М.К., Коровина И.В.</i> Компоненты концепта «американская мечта»: диахронический анализ	112
<i>Клепикова Л.В.</i> Понятие «европейский Восток» в философско-историческом дискурсе: истоки и интерпретации	127

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Логинова М.В.</i> Звуковая концептосфера: культурфилософский аспект	140

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Петров Г.Г.</i> Ориентализм и «русский стиль» в музыкальной традиции Западной Европы. Образ «русского» в опере «Сибирь» Умберто Джордано	151

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

<i>Коданева С.И.</i> Конституционная конвенция в британской правовой культуре	168

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

<i>Комалова Л.Р., Сергеев С.С.</i> Коломейский Дон Жуан: наброски к мнимой отношенческой идентичности	192

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Белянин С.В.</i> От легенды к анекдоту и обратно: легендозависимые анекдоты о пандемии Covid-19	209

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Аватков В.А., Рожкова З.П.</i> Особенности межкультурной коммуникации с узбекским народом	229

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>Румянцев Е.Н.</i> Рецензия на книгу: <i>Джонсон Я.</i> Искры. Китайские подпольные историки и их битва за будущее. – Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2023. – 400 с.	244
<i>Закревская Е.А.</i> Рецензия на книгу: <i>Конаков А.</i> Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 240 с.	259
<i>Юрченко Т.Г.</i> «Найти в себе боль и научиться работать с ней». Рецензия на книгу: <i>Крымов Д.</i> Курс: Разговоры со студентами. – Москва : Новое лит. обозрение, 2023. – 272 с., ил. – («Театральная серия»).....	269

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Herald of Culturology

Scientific journal

N 2 (109)
2024

Published since 1992
4 Issues per year

Founders:

Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
Russian Academy of Sciences

The editor of the Herald of Culturology:

Chief editor *Olga Kuleshova* – PhD in Philology, INION RAS, Moscow, Russia
Tatyana Goncharova – Secretary and Technical editor of the publication, INION RAS,
Moscow, Russia
Editorial board:

Galina Andreeva – PhD in Law, INION RAS, Moscow, Russia
Antonin Glavachek – Doctor of Sciences in Pedagogy, Charles University, Prague, Czech Republic
Tatyana Volodina – Doctor of Sciences in Philology, Center for the Study of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Alla Drozdova – Doctor of Sciences in Culturology, Humanities University, Yekaterinburg, Russia
Irina Edoshina – Doctor of Sciences in Culturology, Kostroma State University named after
N.A. Nekrasov, Kostroma, Russian Federation
Dmitriy Zamyatin – Doctor of Sciences in Culturology, HSE Graduate School of Urban Studies,
Moscow, Russia
Anna Kostina – Doctor of Sciences in Culturology, Doctor of Sciences in Philosophy, Institute of Fun-
damental and Applied Research, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russian Federation
Tatyana Krasavchenko – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow, Russia
Svetlana Levit – PhD in Philosophy, Independent Researcher, Moscow, Russia
Ivan Leonov – Doctor of Sciences in Culturology, St. Petersburg State Institute of Culture,
St. Petersburg, Russia
Inna Lisovich – Doctor of Sciences in Culturology, Candidate of Philological Sciences,
RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow University for the Humanities,
Moscow, Russia
Sergey Melnik – Doctor of Sciences in Philosophy, INION RAS, Moscow, Russia
Natalya Pakhsaryan – Doctor of Sciences in Philology, INION RAS, Moscow State University,
Moscow, Russia
Ekaterina Salmikova – Doctor of Sciences in Culturology, State Institute of Art Studies, Moscow, Russia
Ulrich Freschle – Doctor of Sciences in Philology, Technical University of Dresden, Dresden, Germany
Anna Shmain-Velikanova – Doctor of Sciences in Culturology, Center for the Study
of Religions, RSUH, Moscow, Russia
Vasiliy Shchukin – Doctor of Sciences in Humanities, Jagiellonian University, Institute
of East Slavic Philology, Krakow, Poland

The Herald of Culturology is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.10.1. Theory and history of culture, art (cultural studies),
- 5.10.1. Theory and history of culture, art (philosophical sciences)

The publication is included in the Russian science citation index

ISSN 2658–3291

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.00

© INION RAN, 2024

CONTENTS

Theme of the issue: The Word and concept in the history of culture

<i>Bezkorovaynaya G.T.</i> Language markers of the concept “Victorian morality” as an element of the national culture of the British in the mirror of the realistic novel of the 19th century. (Linguistics and cultural aspect)	9
<i>Dushenko K.V.</i> “Thaw metaphors” in Russian public consciousness of the 19th–21st centuries.....	34
<i>Goryunov S.A.</i> Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”)	59
<i>Andreeva G.N.</i> Source of law: turning metaphor into a legal concept	92
<i>Saifullina M.K., Korovina I.V.</i> Components of the “American Dream” concept: diachronic analysis.....	112
<i>Klepikova L.V.</i> The concept of “European East” in philosophical and historical discourse: origins and interpretations	127

PHILOSOPHY OF CULTURE

Loginova M.V. Sound conceptosphere: cultural and philosophical aspect	140

MUSICAL CULTURE

<i>Petrov G.G.</i> Orientalism and the “Russian style” in the musical tradition of Western Europe. The image of the “Russian” in the opera “Siberia” by Umberto Giordano	151

LAW CULTURE

Kodaneva S.I. Constitutional convention in British legal culture 168

CULTURE AND LITERATURE

Komalova L.R., Sergeev S.S. Don Juan of Kolomea: outlines for an imaginary relational identity 192

CULTURE AND EVERYDAY LIFE

Belyanin S.V. From legend to joke and back: urban legends and jokes about the COVID-19 pandemic 209

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Avatkov V. A., Rozhkova Z.P. Peculiarities of intercultural communication with Uzbek people 229

BOOK REVIEWS

Rumyantsev E.N. Book review: Johnson I. Sparks: China’s Underground Historians and Their Battle for the Future. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 400 p.. 244

Zakrevskaya E.A. Book review: Konakov A. Waning World: A History of the “Incredible” in the Late USSR. – Moscow : Garage Museum of Modern Art, 2022. – 240 p 259

Yurchenko T.G. “Find the pain in yourself and learn to work with it”. Book review: Krymov D. Course. Conversations with students. – Moscow : Novoe lit. obozrenie, 2023. – 272 p., ill. (“Theatrical series”) 269

Безкоровайная Г.Т.*

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНЦЕПТА
«ВИКТОРИАНСКАЯ МОРАЛЬ» КАК ЭЛЕМЕНТА
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БРИТАНЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ
РЕАЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА XIX ВЕКА©**

Аннотация. В статье рассматриваются лексемы-маркеры социального положения, титулов, викторианских манер и поведения, которые дополняют концепт *викторианская мораль* – важное культурное наследие в истории Великобритании. Материалом исследования послужила английская реалистическая литература второй половины XIX в. Рассмотрены частотность и функции наименований титулованных особ. Сделан вывод о том, что лексемы-маркеры социального положения персонажей номинируют как положительные стороны викторианской морали, так и отрицательные, имманентно заключенные в данных лексемах. Актуальная до сих пор мораль благородных джентльменов и леди, запечатленная в романах XIX в. во всей ее сложной двойственности, составляет огромный пласт национальной культуры Великобритании.

---

* *Безкоровайная Галина Тиграновна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, bezkorovaynaya.gt@rea.ru

Bezkorovaynaya Galina Tigranovna – PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 3 of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, bezkorovaynaya.gt@rea.ru

© Безкоровайная Г.Т., 2024

Ключевые слова: викторианская мораль; художественный текст; концепт; лексемы-маркеры социального статуса, национальная языковая картина мира.

Поступила: 15.01.2024

Принята к печати: 30.01.2024

Для цитирования: Безкоровайная Г.Т. Языковые маркеры концепта «викторианская мораль» как элемента национальной культуры британцев в зеркале реалистического романа XIX века // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 9–33. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.01

Bezkorovaynaya G.T.

Language markers of the concept “Victorian morality” as an element of the national culture of the British in the mirror of the realistic novel of the 19th century (Linguistics and cultural aspect)

Abstract. The article deals with lexemes-markers of social status, titles, Victorian manners and behavior, which complement the concept of Victorian morality, which is an important cultural phenomenon in the history of Great Britain. The realist literature of the second half of the 19th century served as the material for the study. The frequency and functions of the names of titled persons are considered.

It is concluded that the lexemes-markers of the characters' social position nominate both the positive aspects of Victorian morality and the negative ones immanently contained in these lexemes. The still relevant morality of noble gentlemen and ladies, captured in the novels of the 19th century in all its complex duality, constitutes a huge layer of the national culture of Great Britain.

Keywords: Victorian morality; literary text; lexemes-markers of social status; concept, national language world picture

Received: 15.01.2024

Accepted: 30.01.2024

For quoting: Bezkorovaynaya G.T. Language markers of the concept “Victorian morality” as an element of the national culture of the British in the mirror of the realistic novel of the 19th century. (Linguistics and cultural aspect) // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 9–33. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.01

Введение. В национальной языковой картине мира англичан, как отмечают лингвисты, историки и социологи, Викторианская эпоха, ее ценности и контрасты, несмотря на прошедшие столетия, и сегодня занимает большое место. Поразительные достижения науки, техники, политики времен Виктории (1837–1901) хорошо известны. Отражение данного периода в культуре и литературе и анализ различных аспектов национальной картины мира эпохи были и остаются весьма популярными темами исследования как в российской, так и в зарубежной истории, культурологии, литературоведении. В зарубежной литературоведческой, лингвистической и культурологической периодике затрагиваются самые разные особенности Викторианской эпохи, анализируются социальный, историко-культурный, литературный аспекты данного исторического периода.

Важное значение для понимания английскости представляет собой возникшая и существовавшая в это время викторианская мораль, которая как концепт анализировалась в гуманитарном контексте, однако ее отражение в художественных текстах писателей-реалистов, лингвистические особенности этого отражения не так детально рассматривались до сих пор, хотя и являлись предметом изучения в целом ряде российских и зарубежных статей и монографий¹. Литература викторианства отражает историческую эпоху, используя, в том числе, определенные лексемы-маркеры. Без их изучения нельзя в полной мере понять особенности художественного воплощения моральной атмосферы этого периода, ведь, как верно отмечает Ю. Лотман, «язык – материал литературы. Из самого этого определения следует, что по отношению к литературе язык выступает как материальная субстан-

---

¹ См.: Соловьева Н.А. Викторианство как феномен культуры (История зарубежной литературы XIX века : учебное пособие / Н.А. Соловьева, В.И. Грешных, А.А. Дружинина [и др.] ; под ред. Н.А. Соловьевой. – Москва : Высш. шк. 2007. – 656 с.; Зброжек Е.В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 11. – С. 28–44; Безкоровая Г.Т. Понятие «Джентльмен» в английской и французской лингвокультурах: сопоставительный анализ // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 61–65; Тревилян Д.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой. – Смоленск : Русич, 2001. – 624 с.

ция, подобно краске в живописи, камню в скульптуре, звуку в музыке» [Лотман, 1994, с. 66].

Задача данной работы – пополнить фонд материалов по языковым особенностям английской реалистической литературы конца XIX в. Вместе с тем понимание особенностей развития и значения определенного исторического отрезка времени для той или иной картины мира невозможно без рассмотрения статуса такого важного понятия как мораль. Писатели-викторианцы используют характерные для эпохи языковые маркеры, отражая реальное и создавая свое представление о концепте *викторианская мораль*. В свою очередь мораль отражает не только позитивные стороны человеческого сознания, но и может быть отравлена низменными проявлениями зла как противоположности добра. Именно в выборе и использовании в английских романах конца XIX века тех или иных лексических единиц заключается особенность авторского отражения современной ему викторианской действительности, в частности морали того времени.

Мораль и викторианская мораль

Как соотносятся понятие «мораль» и присущий определенной эпохе кодекс поведения? Приведем энциклопедическое определение этого понятия: «мораль (от лат. *moralis* – нравственный) – 1) нравственность, особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения); один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простого обычая или традиции нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т. п.» [Иллюстрированный энциклопедический словарь, 1998]. Данное определение является универсальным толкованием морали, но, как известно, определенному историческому отрезку времени соответствует свое представление о нормах и правилах. Определение, данное в англоязычных источниках, связывает викторианскую мораль с поведением среднего класса¹, а термин *Victorian* / *виктори-*

---

¹ Викторианская мораль – это квинтэссенция моральных взглядов среднего класса в Британии XIX века, Викторианской эпохи. Викторианские ценности возникли во всех социальных классах и проникли во все аспекты жизни Викторианской эпо-

анский, сопровождающий слово *мораль*, согласно М.Х. Абрамсу, определяется таким образом: «...термин *викторианский* и еще более часто *викторианство* используются в уничижительном смысле, чтобы обозначить ограниченность, сексуальную педантичность, решимость поддерживать женскую *невинность* (то есть сексуальное невежество), ограниченность и делать упор на социальную респектабельность [Abrams, 1999, p. 329]. (здесь и далее перевод мой. – Г. Б.). В другом источнике находим следующее определение: «Данный термин обозначает мораль людей, живущих в викторианское время. Это особенно относится к определению морального климата в Великобритании в целом в XIX веке. Викторианскую мораль можно описать как набор ценностей, поддерживающих сексуальное подавление, нетерпимость к преступлениям и сильную социальную этику. Благодаря огромному влиянию и важности Британской империи многие из этих ценностей распространились по всему миру» [Cenicola, Aumann, 2016].

Мораль викторианцев опирается на свод конкретных правил, сложившихся в прочную традицию. Как пишет Н.А. Соловьева: «Викторианство оставило в сознании англичан определенное представление о незыблемости традиций, значимости демократии и моральной философии, а также сильное желание обращаться к проверенным временем эмблемам и символам викторианской эры» [Соловьева, 2007, с. 159]. Зарубежные исследователи также обращались к изучению этого концепта. Его роль для понимания современной культуры и морали Великобритании подчеркивал английский исследователь Викторианства У. Хоутон в книге «Грани викторианского сознания: 1830–1870»: «...вглядываться в викторианское сознание означает видеть некоторые первичные источники современного сознания». Он отмечал, что речь идет не о «сфере высокой мысли»: «...не одно размышление о демократии и социализме, об эволюции, христианстве и агностицизме не обходится без упоминания Милля и Дарвина, Ньюмена и Хаксли» [Houghton, 1985, p. 14]. Здесь имеется в виду более глубокое родство викторианского и современного сознания.

хи. Ценности того периода, которые можно охарактеризовать как религию, мораль, свангелизм, промышленную трудовую этику и личное совершенствование, укоренились в викторианской морали.

Логично предположить, что исследование особенностей, традиций, характеров того времени нашло свое отражение в английской культуре и литературе XIX в., поэтому и проза, и поэзия викторианской поры не может не опираться на эти нравственные принципы.

Исследователи отмечают, что реалистический художественный текст стремится правдиво отразить события и героев исторического периода времени, изображенного в сюжете произведения. Помимо этого, «принципиально важной содержательной особенностью художественного текста является его абсолютный антропоцентризм: он антропоцентричен не только по форме выражения, как все тексты вообще, но и по содержанию: объектом изображения художественного текста всегда является герой во времени и пространстве» [Чернухина, 1984, с. 12]. Эта нацеленность на отражение отношений человека и общества передает национально-специфические особенности таких отношений, мораль и философию, национальную культуру.

Представляется, что в самом концепте *викторианская мораль* заключены как позитивные, так и негативные проявления нравов той эпохи. Расслоение общества было значительным и до правления Виктории, но впоследствии появляется и приобретает все большее значение средний класс, и вопросы морали обретают особую форму. Индустриализация, разорение крестьянства, появление важных технических открытий, изменивших процесс производства, философию, политику, существенно повлияли и на тематику произведений того времени. Социальное неравенство выходит на первый план, а в романах викторианского периода лексемы – номинанты титулов, наименования знатных особ начинают занимать все более значительное место. Одновременно в сюжетах реалистических произведений возникают отрицательные герои, криминальные особы, несчастные и лишенные нормальных условий жизни люди, в частности дети и подростки.

В этом смысле нередко персонажи и характеры, которые номинированы отнюдь не высокими титулами, а, скорее, негативными и «приземленными» характеристиками. Реалистический текст с его установкой на правдоподобное описание действительности отражал жизнь викторианского общества, в котором контраст между положением богатых, знатных и бедноты, разорившихся селян усилился. Знатные особы являются действующими лицами в романах писателей, причем по сравнению с тем, как титулы употреблялись в предшествую-

ющей литературе, например в романах Джейн Остен, в викторианском романе эти социальные маркеры становятся совершенно необходимыми при описании персонажей. Отмечая обратную сторону викторианской морали, следует упомянуть, что писатели-реалисты изображали не только жизнь элиты, но и реальные события жизни зарождавшегося класса индустриальных работников, разорившихся крестьян. Все же главными действующими особами предстают благородные по рождению и воспитанию герои (особенно это заметно в персонажах Ч. Лавера, Э. Треллопа, Э. Гаскелл и др.). Именно поэтому лексемы-титуты и номинанты знатных особ занимают значительное место в текстах повествований.

Произведения разных авторов викторианской поры, несмотря на различие сюжетов и стилей, объединяет палитра языковых единиц, являющихся общими для отражения реалий того времени и характеристики концепта, *викторианская мораль*, как неотъемлемой составляющей всей культуры викторианства. Вместе с тем выбор героев романов, их благородное происхождение и положение в обществе определены интенциями авторов, а акценты на тех или иных характерных чертах, как положительных, так и отрицательных, расставлены не одинаково, поэтому и набор, и частотность использования, например, таких лексем как *gentleman, lady, baron, lord, earl, duke, Dutchess, etc.* (джентльмен, леди, барон, лорд, герцог, герцогиня и т.д.) как представителей социального слоя периода викторианства, а также существительных и прилагательных, их характеризующих, как *nobility, politeness, kind, dignity, honest, gentle, well-bred, intelligent, worthy, etc.* (благородство, вежливость, добрый, честный, мягкий, хорошо воспитанный, умный, достойный и т.д.) не тождественны. В остросоциальных сюжетах Ч. Диккенса, например, значительно больше лексем, характеризующих бедных людей, таких как *villain, poor, cruel, vagabond, rude etc.* (мерзавец, подлец, бедняк, жестокий, бродяга, грубый и т.д.). Анализируя лексемы, которые наиболее часто употребляются в текстах одной эпохи, можно лучше и яснее представить себе национальные особенности описанного в произведении исторического периода. Именно поэтому представляется весьма перспективным проанализировать, какими средствами рисуется эта эпоха и ее мораль в текстах писателей викторианской поры, и рассмотреть, что же раскрывают определенные лексические единицы, отобранные авторами.

Этот анализ комбинирует как литературоведческий, так и лингвокультурный подходы к анализу художественного текста той поры.

Лексемы-маркеры социального статуса в текстах реалистических романов

В качестве материала анализа были отобраны романы таких значителных и известных писателей викторианской Англии как Чарльз Диккенс (1812–1870), Уильям Теккерей (1811–1863), Чарльз Джеймс Лавер (1806–1872), Дина Мария Малок Крэйк (1826–1887), Шарлотта Бронте (1816–1855), Элизабет Гаскелл (1810–1865). Безусловно, в английской литературе викторианства больше ярких представителей, однако выбор вышеперечисленных авторов обусловлен тем, что в их произведениях концепт *викторианская мораль* имманентно включен в ткань сюжета, а кроме того, они содержат критику ее негативных проявлений в современном писателям обществе.

Самыми частотными лексемами-титулами в романах XIX в., как показал анализ, предстают лексемы *gentleman, lady, lord, earl, count, duke* (джентльмен, леди лорд, *earl (count)* граф (граф), герцог). Они не просто номинируют положение персонажа, но зачастую имманентно включают характеристику некоторых качеств их носителей. Следует отметить, что понятие *викторианская мораль* связано с главными носителями высоких качеств, таких как честь, благородство, образованность, хорошие манеры и т.п., – джентльменами. Для создания образов представителей высшего общества викторианской Англии кроме лексем-титолов писатели используют лексемы, относящиеся к понятию *благородство*. При этом особый статус приобретает лексема *gentleman* и черты и характеристики, культура поведения тех, кто благороден не только по происхождению, но и, прежде всего, нравственен в своих поступках.

В Викторианскую эпоху джентльмен являлся олицетворением истинного благородного человека высшего общества. Литературоведы и культурологи отмечают, что «кодекс джентльмена, имевший огромное значение для британского общества, составлял едва ли не самую популярную основу для создания образов литературы XIX века» [Безкоровайная, 2014, с. 61]. Это позволяет предположить, что персонажи, которые маркированы писателями как истинные джентльмены, либо

стремятся к этому высокому званию, либо обладают или хотят обладать вышеперечисленными качествами. Главными носителями и приверженцами викторианской морали являются джентльмены и светские леди, поэтому лексемы *gentleman*, *lady* являются наиболее частотными в текстах викторианских писателей.

Стремление к обретению особого титула характерно для представителей высших слоев – благородных особ, да и среднего класса. Занимая в иерархии не первое место, тем не менее образ сдержанного, воспитанного, справедливого и честного человека, сочувствующего страждущим, с почтением относящегося к женщинам, привлекает положительных героев произведений писателей-викторианцев. В текстах реализуется более широкое значение данной лексемы, а именно: «...лексема *gentleman*, которая, несмотря на французские корни, становится символом *английскости*, с течением времени выводит на первый план Кодекс благородного поведения, а не только благородного происхождения» [Зброжек, 1999, с. 28].

Затронем некоторые исторические факты, касающиеся понятия *джентльмен*. Так, в XVI в. появляются трактаты, описывающие характеристики джентльмена, среди которых книга Т. Элиота *The Governor* («Учитель», 1531). На содержание этого, по сути, учебника джентльмена англичане ориентировались долгие столетия, и до XIX в. книга оставалась источником воспитания юношей в русле благородства и знатности. Элиот полагал, что в разряд джентльменов может входить человек благородного звания, который широко образован, знает языки и историю, право и философию, занимается спортом, живописью и музыкой, не отдаваясь, впрочем, этим занятиям сверх меры [Elyot, p. 4]. Через чтение джентльмен развивает свое остроумие, даже не выходя из дома [Elyot, p. 35]. Наличие добродетели, а не обязательное обладание богатством, – вот что составляет понятие благородства, по мнению Элиота. [Elyot, p. 104].

В XVI–XVII вв. джентльменами стали называть ту часть джентри (мелкопоместного дворянства), которая имела право носить герб, но не имела титула. В книге Томаса Миллера (1608) *Nobilicu Politica et Civicus-Catalogue of Honore* («Каталог благородных политиков и граждан» (1610) *джентльмен* находится на 27-м месте после *эсквайра* [Elyot, p. 7].

В Викторианскую эпоху понятия благородного происхождения и положения в обществе по-прежнему тесно связаны, о чем можно судить и по толкованию *nobility* в авторитетном Тезаурусе Роже (1805). Этот тезаурус английских слов и выражений был обновлен в проекте «Гутенберг», и можно использовать его в современных исследованиях. Из статьи с этим заглавным словом выявлено, что оно эксплицирует для англичанина следующее.

1. Высокородие *birth, high descent* (благородно рожденный, высокородный).

2. Принадлежность к высшему классу *personage of distinction, man of distinction, personage of rank, man of rank* (особая персона, человек особый, человек высокого звания).

3. Наделение определенными привилегиями *princely, titled, patrician, aristocratic*, (имеющий привилегии принца, титулованный, патриций, аристократичный).

4. Принадлежность к государственному управлению *peer, peerage; house of lords, house of peers; lords, lords temporal and spiritual* (пэр, пэрство; палата лордов, палата пэров; лорды, лорды избранные и наследные).

5. Титулованность *king & c. (master); atheling [obs3]¹; prince, duke; marquis*, (король, глава, принц, герцог, маркиз) [Roget, 1805].

Ассоциативный принцип, использованный в создании тезауруса, позволяет проследить за тем, насколько важен знак равенства между благородством и знатностью для англичан и какие привилегии имела знать того времени. Связь лексем-титулов с понятием *nobility* очевидна. Однако само знатное происхождение, как видим из словарной статьи, с лексемами, обозначающими нравственные качества, не связывается.

В то же время в текстах романов существительные *nobility, honour, dignity, politeness, magnitude, intelligence, etc.* (благородство, честь, благородство, достоинство, ум и т.п.), а также прилагательные *well bred, gentle, kind, great, great, responsible, worthy, etc.* (с благородными манерами, мягкий, добрый, высокородный, уважаемый, достойный и т.п.), отражающие качества тех, кто являются носителя-

---

¹ *obs3* – устаревшее.

ми идеалов викторианской морали, характеризуют образы истинных джентльменов.

Это проявляется, в частности, в сюжете романа Мьюлок Крейк «Благородная жизнь» [Craik, A Noble Life, 1875], где обрисованы персонажи, отвечающие высоким критериям джентльменства, – *Earl of Cairnforth* – граф Карнфорд, *Dr. Hamilton* – доктор Хамилтон, *Mr. Cardros* – мистер Кардросс. Но такие положительные с точки зрения викторианской морали герои встречаются в произведениях реалистов не столь часто.

В отличие от трактатов о правилах поведения джентльменов, существовавших с эпохи Возрождения, в романах XIX в. показано реальное соотношение идеала и практического морального поведения персонажей-джентльменов, иногда далекого от истинного благородства. Как проявление зла можно отметить и присущее тому времени лицемерие знатных особ и тех, кто стремился в высший свет. Достаточно вспомнить о знаменитой «Ярмарке тщеславия» (1847–1848) – романе У. Теккерея, в котором описана лживость, лицемерие, чванство и неискренность главной героини романа без героя. Роман закрепил за Теккереем звание замечательного реалиста, воссоздающего нравы и обычаи английского общества, анализирующего характеры людей без пристрастия и тенденциозности. Бекки Шарп ведет свою лицемерную игру, не соответствуя тем качествам, которые должна культивировать в себе истинная леди. Можно упомянуть таких персонажей романа, как Роудон Кроули, Пит Кроули, Джордж Осборн, не способных ни сочувствовать в беде, ни вести себя порядочно по отношению к дамам. Кроме Эмили, практически в каждом из знатных и титулованных особ Теккерей обнажает лицемерие, персонажи далеки от нравственного идеала. Поступки, которые не соответствуют статусу этих титулованных особ, подробно описаны в теккереевском произведении. Лексемы-маркеры использованы в следующих пропорциях: *gentleman* – 312, *lady* – 929, *nobleman* – 27, *duke* – 51, *honour* 183, *disreputable* (недостояный) – 5, *dignity* – 30, *villain* – 25, *hypocrite* (лицемерный) – 10. Особенность литературы данного периода – возникший интерес к описанию жизни среднего класса, а также к запечатлению современной писателям диспропорции между полярными характеристиками стремления к идеальному моральному совершенству и неприглядной действительностью. Эти противоречия выражены линг-

вистическими особенностями языка викторианской прозы, в которой номинация социального статуса принципиально важна. Но имплицитно представленное понятие благородства в лексеме *gentleman* не однозначно в титулах. Персонажи Ч. Диккенса, Ш. Бронте, Д.М. Крейг менее знатны, но они именуются джентльменами за свои качества, обладание высокой моралью, сдержанностью, благородством поведения.

Отметим, что лексемы-маркеры есть и в названиях викторианских романов, например, у Элизабет Гаскелл: *My Lady Ludow* (1858), у Чарльза Лёвера: *Lord Kilgobbin* (1870), *The Knight of Gween* (1899), у Мьюлок-Крейк – *John Hallifax, gentleman* (1856) и др.

Указание на статус героев вызвано желанием подчеркнуть, представители каких общественных слоев описываются в повествовании. Лексемы-маркеры обязательны при их упоминании, например, у Лёвера среди действующих лиц фигурирует лорд Кэллонби [*Lever C., Lord Kilgobbin, 1872*], у Гаскелл – лорд Кумнор [*Gaskell, 1866*], у Троллопа – леди Кэрбери [*Trollope, The Way we Live Now, 1875*] и т.д.

По верному наблюдению Г.Ф. Горбашовой, «образ жизни, стиль поведения викторианцев в значительной степени определялись нравами представителей высших слоев, основой формирования представлений о “респектабельном” образе жизни являлись как традиция, так и либеральные ценности. В “стиль жизни” осознанно или неосознанно входят экономическое, социальное положение, культурные веяния времени, общность ценностных приоритетов, в частности и аристократических» [Горбашова, 2009, с. 67].

Вместе с тем в текстах романов викторианцев отражена обратная сторона Викторианской эпохи: преступность, безработица, детский труд, проституция. Ю.А. Бельчиков пишет: «Как известно, слово – носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации; оно вместе с тем аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера. Такая информация и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова» [Бельчиков, 1988, с. 30]. Выбор тех или иных лексем при сопоставлении и поиске их в текстах одного исторического периода как раз и может отразить эту особенность культурного фона и национального характера в Викторианскую эпоху. Мы

можем заметить две стороны морали: с одной стороны, стремление к благородству и порядочности представителей высшего и среднего класса, а с другой – ужасающая бедность и угнетение низших слоев викторианского общества, криминализация и разложение тех, кто не принадлежит к его сливкам. При этом причинами могло стать и банкротство когда-то богатых и обеспеченных людей, и последствия индустриализации, которая оставила простых англичан без средств к существованию. Лексемы, описывают представителей низших слоев общества периода викторианства и антонимичны тем, которые относятся к благородным особам и высшему свету Британии.

Таким образом, *викторианская мораль* не может рассматриваться как что-то однозначное. Она двойственна и даже, в какой-то мере, полифонична. Важно, с какой точки зрения рассматривать ее, с позиции какого общественного слоя ее характеризовать. В созданных в конце XIX в. произведениях создается своего рода черно-белая картина викторианского общества и морали с редкими вкраплениями оттенков серого или темно-серого. Приведем авторитетное суждение о состоянии социального устройства в Англии в период викторианства: «В то время как экономический центр тяжести Англии смещался от сельскохозяйственного к промышленному капитализму и в то время как многие представители зарождавшегося среднего класса получали более высокие доходы, чем те, кто владел землей, статус и политическая власть новых богатых в производстве, бизнесе и финансы не поспевали за их растущим вкладом в национальное богатство. Аристократия, многовековая группа чести, которая всегда враждебно относилась к вторжениям со стороны, яростно боролась против отказа от своего положения. Но средний класс заставил их уступить не только путем достижения богатства и борьбы за право голоса в правительстве, но и путем создания нового Кодекса чести, открытого для всех, независимо от класса, Кодекса, основанного на этике и добродетели, которые пришли на смену той, которая основана на рождении» [McKay В., McKay К., 2012].

Контраст бедности и богатства является характерным признаком *викторианской морали*. Помимо описания жизни джентльменов и леди, писатели говорят об уродливых проявлениях социального неравенства, насилия, унижения и эксплуатации, например, детского труда, столь ярко и детального описанного Чарльзом Диккенсом в рома-

нах «Оливер Твист» (1838), «Николас Никлби» (1838–1839), «Холодный дом» (1852) и др. Как следствие, в текстах романов появляются такие лексемы, как *villain*, *beggar*, *low-born*, *ill-bred*, *cruel*, *rude*, *false*, *untrust etc.* (негодяй, оборванец, низкородный, невоспитанный, жестокий, грубый, неискренний, лживый и т.п.). Сюжеты реалистических романов Ч. Диккенса противопоставляют бедность и богатство, которые ярко проявляются в двойственности викторианской морали. Соотношение лексем, характеризующих героев романа «Николас Никлби» (1838–39), также подтверждает это: в тексте используются слова *gentleman* – 405 раз, *lady* – 414, *villain* – 15, *criminal* – 3, *dignity* – 33, *noble* – 32, *respectful-disrespectful* – 32, *cruel* – 42 и т.д.

В романах другого яркого представителя литературы викторианства Энтони Троллопа также отражены характерные черты двойственности морали того времени. Сюжеты и акцент на описании жизни тех или иных социальных слоев, а также обращение к рассказам о жизни служителей церкви определяет и выбор соответствующих языковых маркеров. Рассмотрим, например, лексический состав в одном из его романов *The Way we live Now* (1875). Лексемы встречаются в следующих количествах: *Gentleman* – 146 раз, *lord* – 440 (*Lord Alfred Grendall*), *duke* – 16, *lady* – 553, *noble* – 29, *honest* – 65, *dishonest* – 13, *villain* – 5, *cruel* – 42, *untrust* – 2 и т.д.

Не используя титулы и номинации определенных качеств, невозможно реалистично описать картину Британии времен Виктории, чем и объясняется широкое использование таких лексем в художественных произведениях. Однако необходима оговорка по семантике некоторых языковых единиц, поскольку полисемантический характер английской лексики хорошо известен (см., например: Гальперин, 2001; Харитончик, 1992). Рассмотрим многозначность лексемы *lady*. В статье Оксфордского словаря приводится 17 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) данной лексемы. Частично ее популярность в текстах связана с принятым обращением к любой женщине, а также номинацией жены, супруги, что является одной из причин ее употребления в изучаемых текстах. Так, в романе Э. Гаскелл *My Lady Ludlow* (1858) лексема *lady* встречается 659 раз, *gentleman* – 16, в произведении *The Way we Live now* Троллопа *lady* – 552; *gentleman* – 146, в романе «Джейн Эйр» Бронте *gentleman* – 46; *lady* – 101. Эти данные приводятся без учета разницы в количестве страниц и для того, чтобы показать

более широкую семантику лексемы, поскольку в текстах реализуется не только маркировка знатной особы. Лексема использовалась и для обращения к любой женщине, поэтому количество в значении знатной особы дано с определенной погрешностью. В викторианстве положение девушек и женщин было зависимым, бесправным. Существовали значительные ограничения на появление девушки в публичном месте без сопровождения, на получение образования, даже на стремление к образованию и т.д. Наследство после смерти главы семьи не доставалось ни вдове, ни одной из дочерей. Если в силу разорения семьи женщине приходилось становиться гувернанткой и зарабатывать деньги, особым уважением она не пользовалась. Достаточно, в частности, вспомнить роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» (1847).

Баланс между знатностью происхождения и низменными либо возвышенными поступками не всегда находится, поэтому писатели-реалисты используют в романах лексемы, которые характеризуют низменные поступки и черты тех, кто становится отрицательным представителем викторианской морали. Приведем статистику негативных прилагательных в тексте романа Шарлоты Бронте «Джейн Эйр», в котором не так много отрицательных персонажей, но все же такие лексемы есть, например: *cruel* – 19 раз, *false* – 15, *unkind* – 2, *ragan* – 4, *vagabond* – 1, *mean* – 2, *intrust* – 4 и т.д. (*жестокий, лживый, злой, отвратительный, бродяга, скупой, нечестный и т.п.*)

В остросоциальных романах Диккенса такого рода лексем намного больше. Например, в романе «Оливер Твист» соотношение лексем следующее: *cruel* – 11, *unkind* – 3, *mean* – 3, *gloomy* – 17, *untrust* – 2, *villain* – 16, *false* – 4, *vagabond* – 4 и т.д. (*жестокий, злой, скупой, мрачный, нечестный, негодяй, лживый, бродяга, подлец и т.п.*).

Особенности лексем-наименований социального статуса в романах-наравоучениях

Романы викторианцев, как правило, обладают в той или иной степени признаками наравоучений, наставлений. *Викторианская мораль* как особенность национальной культуры предполагала и респектабельность, и назидательность, перевоспитание заблудших и опустившихся, поскольку сострадание и помощь обездоленным были ее озвученными чертами. Напомним, что стремление к благородным поступ-

кам провозглашалось Кодексом джентльменства. В этот период создавались художественные произведения, в которых нравственность и воспитание истинного благородного человека является главной темой. В автобиографическом романе Томаса Хьюза (1822–1896) «Школьные годы Томаса Брауна» (Tom Brown (1857)), в котором описывается жизнь английской школы викторианской поры, эта проблема является ключевой. Воспитание главного героя Тома и его друзей происходит в школе. При этом Том и Артур восполняют недостатки друг друга. По сути дела в этом произведении описаны две стороны викторианской морали, в нем явно виден дидактический характер, он создан не для развлечения. Анализ текста показал, что среди лексем, описывающих как положительных, так и отрицательных героев произведения, встречаются следующие: *gentleman* – 27 раз, *lady* – 6, *educated* – 3, *noble* – 14. Для отрицательных героев используются лексемы: *drunk* – 7 раз, *rude* – 6, *cruel* – 5, *bad* – 29 (пьяный, грубый, жестокий, отвратительный) а также лексема *villain* (негодяй, подлец)).

Назидательность и дидактический элемент присутствуют во многих романах писателей-викторианцев, которые пытались воспитать читателей истинными джентльменами и леди. В некотором смысле произведения Ч. Диккенса, Ш. Бронте, Д.М. Мьюлок-Крейк тоже служат «учебниками воспитания».

Один из характерных признаков викторианской морали – закрепленная в ней идея неравенства положения мужчины и женщины. Всем известен тот факт, что появившиеся в этот период романы женщин-писательниц не могли публиковаться под их настоящими именами. Например, таковы первые публикации сестер Бронте. Зависимое положение женщин, которые не могли распоряжаться своим имуществом и сами становились порой собственностью мужей, было одной из характерных черт того времени, хотя уже тогда писатели, а чаще писательницы Викторианской эпохи пытались рисовать характеры независимых и умных женщин, которые стремились зарабатывать на жизнь сами. Именно при описании таких персонажей полисемантическое слово *lady* реализует не только значение «дама с высоким положением в обществе» (обычно в паре *lord-lady*), но и вежливого обращения к даме любого сословия.

Положение женщин и разница в профессиональных и карьерных возможностях мужчин и женщин – еще одна характеристика морали

викторианской поры. Такое неравенство было юридически закреплено. В романах Чарльза Диккенса, Шарлотты Бронте, Элизабет Гаскелл эти темы звучат особенно часто.

В произведении Ш. Бронте «Джейн Эйр» встречаются следующие лексемы: *gentleman* – 41 раз, *noble* – 20, *honour* – 20, *intelligent* – 11, *educated* – 5, *uneducated* – 2, *stern* – 30, *lady* – 101, *villain* – 4 и т.д. (джентльмен, благородный, честный (благородный), умный, образованный, неграмотный, сердитый (жесткий), леди). Лексемы-прилагательные, характеризующие положительное поведение персонажей, даны в следующих пропорциях: *stern* – 38 раз, *handsome* – 39, *kind* – 116 (строгий (жесткий), располагающий к себе (приятный), добрый).

От выбора социальной среды, о которой писатель рассказывает в произведении, зависит и частота использования титулов. Например, в романе Э. Гаскелл *My Lady Ludlow* (1858) встречаем лексемы-титулы: *prince* – 8, *king* – 5, *queen* – 4, *countess* – 9 (принц, король, королева, графиня), что объясняется отражением жизни высшего социального слоя и самой тематикой произведения.

В другом ее произведении *Wives and daughters* (1864–1866) найдены следующие лексемы: *gentleman* – 41, *Countess* – 41, *nobility* – 2, *lord* – 122, *lady* – 633, *honour* – 52, *dignity* – 15 (джентльмен, графиня, благородство, лорд, леди, честность (достоинство), достоинство).

Фокус внимания писательницы направлен на наиболее топовый слой английского общества, поэтому и персонажами являются титулованные особы, при этом встречаем лексему *countess*, а лексемы *count* в тексте нет. Кроме того, социальные романы Э. Гаскелл не содержат таких лексем, как *villain*, *criminal*, которые характерны для текстов романов, например Чарльза Диккенса, действующими лицами которых предстают криминальные типы (Сайкс в «Оливере Твисте» и др.)

На одном из сайтов по истории Европы, в том числе английской истории, дается следующее описание: «В социальной сфере назрели существенные противоречия. Доминирующим стал средний класс, и его ценности распространялись на всё общество в целом. Среди этих ценностей: трудолюбие, чувство долга, трезвость, благотворительность, с одной стороны, а с другой – излишнее пуританство, зависимость от установленных обществом стандартов, а также лицемерие. Семья строилась по строгому принципу патриархата: девушка непре-

менно должна была выйти замуж, без супруга она ничего не представляла. Эти темы затрагивались в работах о положении женщин как за рубежом, так и в российских источниках¹.

Известный историк и летописец жизни Англии от Средневековья до королевы Виктории писал: «...критический анализ настоящего общества, которое считали имеющим недостатки, но исправимым, помог воодушевлять и популяризировать произведения Диккенса, Теккерея, Э. Гаскелл и Троллопа. Джон Стюарт Милль в своих сочинениях “О свободе” (1859) и “Подчиненное положение женщин” (1869) нападает на зависимость от установившихся обычаев и провозглашает права каждого мужчины и каждой женщины на свободу жизни и мышления, что до известной степени может считаться поворотным пунктом между ранним и поздним викторианским периодом» [Тревилльн, 2001, с. 546].

Так, героини и герои Ш. Бронте и Э. Гаскелл пытаются завоевать право женщины на участие в активной жизни общества. В исследовании А.Я. Ливерганта «Викторианки» сказано: «Разница между “мужским” и “женским” романом, как кажется, заметнее всего в трактовке героев, а вернее – героинь. Викторианки при всей несхожести выводят на авансцену свой идеал – женщину, с себя списанную, – решительную, мужественную, начитанную, способную справиться с иллюзиями, за себя постоять, распорядиться своей судьбой, а заодно и судьбой своих близких» [Ливергант, 2022, с. 13].

Повторим, что, отмежевываясь от аристократии, средний класс одновременно стремился быть на него похожим. Стремление к соблюдению внешних примет благородства можно заметить в особых требованиях, которые существовали для джентльмена. Например: «Отправляясь вместе с леди на прогулку верхом или идя вместе с ней по улице, мужчина всегда должен был находиться по отношению к спутнице со стороны дороги, чтобы, помещая ее ближе к стене, ограждать от неприятных неожиданностей» [Диттрич, 2007, с. 339].

---

¹ В работах исследователей отмечается особенность социального положения женщины: Perkin, Joan. *Victorian Women*. – NYU Press, 1995. – 264 p.; *Victorian Culture and Society : A Basic Glossary* / Roberts, Adam Charles, ed. – 2003. – 262 p.; Gordon N. Ray. *Trollope at Full Length* Published by The Huntington Library. – 1968. – 27 p.

Итак, во многих романах противопоставление благородства и низости, богатства и бедности показывает в полной мере картину викторианской Англии. При этом ощутимо стремление писателей не просто описать низкие поступки и нищету, но и указать возможные пути и счастливые случаи преобразования и прихода молодых людей, а иногда и стариков, к моральным ценностям. Выбор маркеров социальной принадлежности персонажей, использование эмоционально-окрашенных лексем наглядно показывают, какие именно качества и характеристики хотят видеть романисты и приверженцы викторианской морали в обществе. Критикуя представителей титулованного слоя английского общества, авторы демонстрируют, как вышедшие из низших слоев новоявленные буржуа стремятся им подражать. Желание быть респектабельным джентльменом характерно для персонажей Ч. Диккенса, Д.М. Мьюлок-Крейк, Томаса Хьюза, Ш. Бронте, Э. Гаскелл и др. Языковые средства писателей одной социальной эпохи оказываются похожими, когда рисуется реалистичная картина викторианской Англии, хотя частотность лексем не тождественна в силу не только разного объема произведений, но и тех интенций, которые есть у писателей. Вместе с тем любой роман писателей-реалистов, который посвящен отображению культурного и нравственного состояния английского общества Викторианской эпохи, содержит общие лексемы, позволяющие читателю представить себе единую картину того времени, а также соотнести ее с настоящим.

Заключение

Исследование языковых лексем-маркеров показало, что в художественных произведениях английских писателей периода правления королевы Виктории отражены основные черты морали того времени, присущие национальной культуре. Смысловое двуединство понятий «джентльмен» и «леди» состоит в соединении сословного и этического значений, отсюда — возможность определений «настоящий джентльмен», «истинная леди». В них на первый план выходит указание на благородство манер. Неоднозначный характер викторианской нравственности и ее зависимость от социального положения героев произведений, а также расхождение между высоким титулом и порой недостойным поведением отражены через использование схожих язы-

ковых маркеров в произведениях Ч. Диккенса, У. Теккерея, Т. Хьюза, Ш. Бронте, Э. Тrolлопа, М. Мьюлок Крейк, Э. Гаскелл и других. В анализе их романов можно обнаружить общую тенденцию к использованию лексем, обозначающих титулы, а также характеризующих поведение и характер персонажей. В таких лексемах, как *gentleman; lady; nobleman; honorable; worthy; etc.* отражены не только социальные, но и моральные характеристики персонажей. В Англии существовали учебники и трактаты по поведению джентльменов и леди, однако в романах XIX в. воссоздано сложное соотношение правил и практики, что придает глубину и объем моральным характеристикам персонажей. Кроме того, поскольку Викторианская эпоха привела и к появлению негативных явлений – преступности, детскому труду, проституции, в текстах частотны и такие лексемы, которые антонимичны титулам и наименованиям знатных и благородных особ. В произведениях викторианцев встречаются лексемы *villain, cruel, evil, criminal, wicked, etc.* (негодяй (злодей), бессердечный, злой, преступник, безнравственный и т.п.) как номинация зла, преступности, т.е. оборотной стороны викторианской морали.

Присущая данному концепту контрастная двойственность, включающая в себя противоположные стороны поведения представителей всех слоев общества времен Виктории (приверженцы строгой нравственности и лицемеры или безнравственные персоны), зафиксированы не только в сюжетных линиях произведений писателей-реалистов, но и в выборе лексем, характеризующих те или иные стороны действительности того периода, а также главных героев. Идеальные модели благородства расходятся с практикой поведения иных персонажей, что явственнее проступает именно тогда, когда благородный титул настойчиво повторяется в характеристиках героев.

Таким образом, атмосфера викторианства с его моральной строгостью и одновременно – со значительной долей ханжества запечатлевается в произведениях писателей-реалистов этого времени, в том числе и при помощи неоднозначного соотношения лексем – наименований знатных особ и представителей низшего слоя общества с их практическим этическим поведением. Частотность использования этих лексем позволяет убедиться в стремлении романистов XIX в. показать сложную двойственность викторианской морали, одновременно присущей определенному историческому времени и ставшей постоянным ком-

понентом национальной культуры Великобритании. Не случайно викторианство становится объектом стилизации в новых английских романах – в частности в романе Д. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (1969).

Список литературы

Безкорвайная Г.Т. Понятие «Джентльмен» в английской и французской лингвокультурах: сопоставительный анализ // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 61–65.

Бельчиков Ю.А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. – Москва : Наука, 1988. – С. 30–35. – 270 с.

Гальперин И.Р. К проблеме стилистической дифференциации лексики современного английского языка. – Москва : Дело, 2001. – 267 с.

Горбашова Г.Ф. История повседневности: «мир» человека Викторианской эпохи // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. – Йошкар-Ола : Изд-во Марийского государственного университета, 2009. – С. 63–70.

Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. – Москва : Молодая гвардия, 2007. – 382 с.

Зброжек Е.В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. – 1999. – № 11. – С. 28–44.

Иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. Бородулин В.И. и др. – Москва : Аутопан, 1998. – [Электронное издание]. – URL: <https://1598.slovaronline.com/7430-мораль>

Коутс Е., Гринберг К. Женщины викторианской Англии: от идеала до порока. – Москва : Алгоритм, 2013. – 434 с.

Ливергант А.Я. Викторианки. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 272 с.

Лотман Ю.М. Язык. Семиотика. Культура. – Москва : Гнозис, 1994. – 560 с.

Соловьева Н.А. Викторианство как феномен культуры (История зарубежной литературы XIX века : учебное пособие / Н.А. Соловьева, В.И. Грешных, А.А. Дружинина [и др.] ; под ред. Н.А. Соловьевой. – Москва : Высш. шк., 2007. – 656 с.

Тревилян Д.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. с англ. А.А. Крушинской и К.Н. Татариновой. – Смоленск : Русич, 2001. – 624 с.

Харитончик З.А. Лексикология английского языка. – Минск : Вышэйшая школа, 1992. – 29 с.

Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 256 с.

Abrams M.H. A Glossary of Literary Terms. – 7th ed. – Philadelphia : Harcourt Brace College Publishers, 1999. – 386 p.

Berberich Chr. The Image of English gentleman in Twentieth-Century Literature. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2007. – 218 p.

Bronte C. Jane Eyre. – London : SERVICE & PATON, 1897. – 548 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1260/pg1260-images.html> (date of application: 04.06, 2023)

Cenicola L., Aumann M. Introduction into Victorian Morality – What exactly was the Victorian Era? // British History 2: From the French Revolution to World War II. – 2016. – 635 p.

Craik D.M.M. John Halifax, gentleman. – London : Hurst and Blecket Limited, 1897. – 536 p. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/2351/2351-h/2351-h.htm> (date of application: 03.06 2023)

Craik D.M.M. A Noble Life. – New York : Harper, 1875. – 320 p. – URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14373/pg14373.html> (date of application: 03.06 2023)

Dickens C. Great Expectations. – 1867. – 432 p. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm> (date of application: 05.06 2023)

Dickens C. Oliver Twist from *Bentley's Miscellan.* – 1837–1839. – 641 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/730/pg730-images.html> (date of application: 05.06 2023)

Dickens C. The Adventure of Nicholas Nickleby. – London : J.M. Dent. – 1907. – 886 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/967/pg967-images.html> (date of application: 05.06 2023)

Easthope A. Englishness and National Culture. – London : Routledge, 1998. – 254 p.

Elyot T. The Book Named the Governor // Renaissance literature: An anthology / ed. by Payne, Hunter J. – London : J. Wiley and son, 2003. – 384 p.

Gordon N. Ray. Trollope at Full Length. – Huntington : Published by The Huntington Library, 1968. – 27 p.

Gaskell E. Wives and daughters (Barnes & Noble Classics Series). – London : Smith, Elder, 1866. – 372 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/4274/pg4274-images.html> (date of application: 04.06, 2023)

Gaskell E. My Lady Ludlow. – Chicago : Academy Publishers, 1995. – 260 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2524/pg2524-images.html> (date of application: 05.06 2023)

Himmelfarb G. Manners into Morals: What the Victorian Knew // The American Scholar. – 1988. – Vol. 57, N 2. – P. 223–232

Houghton W. The Victorian Frame of Mind: 1830–1870. – London : Yale Univ. Press, 1985. – 467 p.

Lever C. Lord Kilgobbin. – London : Smith, Elder, and CO, 1872. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/8941/pg8941-images.html> (date of application: 05.06.2023).

Lever C. The Knight of Gween. – London : Routledge, 1877. – 442 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/35756/pg35756-images.html> (date of application: 05.06.2023).

Manly Honor: Part III – The Victorian Era and the Development of the Stoic-Christian Code of Honor. – URL: <https://www.artofmanliness.com/character/behavior/honor-during-victorian-era/>

McKay B., McKay K. The Art of Manliness Collection. – London : HOW books, 2012. – 224 p.

- Norton Anthology of English Literature / Abrams M.H. (ed.). – 8th ed. – New York : W.W. Norton, 2006. – 3072 p.
- Perkin Joan. Victorian Women. – New York : NYU Press, 1995. – 264 p.
- Puvey Mary. Uneven Development: Ideological Gender Work in Middle Victorian England. – Chicago : U of Chicago Press, 1988. – 289 p.
- Reviron-Piégay F. Englishness Revisited. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 216 p.
- Roget P.M. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. – 1805. – 2001 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/10681/pg10681-images.html> (date of application: 05.06.2023)
- The Oxford English Dictionary. – Oxford : At the Clarendon Press, 1933. – 1558 p.
- Trollope A. The Way we Live Now. – London : Chapman and Hall, 1875. – 380 p. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/5231/pg5231-images.html> (date of application: 05.06.2023)
- Victorian Culture and Society: the Essential Glossary / Roberts Adam Charles (ed.). – Oxford : Arnold, Distributed in the U.S. by Oxford University Press, 2003. – 262 p.

References

- Bezkorovajnaya, G.T. Ponyatie «Dzhentl'men» v anglijskoj i francuzskoj lingvokul'turah: sopostavitel'nyj analiz [The concept of “Gentleman” in English and French linguistic cultures: a comparative analysis]. In *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*. no 3, 2014, pp. 61–65. (In Russ.)
- Bel'chikov, Yu.A. O kul'turnom konnotativnom komponente leksiki [About the cultural connotative component of vocabulary]. In *Yazyk: sistema i funkcionirovanie* [Language: system and functioning]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 30–35. (In Russ.)
- Gal'perin I.R. *K probleme stilisticheskoy differenciacii leksiki sovremennogo anglijskogo yazyka* [On the problem of stylistic differentiation of the vocabulary of the modern English language]. Moscow, Delo Publ., 2001. 267 p. (In Russ.)
- Gorbashova, G.F. Istoriya povsednevnosti: “mir” cheloveka viktorsianskoj epohi [The history of everyday life: the “world” of a man of the Victorian era]. In *«Zapad–Vostok». Nauchno-prakticheskij ezhegodnik* [“West–East”. Scientific and practical yearbook]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennij university Publ., 2009, pp. 63–70. (In Russ.)
- Dittrich, T. *Povsednevnyaya zhizn' Viktorianskoj Anglii* [The daily life of Victorian England]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 382 p. (In Russ.)
- Zbrozhek, E.V. Viktorianstvo v kontekste kul'tury povsednevnosti [Victorianism in the context of everyday culture]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no 11, 1999, pp. 28–44. (In Russ.)
- Illyustrirovannyj enciklopedicheskij slovar'* [Illustrated Encyclopedic Dictionary], ed. Borodulin V.I. et al. Moscow, Autopan Publ., 1998. URL: <https://1598.slovaronline.com/7430-moral> (In Russ.)
- Kouti, E., Grinberg, K. *Zhenshchiny Viktorianskoj Anglii: ot ideala do poroka* [Women of Victorian England: from ideal to vice]. Moscow, Algoritm Publ., 2013. 434 p. (In russ.)

Livergant A.Ya. *Viktorianki* [Victorians]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 272 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Yazyk. Semiotika. Kul'tura* [Language. Semiotics. Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 560 p. (In Russ.)

Solov'eva N.A. *Viktorianstvo kak fenomen kul'tury (Istoriya zarubezhnoj literatury XIX veka: Uchebnoe posobie* [Victorianism as a cultural phenomenon (History of foreign literature of the XIX century: Textbook], N.A. Solovyova, V.I. Greshnykh, A.A. Druzhini-na, etc.; edited by N.A. Solovyova. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2007. 656 p. (In Russ.)

Trevil'yan, D.M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii* [The History of Eng-land from Chaucer to Queen Victoria], translated from English by A.A. Krushinskaya and K.N. Tatarinova. Smolensk, Rusich Publ., 2001. 624 p. (In Russ.)

Haritonchik Z.A. *Leksikologiya anglijskogo yazyka* [The lexicology of the English language]. Minsk, "Vyshejschaya shkola" Publ., 1992. 29 p. (In Russ.)

Chernuhina, I.Ya. *Elementy organizacii hudozhestvennogo prozaicheskogo teksta* [El-ements of the organization of an artistic prose text]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta Publ., 1984. 256 p. (In Russ.)

Abrams, M.H. *A Glossary of Literary Terms*. 7th ed. Philadelphia, Harcourt Brace Col-lege Publishers, 1999. 386 p.

Abrams, M.H. (ed.) *Norton Anthology of English Literature*. 8th ed. New York, W.W. Norton Publ., 2006. 3072 p.

Berberich, Chr. *The Image of English gentleman in Twentieth-Century Literature*. Ox-ford: Oxford Univ. Press Publ., 2007. 218 p.

Bronte, C. *Jane Eyre*. London, SERVICE & PATON Publ., 1897. 548 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/1260/pg1260-images.html> (date of application: 04.06.2023)

Cenicola, L., Aumann, M. Introduction into Victorian Morality – What exactly was the Victorian Era? In *British History 2: From the French Revolution to World War II*. 2016. 635 p.

Craik, D.M.M. *John Halifax, gentleman*. London, Hurst and Blecket Limited, 1897. 536 p. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2351/2351-h/2351-h.htm> (date of application: 03.06.2023)

Craik, D.M.M. *A Noble Life*. New York Harper Publ., 1875. 320 p. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/14373/pg14373.html> (date of application: 03.06.2023)

Dickens, C. *Great Expectations*. 1867. 432 p. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1400/1400-h/1400-h.htm> (date of application: 05.06.2023)

Dickens, C. *Oliver Twist from Bentley's Miscellan 1837 to 1839*. 641 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/730/pg730-images.html> (date of application: 05.06.2023)

Dickens, C. *The Adventure of Nicholas Nickleby*. London, J.M. Dent Publ., 1907. 886 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/967/pg967-images.html> (date of appli-cation: 05.06.2023)

Easthope, A. *Englishness and National Culture*. London. Routledge Publ., 1998. – 254 p.

Elyot, T. The Book Named the Governor. In *Renaissance literature: An anthology*, ed. by Payne, Hunter J. London, J. Wiley and son Publ., 2003. 384 p.

Gordon, N. Ray. *Trollope at Full Length*. Huntington, Published by The Huntington Library, 1968. 27 p.

Gaskell, E. *Wives and daughters (Barnes & Noble Classics Series)*. London, Smith, Elder, 1866. 372 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/4274/pg4274-images.html> (date of application: 04.06, 2023)

Gaskell, E. *My Lady Ludlow*. Chicago, Academy Publishers, 1995. 260 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/2524/pg2524-images.html> (date of application: 05.06 2023)

Himmelfarb, G. Manners into Morals: What the Victorian Knew. In *The American Scholar*. Vol. 57, no 2, 1988, pp. 223–232.

Houghton, W. *The Victorian Frame of Mind: 1830–1870*. London, Yale Univ. Press Publ., 1985. 467 p.

Lever, C. *Lord Kilgobbin*. London, Smith, Elder, and CO Publ., 1872.: URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/8941/pg8941-images.html> (date of application: 05.06.2023).

Lever, C. *The Knight of Gween*. London, Routledge Publ., 1877. 442 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/35756/pg35756-images.html> (date of application: 05.06.2023).

Manly Honor: Part III – *The Victorian Era and the Development of the Stoic-Christian Code of Honor*. URL: <https://www.artofmanliness.com/character/behavior/honor-during-victorian-era/>

McKay, B., McKay, K. *The Art of Manliness Collection*. London, HOW books Publ., 2012. 224 p.

Perkin, Joan. *Victorian Women*. N.Y. : NYU Press Publ., 1995. 264 p

Puvey, Mary. *Uneven Development: Ideological Gender Work in Middle Victorian England*. Chicago, U of Chicago Press Publ., 1988. 289 p.

Reviron-Piégay, F. *Englishness Revisited*. Cambride, Cambridge Univ. Press Publ., 2009. 216 p.

Roget, P.M. *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*, 1805. 2001 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/10681/pg10681-images.html> (date of application: 05.06.2023)

Roberts, Adam Charles, (ed.) *Victorian Culture and Society: the Essential Glossary*. Oxford, Arnold, Distributed in the U.S. by Oxford University Press Publ., 2003. 262 p.

The Oxford English Dictionary. Oxford, At the Clarendon Press Publ., 1933. 1558 p.

Trollope, A. *The Way we Live Now*. London, Chapman and Hall Publ., 1875. 380 p. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/5231/pg5231-images.html> (date of application: 05.06.2023)

Душенко К.В.*

ОТТЕПЕЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ XIX–XXI вв.

Аннотация. Оттепельные или близкие к ним метафоры сопровождали всю русскую историю с начала XIX в. (1801, 1855, 1880, 1904, 1954, 1986, 2008). Холодная зима служила аллегорией крайне авторитарного или диктаторского режима, оттепель означала предвестие более либеральных времен. Эти метафоры, как правило, двузначны: оттепель может предвещать весну, но бывает и зимняя оттепель. Ф.И. Тютчев, впервые употребивший слово «оттепель» в его позднейшем значении (1855), по-видимому, имел в виду не приметы внутриполитической либерализации, а начало «оттаивания» общества после долгой политической зимы. Ключевым словом русской печати конца 1850-х годов была все же не «оттепель», а «гласность», а затем – слово «реформы». Понятие «оттепель» применительно к началу царствования Александра II окончательно утвердилось под влиянием советского словоупотребления, восходящего к повести И. Эренбурга «Оттепель» (1954). Оттепельные метафоры встречались также в связи с политической ситуацией 1880–1881 гг. («диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова) и осени 1904 г. (т.н. весенние мечтания). На Западе «оттепель» служила обычно синонимом десталинизации в широком смысле;

---

* *Душенко Константин Васильевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, kdushenko@nl.n.ru

Dushenko Konstantin Vasilyevich – PhD in Historical Science, Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kdushenko@nl.n.ru

в СССР это понятие относилось прежде всего к сфере культурной жизни. В советской печати оно использовалось только как «чужое слово», поскольку партийные идеологи небезосновательно видели в нем «термин двусмысленный». С конца 1950-х годов слово «оттепель» нередко встречалось как синоним «разрядки», т.е. потепления отношений со странами Запада. Международная и внутренняя «оттепели» обычно были явлениями взаимосвязанными.

Ключевые слова: политический язык; культурная политика; эпоха Великих реформ; десталинизация; Ф.И. Тютчев; И. Эренбург; Н.С. Хрущев.

Поступила: 20.01.2024

Принята к печати: 27.02.2024

Для цитирования: Константин Душенко. Оттепельные метафоры в русском общественном сознании XIX–XXI вв. // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 34–58. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.02

Dushenko K.V.

**“Thaw metaphors” in Russian public consciousness
of the 19th–21st centuries**

Abstract. “Thaw metaphors” or similar metaphors have accompanied the entire Russian history since the beginning of the 19th century (1801, 1855, 1880, 1904, 1954, 1986, 2008). The cold winter served as an allegory for an extremely authoritarian or dictatorial regime, the thaw meant a harbinger of more liberal times. These metaphors are usually ambiguous: a thaw may herald spring, but there is also a winter thaw. F.I. Tyutchev, who first used the word “thaw” in its later meaning (1855), apparently did not mean signs of internal political liberalization, but the beginning of the “thawing” of society after a long political winter. The key word of the Russian press of the late 1850s was still not “thaw”, but “transparency” (“glasnost”), and then the word “reforms”. The concept of “thaw” in relation to the beginning of the reign of Alexander II was finally established under the influence of Soviet word usage, dating back to Ehrenburg’s story “The Thaw” (1954). Thaw metaphors were also encountered in connection with the political situation of 1880–1881. (“dictatorship of the heart” by M.T. Loris-Melikov) and the autumn of 1904 (the so-called “spring

dreams”). In the West, the “thaw” usually served as a synonym for de-Stalinization in the broad sense; in the USSR this concept related primarily to the sphere of cultural life. In the Soviet press it was used only as a “foreign word”, since party ideologists, not unreasonably, saw in it “an ambiguous term.” Since the late 1950s the word “thaw” was often found as a synonym for “detente”, i.e. warming relations with Western countries. The international and domestic “thaws” were to some extent interrelated phenomena.

Keywords: political language; cultural policy; era of Great Reforms; de-Stalinization; F.I. Tyutchev; I. Erenburg; N.S. Khrushchev.

Received: 20.01.2024

Accepted: 27.02.2024

For quoting: Dushenko K.V. “Thaw metaphors” in Russian public consciousness of the 19th–21st centuries // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 34–58. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.02

History doesn't repeat itself but it rhymes.
История не повторяется, но рифмуется.
(Американское изречение)

Понятие «оттепели» как явления политического и культурного устойчиво вошло в язык с середины 1950-х – в годы, позднее названные «хрущевской оттепелью». Однако метафоры подобного рода появились гораздо раньше. В сущности, они сопровождали всю русскую историю с начала XIX в. – как правило, после смены главы государства (1801, 1854, 1954, 1986, 2008), а также после назначения главы Верховной распорядительной комиссии (1880) и смены министра внутренних дел (1904). Холодная зима служила аллегорией крайне авторитарного или диктаторского режима, оттепель или же ранняя весна означали предвестие более либеральных времен.

***

Аллегория, которую можно считать предшественницей оттепельных метафор, появилась после смерти Павла I, когда (цитируем воспоминания Ф.Ф. Вигеля) «все чувствовали какой-то нравственный простор, взгляды сделались у всех благосклоннее, поступь смелее, дыхание свободнее» [Вигель, 1891, с. 180].

Именно это ощущение передано в оде Державина «На восшествие на престол императора Александра I» (1801). Ода широко распространялась в списках, а в 1808 г. была дозволена к печати.

Век новый! Царь младый, прекрасный
Пришел днесь к нам весны стезей!

.....

Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздух веют аромат [Державин, 2002, с. 291].

«Норд» (холодный северный ветер) у Державина отождествлен с Павлом I и, шире, с павловским царствованием. Эту аллгорию проясняет полное заглавие оды в рукописи: «Ода на всерадостное на престол восшествие императора Александра Первого, случившееся 12-го марта, когда солнце в знак Овна, на путь весны вступило и началось новое столетие, 1801 года».

Те же образы встречаем в других одах 1801 г. – Карамзина, Мерзлякова, Хераскова¹:

Так милыя весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы:
Сердца с природой расцветают
И плод во цвете предвкушают.
Весна у нас, с Тобою мы [Карамзин, 1966, с. 261].

Лучами Феба оживленный
Счастливый север пред Тобой
Свергает днесь одежды снежны <...> [Мерзляков, 1867, с. 59].

Цветами юными весна,
Зефирами на Север вея,

---

¹ Это сходство отмечено в «Русской старине» за 1877 г. [Оды на восшествие ... , 1877, с. 573].

Вступила в знак теперь Овна;
Натура хочет возродиться,
Готово все животвориться –
Земля, и воды, и леса [Херасков, 1858, с. 288].

Спустя десять дней после убийства Павла I 27-летний петербургский чиновник В.Н. Каразин написал государю письмо, содержавшее программу нового царствования, включая развитие народного образования. В результате он был приближен к императору и пользовался его благоволением до 1804 г. Каразин считается фактическим основателем Харьковского университета.

В его письме природная оттепель при начале нового царствования толкуется как знак благих исторических перемен: «Каким прекрасным днем началось Твое царствование! Казалось нам, что сама природа в восторге встретила Тебя!» В позднейшем примечании Каразин поясняет: «Случилось, что 11-го марта 1801 года в Петербурге был самый неприятный зимний день <...>. 12-го, напротив, погода сделалась тихая, теплая и ясная, как будто весна вдруг наступила» [Каразин, 1871, с. 68]. О том же свидетельствует П.И. Полетика, в то время чиновник Коллегии иностранных дел: «...Природа, как бы участвуя в общей радости, изменилась в погоде, которая, быв до 12 марта сырая и пасмурная, совершенно прояснилась <...>» [Полетика, 1885, с. 323].

Каразин в своем письме продолжает: «Александр, любимец сердец наших! Десятый день уже освещает весеннее солнце твоих, надеждами исполненных подданных, и день ото дня, час от часу ты более оправдываешь сии надежды. Какая лестная будущность ожидает нас!..» В 1812 г. Каразин сделал приписку к этому месту: «Все обманулись!.. Автор наряду со всеми...» [Каразин, 1871, с. 68]. Эти слова могли бы повторить многие из тех, кто с надеждой встречал последующие «оттепели».

Две наиболее известные из оттепельных метафор также родились ранней весной и при весьма сходных обстоятельствах.

***

Слово «оттепель» как обозначение исторических перемен появилось после смерти Николая I (2 марта 1855 г.) и воцарения Александра II. 8 апреля славянофил Иван Сергеевич Аксаков пишет отцу,

С.Т. Аксакову, из Москвы: «Вот вам слово Ф. Тютчева о современном положении: он называет его *оттепелью*. <...> Вообще положение какое-то странное, все в недоумении, никто не прочен, никто не знает настоящего пути, которым хочет идти правительство» [Аксаков, 1994, с. 343].

Два дня спустя, 10 апреля, Вера Сергеевна Аксакова (сестра И.С. Аксакова) пишет о том же в своем дневнике: «Говорят, будто бы государь сказал: “Пусть всякий одевается, как хочет, мне до этого дела нет”! Хорошо, если б это было правда! – Но вообще везде царствует какое-то недоумение, неизвестность, что будет и чего именно хочет правительство. Все чувствуют, что делается как-то легче и в отношении платья¹ и в отношении духа. Тютчев Ф.И. прекрасно назвал настоящее время *оттепелью*. Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная и потом все опять закует мороз, то еще тяжелее покажется <...>» [Аксакова, 2004, с. 125].

Тютчев, служивший цензором в Министерстве иностранных дел, жил в Петербурге и с Аксаковыми в то время не переписывался. А значит, о «слове Тютчева» Аксаковы узнали скорее всего от кого-то из знакомых, приехавших из столицы, с более или менее значительным опозданием. Таким знакомым мог быть, например, Тургенев², как раз в это время приехавший в Москву из Петербурга, о чем Аксаков упоминает в письме от 6 апреля.

Свидетельства Аксаковых – единственные известные нам упоминания об «оттепели» в «тютчевском» смысле в 1855 г. Заметим еще, что почти все изречения Тютчева, запомнившиеся современникам, сказаны им по-французски [см. Тютчевиана: ... , 1922], поэтому резонно предположить, что и «слово» об оттепели родилось на этом языке: *un dégel*.

---

¹ Приказом от 24 марта 1855 г. для офицеров были установлены двубортные «полукафтаны», более удобные, чем николаевские фрачные мундиры. Граф Д.И. Толстой, видный чиновник Министерства внутренних дел, писал П.А. Валуеву: «Наши новости ограничиваются пока переменою одежды (военной); ждем чего-нибудь и еще» [Валуев, 1891, с. 179].

² Ниже приводится упоминание Тургеневым об «оттепели» в политическом смысле, относящееся уже к 1880 г.

У Державина и его современников воцарение Александра I представлено как начало весны, идущей на смену «мрачным ужасам зимы». Тютчевская метафора намеренно двузначна: оттепель может предвещать весну, но бывает и зимняя оттепель. Эта двузначность, подчеркнутая в дневнике Аксаковой, сохраняется в позднейших оттепельных метафорах.

Годом ранее об «оттепели» в переносном значении писала Анна Тютчева, дочь поэта, однако в существенно ином контексте. Речь идет о ее письме князю П.А. Вяземскому из Петербурга, написанном, судя по его содержанию, в марте 1854 г.:

«Жизнь здесь кипит, это настоящая духовная оттепель, пробуждаются все благородные и добрые чувства; восточный вопрос производит в душах действие, подобное чувству любви, – дураки делаются умными, скряги щедрыми, трусы храбрецами, и даже самые апатичные пробуждаются к жизни. Одна лишь Софи Карамзина упорно противится общему воодушевлению. <...> ...Посреди вихря патриотического энтузиазма она производит впечатление бабочки, занесенной порывом ветра в верхние слои атмосферы <...>» (в оригинале по-французски) [Тютчева, 1994, с. 109].

Р. Лейбов и А. Осповат полагали, что «оттепель» здесь значит то же, что у Тютчева в 1855 г., поэтому вопрос об авторстве «слова» остается открытым [Лейбов, Осповат, 2019, с. 109]. Но это едва ли верно. «Духовная оттепель» у Тютчевой – почти что синоним «патриотического энтузиазма», а отнюдь не предвестия перемен во внутренней жизни страны. «Слово Тютчева» родилось в совершенно другой обстановке: со смертью Николая I окончилась историческая эпоха, а облик новой рисовался неясно. Именно это определило двузначность тютчевского высказывания и сделало его тем, что по-французски называется *mot* – «острым словечком»; недаром у обоих Аксаковых оно выделено курсивом. Поэтому автором понятия «оттепель» в его позднейшем значении следует считать именно Тютчева.

Весной 1855 г. курс нового царствования еще не определился. 1 марта Е.И. Якушкин, сын декабриста И.Д. Якушкина, пишет И.И. Пущину из Москвы: «В Петербурге он (Александр II. – К. Д.) производит восторг неописанный – до Москвы доходят только слухи – но в слухах этих почти ничего нельзя разобрать. Впрочем, в одном только нельзя сомневаться, что вообще будет лучше. Вчера еще рассказывали (и лю-

ди довольно достоверные), что император потребовал к себе списки сосланных» [цит. по: Эйдельман, 1979, с. 198].

В Манифесте от 27 марта говорилось о сокращении наказания заключенным и льготах по недоимкам. Манифест этот был, говоря словами И.С. Аксакова, «самый казенный». «О политических преступн<иках> ни слова, и слухи о прощении их прекратились» (письмо С.Т. Аксакову от 2 апреля 1855 г.) [Аксаков, 1994, с. 336].

Признаки потепления режима пришлось бы разглядывать в микроскоп. 31 марта вел. кн. Константин Николаевич, глава Морского ведомства и наиболее либеральный из представителей высшей бюрократии, задумывает ревизию учебных заведений военно-морского ведомства. Симптоматично, что для этого он обратился не к военным, а к служащим Министерства народного просвещения, включая А.В. Никитенко, пользующегося репутацией либерала. Тогда же Никитенко готовит, по согласованию с министром просвещения А.С. Норовым, всеподданнейшую записку о смягчении цензуры, которую, впрочем, Норов так и не представил государю [Никитенко, 1955, с. 406].

Общество, во всяком случае, его наиболее активная часть, ожидало гораздо большего. 27 апреля Е.И. Якушкин сообщает И.И. Пущину: «...Общественное мнение силится из всех сил высказаться и высказывается иногда в <...> подземной литературе чрезвычайно умно» [цит. по: Эйдельман, 1979, с. 200]. Оживление общественной мысли проявлялось также в программных записках, представляемых новому государю. Во всеподданнейшей записке Константина Аксакова заявлялось: «*Общественное мнение* — вот чем самостоятельно может и должен служить народ своему правительству» [Русская ... , 2012, с. 64].

В начале николаевского царствования Тютчев называл самодержавную Россию «вековой громадой льдов» и говорил о преступности и безнадежности попытки декабристов силой оружия побороть «железную зиму» и «вечный полюс растопить» («14-ое декабря 1825 года», 1826 или 1827) [Тютчев, 1984, с. 263]. Теперь, разделяя преобладающее настроение образованного общества, он желал увидеть начало весны, которая растопит «вековую громаду льдов».

Точный контекст, в котором было сказано «слово Тютчева», неизвестен. Однако в марте 1855 г. (наиболее вероятная дата рождения «слова») речь шла не о признаках перемен, но лишь об ожидании пе-

ремен, о начале «оттаивания» общества после «железной зимы». Признаком перемен Тютчев не видел даже два месяца спустя, судя по его письму жене от 21 мая 1855 г.: «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. <...> ...Ничто не было пощажено, все подверглось этому давлению, всё и все отупели. Теперь потребовалась бы огромная двигательная сила со стороны власти, чтобы исправить это положение дел, и, разумеется, до сих пор она никак не проявилась» (в оригинале по-французски. – К. Д.) [Тютчев, 2005, с. 210].

***

Курс на либерализацию отчетливо наметился к началу 1856 г. С января стал выходить либерально-западнический «Русский вестник», с апреля – славянофильская «Русская беседа». В речи Александра II перед представителями московского дворянства 10 марта содержался недвусмысленный намек на неизбежность освобождения крестьян, а в Манифесте об окончании Крымской войны (19 марта) – намек на необходимость судебной реформы. В августе, по случаю коронации нового государя, была дана амнистия политическим ссыльным.

Следующее после Аксаковых упоминание об «оттепели» мы находим в дневнике петербургского литератора А.В. Дружинина: «Оттепель. Отрадные слухи. Никитенко. <...> Les censeurs s’humanisent¹» (отрывочные записи, январь – начало мая 1856 г.) [Дружинин, 1986, с. 385]. Здесь, так же, как у Аксаковых, слово «оттепель» выделено, что указывает на его новое значение.

Если у Дружинина «оттепель» связывается со смягчением цензурного гнета, то в дневнике петербургского чиновника князя Д.А. Оболенского за декабрь 1856 г. она уже видится историческим рубежом, отделяющим старое время от нового: «Довольно того, что оттепель продолжается, Россия отходит от 30-летнего мороза, который сковал ее члены, Россия начинает пробуждаться». «...Прошедший год <...> ярко отличается от предшествующих годов, как перед наступлением весны бывают дни, хотя еще холодные, но с весенним запахом, предшественником наступающей оттепели. Свободно дышала Россия в этом году. В воздухе слышится другая жизнь, другое направление,

---

¹ Цензоры становятся гуманнее (франц.).

окоченелые члены оживают, чувствуется благотворная теплота» (записи от 4 и 30 декабря) [Оболенский, 2005, с. 151, 154].

В литературу слово «оттепель» в переносном значении ввел Салтыков-Щедрин в том же 1856 г. Вопрос «Что такое оттепель?» задает, по видимости беспричинно, помещик Буеракин, герой одного из «Губернских очерков», и сам же на него отвечает в стиле, который Щедрин называет «праздной иронией» [Салтыков-Щедрин, 1965, с. 468]:

«Оттепель – <...> возрождение природы; оттепель же – обнажение всех навозных куч.

Оттепель – с гор ручьи бегут; <...> оттепель же – стекаются с задних дворов все нечистоты, все гнусности, которые скрывала зима <...>, все миазмы, все гнилые испарения.

<...> Оттепель – полное томительной неги пение соловья <...>; оттепель же – карканье вороны, наравне с соловьем радующейся теплу.

Оттепель – пробуждение в самом человеке всех сладких тревог его сердца, всех лучших его побуждений; оттепель же – возбуждение всех животных его инстинктов» («Владимир Константиныч Буеракин», опублик. в журн. «Русский вестник», 1856, № 11) [Салтыков-Щедрин, 1965, с. 306].

Другой персонаж «Губернских очерков» замечает: «Старые порядки к концу пришли, а новых мы не доспелись» [там же, с. 219]. Именно это промежуточное время имеет в виду Буеракин. Его тирада служит оправданием бездействия и апатии, но в ней слышится голос и самого Щедрина. О том же чуть позднее писал Герцен: «Отсутствие николаевского гнета как будто расшевелило все гадкое, все отвратительное, все воруемое и в зубы быющее – под сенью императорской порфиры. Точно как по ночам поднимается скрытая вонь в больших городах во время оттепели или перед грозой» («Под спудом», опублик. в № 5 «Колокола» за 1857 г.) [Герцен, 1958, с. 80].

Трудно сказать, в какой мере читатели «Губернских очерков», особенно провинциальные, опознавали «оттепель» как слово-символ, и тем более – как слово тютчевское. В печати это понятие встречалось нечасто. Пример такого наименования мы находим у Н.И. Пирогова в 1858 г., причем скорее с негативными коннотациями:

«...Есть <...> такие периоды для человечества, в которых старое еще недостаточно состарилось; а новое, втекая целым потоком, еще не успело ни созреть, ни амальгамироваться со старым.

Эти периоды так же вредны для нравственности, как у нас на севере ранние оттепели для посева: семена уносятся тающим снегом. <...> Чуть ли мы сами не живем в одном из таких периодов» (статья «Быть и казаться» из цикла «Вопросы жизни») [Пирогов, 1858, с. 70].

Отсылку к «оттепели» в тютчевском смысле можно усмотреть в очерке И.И. Панаева, помещенном в мартовском номере «Современника» за 1859 г.: «Мороз с оттепелью (в Петербурге. – К. Д.) почти сменяются через день... <...> ...На меня <...> это климатическое непостоянство действует самым зловредным образом. <...> ...Я начинаю сомневаться в убеждениях самых близких мне людей и в возможности, которая одушевляет их идти по *новому светлому прямому пути усовершенствований и улучшений* <...>; эта стереотипная фраза сделалась мне противна. <...> ...В сию минуту я особенно зол на всех петербургских 40 и 50-летних энтузиастов – моих друзей и приятелей, повторяющих избитые фразы о прогрессе, и прочее, и прочее» [Панаев, 1859, с. 174–175].

В «Русском вестнике» за 1860 г. слово «оттепель» применено к бонапартистской Франции, но, можно думать, не без оглядки на Россию. По поводу циркуляра нового министра внутренних дел Виктора де Персиньи говорилось: «Циркуляр, говоря приятным слогом, походит на дыхание оттепели после суровых морозов, хотя эта оттепель еще не совсем весна» [Либеральная ... , 1860, с. 161].

Два месяца спустя после Манифеста 19 февраля 1861 г. виднейшие деятели крестьянской реформы – министр внутренних дел С.С. Ланской и его ближайший помощник Н.А. Милютин – были уволены. 7 мая князь В.А. Черкасский пишет Н. Милютину: «После весенней оттепели мы вернемся не в суровую зиму, а просто в скучную и грязную слякоть» [Leroy-Beaulieu, 1884, р. 80] (последнее слово Леруа-Болье приводит по-русски латиницей).

В том же году правовед государственной школы Б.Н. Чичерин писал брату: «Вся Русская земля немного сбилась с толку. Возшло для нас весеннее солнце и произошла оттепель. Зеленъ еще впереди, если солнце будет продолжать греть, а пока только непроходимая грязь» (письмо от 11 октября 1861 г.) [Чичерин, 2010, с. 20].

Скептическое отношение демократов-шестидесятников к тогдашней «оттепели» выражено в рецензии Дм. Писарева на тургеневских «Отцов и детей»: «Базаров <...> возьмется <...> за дело только тогда,

когда увидит возможность действовать не машинально. <...> ...Он не примет случайной оттепели за наступление весны» (Русское слово, 1862, № 3) [Писарев, 1955, с. 45].

***

Ключевым словом русской печати конца 1850-х годов было не «оттепель», а «гласность», а затем – слово «реформы». То же относится к дореволюционной исторической литературе об этой эпохе, за весьма редкими исключениями, например: «...В начале царствования Александра II наступила в России либеральная *оттепель* <...>» [Драгоманов, 1881, с. 69].

В пятом издании книги Г.А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» (1894) автор ностальгически восклицал: «Пусть в эту оттепель весеннего русского возрождения рядом с хорошими инстинктами выступили, как и вообще бывает в оттепель весною, и затаенные алчные вождения, рядом с искренним порывом к свободе, равенству и братству, и окрашенное в модный либеральный цвет юркое, напускное и либеральное недомыслие, все-таки да будет благословенно это светлое время пробуждения!» [Джаншиев, 1894, с. 48].

Историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) в посмертно изданных мемуарах писал об «оттепели» 1850-х годов почти в тех же выражениях, что и Щедрин в «Губернских очерках», однако акценты расставил существенно иначе: «Но вот с 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свежий воздух производил головокружение у людей, к нему непривыкших, и в то же время замерзшие нечистоты начали оттаивать, и понеслись миазмы. <...> ...Явилась целая обличительная литература, следствием чего было усиление пагубной привычки к отрицанию <...>» (Мои записки... , XXIII; опубл. в 1896 г.) [Соловьев, 1997, с. 348, 349]. К пагубным отрицателям Соловьев, надо думать, причислял и Щедрина.

Высказывания С.М. Соловьева и особенно – Г. Джаншиева¹ были наиболее заметными упоминаниями об «оттепели» 1850-х годов вплоть до середины XX в. Понятие «оттепель» применительно к началу царствования Александра II окончательно утвердилось, как мы по-

---

¹ После 5-го издания его книги об эпохе Великих реформ до 1906 г. вышло еще пять изданий.

лагаем, под влиянием советского словоупотребления, восходящего к повести Эренбурга. Письма Ивана Аксакова увидели свет в 1888 г., дневник В.С. Аксаковой – в 1913 г., однако «оттепель» как словосимвол стало устойчиво связываться с именем Тютчева лишь с 1960-х годов, главным образом в трудах по истории русской литературы.

Широкая читательская аудитория в СССР узнала о первой «оттепели» из исторического бестселлера Валентина Пикуля «Битва железных канцлеров» (1977):

«Московские славянофилы тогда же пустили в оборот модное словечко “оттепель”:

– Господа, начинается политическая оттепель...

Началась она с того, что Александр II (сам курящий) позволил верноподданным курить на улицах и в общественных местах» [Пиккуль, 1988, с. 35].

(В действительности запрет на курение на улицах Петербурга, введенный в 1839 г. из соображений пожарной безопасности, был отменен лишь в 1865 г.)

В исторических трудах наименование «оттепель» применительно к 1850-м годам становится обычным с конца 1980-х, практически одновременно с легализацией понятия «хрущевская оттепель». Окончание первой «оттепели» датировалось различно, но чаще всего называются две даты: 1862 г. (петербургские пожары) либо 1866 г. (покушение Каракозова). Оба эти события повлекли за собой политические репрессии и ужесточение цензуры, а второе из них – также резкое «поправление» правительственного курса.

***

Оттепельные метафоры ожили в период «диктатуры сердца» М.Т. Лорис-Меликова, породившей надежды на продолжение либеральных реформ. 21 апреля 1880 г., в связи с отставкой министра народного просвещения Д.А. Толстого И.С. Тургенев писал М.М. Стасюлевичу: «Вот ненавидим был человек! Но каким образом это случилось? Как рухнул этот столб?! <...> Решительно: оттепель наступила сильная» [Тургенев, 1967, с. 236]. В начале царствования Александра III, когда поворот к политике контрреформ еще не стал очевидным, редактор либеральной «Русской мысли» писал: «Мы действительно находимся в переходном состоянии, и нам одинаково

вредны и ранняя оттепель, и запоздалые морозы» [Гольцев, 1881, с. 47]. А в январе 1882 г. либеральное «Земство» сетовало: «...Мы <...> приняли оттепель, бывшую в начале истекшего года, за признак близкого окончания зимы», однако «недолгая оттепель сменилась долговременной и суровой зимой» [Внутреннее ... , 1882, с. 16].

В конце царствования Александра III Д.С. Мережковский использовал оттепельную метафору для характеристики безвременья: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель. В самом воздухе какое-то нездоровое расслабление и податливость. Все тает... То, что было некогда действенным и белым как снег, превратилось в грязную и рыхлую массу. На водах – совсем тонкий, изменнический лед, на который ступить страшно. И шумят, и текут мутные, внешние ручьи из самых подозрительных источников» [Мережковский, 1893, с. 74].

Целый набор оттепельных метафор появился осенью 1904 г., после назначения нового министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. 16 сентября министр заявил о необходимости «искренне доверчивого отношения к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», «взаимного доверия» между властью и обществом [Витте, 1960, с. 600]. Издатель «Нового времени» А.С. Суворин назвал эту речь «веянием весны» [Суворин, 1904], а «Русские ведомости» сообщали: «“Повеяло весной”... Таково общее впечатление; это говорят в обществе; это отмечает печать» [Ачкасов, 1905, с. 38]. «Повеяло весной» (точнее: «весною») — цитата из хрестоматийного стихотворения А.Н. Плещеева «Весна» (1872), которое начинается со слов «Уж тает снег...».

Сходные обороты появились в печати – сперва закордонной, а потом и подцензурной – раньше. Летом 1904 г. В.А. Грингмут, ставший вскоре одним из вождей черносотенного движения, писал: «Наши “либералы” с начала текущего года упорно твердили, что “осенью” у нас начнется “политическая весна”, с “земским парламентом”, “свободой печати”, “свободой сходов” и прочими прелестями революционного катехизиса» («Чего хотят наши злодеи?», в газ. «Московские ведомости» от 16 июля 1904 г.) [Грингмут, 1908, с. 150].

В 1905 г. вышли два издания сборника «“Повеяло весною...”»: Речи г. министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы» [Ачкасов, 1905]. Очень скоро ожидания общества в первые месяцы министерства Святополк-Мирского (т.н. эпоха дове-

рия) получили ироническое наименование «весенних мечтаний», например:

«...Усилиями революционного социализма старается воспользоваться либеральное общество, после того как правительство грубо прервало его “весенние мечтания”» [Махайский, 1906, с. XXVIII];

«...Чуть не поголовно всеми, ежегодно собиравшимися в ноябре в двухсветной зале нашей управы, овладели знаменитые “весенние мечтания”» (И.А. Бунин, очерк «Архивное дело», 1914) [Бунин, 1988, с. 40].

Отметим также случай использования понятия «оттепель» накануне Первой мировой войны. В июле 1913 г. меньшевик П.Б. Аксельрод призвал готовиться к созыву объединительного рабочего съезда, «как только начнется политическая оттепель» и «реакция <...> вынуждена будет сделать некоторые шаги по пути обуздания безграничного произвола» [Аксельрод, 1913].

Затем понятие «оттепель» надолго исчезает из политического языка.

***

«Хрущевская оттепель» получила свое название от заглавия повести Ильи Эренбурга. «Тот апрель (1953 года. – К. Д.) <...> был особенным, – вспоминал Эренбург. – <...> Вероятно, я думал об этом апреле, когда осенью решил написать маленькую повесть и на листе бумаги сразу же поставил заглавие “Оттепель”» (Люди, годы, жизнь, кн. 6) [Эренбург, 2005, с. 244]. 1-я часть повести была опубликована в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. и в том же году вышла книжным изданием. 2-я часть вышла в свет два года спустя, когда слово «оттепель» уже стало символом.

Действие 1-й части начинается зимой, в последние месяцы жизни Сталина, а заканчивается, когда «высокое солнце весны пригревает <...> весь изыбший за зиму мир» [Эренбург, 1965, с. 126]. По жанру это обычная, к тому же весьма небрежно написанная производственная повесть с дежурной любовной темой. Однако по всему тексту разбросаны сигналы, которые мгновенно улавливались читателем: неприглядный быт рабочего поселка, упоминание о репрессиях 30-х годов (в одном ряду с бедствиями войны!), а также о «деле врачей», рассуж-

дения о необходимости «советского гуманизма» и т.д. (Подробнее этот сюжет рассмотрен в нашей статье: [Душенко, 2018].) Оттепельные метафоры проходят через всю книгу.

Неизвестно, слышал ли Эренбург об «оттепели» 1850-х годов. Возможно, что не слышал, так же, как и его читатели. В тогдашней исторической литературе, а также в литературоведении это понятие почти не встречалось; и даже в начале XX в., во времена дореволюционной молодости Эренбурга, оно, по-видимому, было редким.

Повесть фиксировала начало перемен, а отчасти опережала их. «Хотя я и написал “Оттепель”, – вспоминал потом Эренбург, – я сам еще не успел по-настоящему оттаять» [Эренбург, 2005, с. 267].

Название повести очень скоро обрело тот же смысл, что и столетием раньше. Поздравляя в письме Эренбурга с новым 1955 годом, Вера Панова добавила: «...Для всех нас желаю, чтобы и у нас, в нашем ремесле, наконец, наступила оттепель» [там же, с. 270].

А.З. Добровольский, который отбыл 17-летний срок на Колыме и с 1954 г. жил там в качестве вольнонаемного, писал о начале своей вольной жизни: «...Это начинание жизни сызнова совпало со временем, которое определялось словом “оттепель”» (письмо Варламу Шаламову без даты; написано предположительно весной 1955 г.). [Шаламов, 2004, с. 489]. Как видим, всего через год после публикации повести Эренбурга слово «оттепель» как обозначение нового исторического периода дошло до самых отдаленных окраин. Шаламов тогда же писал: «Что касается оттепели, то я, промерзший, наверное, до костей насквозь, ее, надо сказать, не чувствую — такой, как мне хотелось бы, а требования у меня скромнейшие из скромных» (письмо А.З. Добровольскому от 12 марта 1955 г.) [там же, с. 488].

Повесть Эренбурга нашла живой отклик и в эмиграции. Идеолог НТС А.С. Светов (Парфенов), который в послесталинском СССР усматривал признаки «большевистского термидора»¹, высоко оценил значение повести: «...Если “Оттепель” Эренбурга еще не конец зимы, то все же поминание о том, что зима не бесконечна и силы весны рано или поздно пробьются к жизни» [Светов, 1954, с. 137].

Совершенно иначе отозвался представитель «старой эмиграции» Роман Гуль. Он счел повесть «социальным заказом», написанным в

---

¹ Таким было заглавие его статьи в № 5 журнала «Мысль» за 1954 г.

дни премьерства Маленкова, «когда – и за границей и внутри страны – было много шума о наступлении политической весны»¹. (Тут, заметим, использован термин начала XX в., невозможный в советском политическом языке.) Эренбург «вставил в повесть всё, что для пропаганды этой весны было нужно», однако в выполнении заказа просчитался. «Недаром напала и нападает на него казенная критика. Но за Эренбурга волноваться нечего. Не повезло с повестью для Маленкова, он для Хрущева напишет иначе» [Гуль, 1955, с. 297].

Тогда же об «оттепели» стала писать иностранная печать. Книга американского журналиста Сайруса Лео Сулицбергера о переменах в СССР и его сателлитах вышла под заглавием «Большая оттепель» (*The Big Thaw*, 1956). Польская печать, в отличие от советской, с 1956 г. пользовалась понятием «оттепель» вполне свободно. Позднее оно встречалось применительно к начальному этапу правления Владислава Гомулки: *odwilż gomułkowska* – гомулковская оттепель.

На Западе «оттепель» служила обычно синонимом десталинизации в широком смысле; в СССР это понятие относилось преимущественно к сфере культурной жизни. В советской печати оно использовалось только как «чужое слово». В конце 1956 г. литературовед И.И. Анисимов, отвечая на вопросы итальянского писателя-социалиста Иньяцио Силоне, заявил: «Понятие “оттепели”, которым вы пользуетесь и которое очень распространено в западноевропейской печати, не пришло и не привьется в нашей печати. Нет оснований название повести <...> делать обозначением больших и глубоких перемен после того, как был отброшен культ Сталина <...>» [Анисимов, 1957, с. 231].

Критик журнала «Москва» обличал писателей, которые «стали <...> отрешиваться от всего, что было ранее, потому что ранее, по их мнению, была ночь и лютая зима, и только сейчас наступает утро и оттепель» [Андреев, 1960, с. 209].

10 октября 1974 г. А.К. Гладков записывает в своем дневнике: «Звонок редакторши сборника об Эренбурге. <...> Слово “оттепель”

---

¹ Ср. также высказывание на конференции, организованной НТС: «...Маленков на августовской сессии Верховного Совета заговорил об “оттепели”, о “крутом подъеме” <...>» [Мороз, 1955, с. 236]. Разумеется, в своей речи 8 августа 1954 г. Маленков об «оттепели» не говорил.

цензура запрещает. Не глупо ли?» [Гладков, 2016, с. 162]. Партийные идеологи видели в слове «оттепель» «термин двусмысленный» [Ильичев, 1963, с. 9], и тут они были правы. «С понятием оттепели, – пояснял Хрущев, – связано представление о времени неустойчивости, непостоянства, незавершенности, температурных колебаний в природе, когда трудно предвидеть, в каком направлении будет складываться погода...» (на встрече с творческой интеллигенцией в Кремле 8 марта 1963 г.) [Хрущев, 1963, с. 224].

На заседании Президиума ЦК 25 апреля 1963 г. Хрущев заявил: «Сложилось и такое понятие о какой-то “оттепели” – это ловко этот жулик подбросил, Эренбург» [Президиум ЦК ... , 2015, с. 724]. На приснопамятной встрече с творческой интеллигенцией 8 марта 1963 г. Хрущев связал понятие «оттепели» с понятием «либерализм», которое в партийном языке использовалось исключительно в ругательном смысле: «Он (Андрей Вознесенский. – *К. Д.*) нам хочет какую-то партию беспартийных создать. ...Здесь, знаете, либерализму нет места, господин Вознесенский». «...Теперь уже не оттепель и не заморозки – а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы». «Ты с нами или против нас? Другого пути у нас нет. Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. Никакой оттепели. Или лето, или мороз» [Минченко, 2002].

Хрущев-пенсионер думал уже иначе: «Считаю, что пущенное им слово отражало действительность <...>. Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в том числе и я, одновременно побаивались: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться <...>» [Хрущев, 1999, с. 283].

Понятие «кинематограф оттепели» появилось у нас в 1963 г. как термин «буржуазной пропаганды», потратившей, по словам советского критика, «немало усилий на то, чтобы представить наше киноискусство последних лет как кинематографию “оттепели”. Причем в это понятие вкладывается определенное содержание: идейное послабление, отказ от тенденциозности и чуть ли не наступление формализма» [Писаревский, 1963, с. 136].

В марте 1964 г. об окончании литературной «оттепели» объявил «Огонек», опять же со ссылкой на западную печать:

«Год назад буржуазные писаки на Западе писали, утверждали, что вот, мол, кончилась “оттепель”, начались “заморозки” в советской литературе.

Никаких “заморозков”, естественно, не наступало, да и само туманное понятие “оттепель”, в которое можно вложить какой угодно смысл, отошло в прошлое. Над нашей землей чистое небо, и яркое солнце бьет в окна нашего дома!» [Кружков, 1964, с. 7].

С конца 1950-х годов слово «оттепель» нередко встречалось как синоним «разрядки», т.е. потепления отношений со странами Запада. Такого рода метафорами пользовался Хрущев:

«В результате улучшения отношений между Финляндией и Советским Союзом начал постепенно расплавляться ледяной барьер, наступила оттепель и ясная погода» (на встрече с У. Кекконеном 23 января 1959 г.). «...Наши отношения были с заморозками. Сейчас многие говорят об “оттепели”. <...> Мы рассматриваем ваш приезд как результат этой “оттепели” <...>» (на встрече с Гарольдом Макмилланом 21 февраля 1959 г.) [Хрущев, 1960, с. 9, 92].

Международная и внутренняя «оттепели» до некоторой степени были явлениями взаимосвязанными. Уже в брежневское время Ю.Л. Нельская-Сидур, жена скульптора Вадима Сидура, записывает в своем дневнике: «...Сейчас наступил новый и, надеюсь, длительный период оттепели. Слава богу, китайцы и Никсон помогли. Брежнев начнет ездить по миру и продолжать дело персонального пенсионера Никиты Сергеевича Хрущева». «Оттепель продолжается. Еще Юнна (Мориц. – К. Д.) сказала со слов Евтушенко, что сейчас все начальство объединяется в борьбе со славянофильством. Сегодня еще одно “потепляющее” подтверждение – в Институте мировой литературы дано указание на то, чтобы выпустить книгу о России как стране европейской, и о том, как все писатели русские любили Европу» (записи от 17 и 18 сентября 1971 г.) [Нельская-Сидур, 2015, с. 709, 710].

Ретроспективно, с начала 1970-х годов, в Тамиздате и Самиздате получает распространение термин «хрущевская оттепель». В 1985 г. писатель Василий Аксенов предложил раздвинуть границы «оттепели»: после падения Хрущева «начался период, если так можно выразиться, “второй оттепели”, который продолжался до августа 1968 года» [Аксенов, 1985, с. 32].

***

В 1970 г. в закордонном журнале появилось эссе «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура», подписанное: «О. Алтаев». Псевдоним принадлежал философу и писателю Владимиру Кормеру (1939–1986). Кормер говорил о шести соблазнах российской интеллигенции. Нас интересует пункт пятый:

«Соблазн оттепельный. Как и революционный соблазн, он живет в тайниках интеллигентского сознания всегда, в виде надежд на перемены. По сравнению с революционным соблазном, он боязливее. Сентиментальнее. Крушение все же пугает теперешнего интеллигента, но перемен он ждет с нетерпением, и, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены» [Кормер, 1970, с. 31].

О том же говорила Надежда Мандельштам: «Эту эпоху принято называть “оттепелью”, потому что кто-то поверил, что люди получают сверху разрешение говорить полным голосом». Однако «сама потребность в разрешении — это остаток прошлой эпохи с ее верой в авторитет, санкцию и инструктивные указания, с ее страхом кары и ужасом перед начальственным окриком» («Воспоминания», 1960–1970) [Мандельштам, 2014, с. 423].

В 1986 г. стали заметны первые веяния горбачевской либерализации, а вместе с ней — разговоры о новой «оттепели». 7 ноября 1986 г. хирург Николай Амосов записывает в дневнике: «...Оттепель идет по газетам и журналам. Вторая уже на моей памяти, но эта — теплее прежней, что при Никите Хрущеве» [Амосов, 1990, с. 45]. Главный вопрос, волновавший общественность, можно выразить так: это оттепель или уже весна? (Хотя не всегда это именно так формулировалось.) Но с конца 1980-х годов «процесс пошел» так стремительно, что об оттепели говорить уже не приходилось.

Очередные — и пока что последние — ожидания «оттепели» были связаны с президентством Дмитрия Медведева. В 2008 г. публицист Сергей Шаргунов заявлял: «У будущего президента, огрубляя, есть две дороги: дорога мерзлоты, гладкая, накатанная, но ведущая к обрыву, и дорога оттепели, непростая и сырая, но сквозь талый снег проступает дышащая почва реальной жизни». «Свободу придется даровать. <...> Мы ждем оттепели, господин президент» [Шаргунов, 2008, с. 12, 20]. Тут Шаргунов продолжал двухвековую традицию: идея

«дарования свободы», хотя бы весьма ограниченной, содержалась во всех такого рода метафорах, начиная с державинской.

Историк Владимир Фортунатов полагал, что «после явного “похолодания” в политической сфере в годы второго президентского срока В.В. Путина с приходом Д.А. Медведева наметилась некоторая “оттепель”» [Фортунатов, 2010, с. 246]. Однако сам Медведев, став президентом, на вопрос об ожидаемой «оттепели» ответил почти в том же духе, что и Хрущев в 1963 г.:

«В вашем вопросе уже содержится предположение о том, что “оттепель” нужна. Но что такое “оттепель”? Ослабление влияния государства на жизнь?.. “Оттепель” – это не признак развития государственного устройства. Это переходная фаза к чему-то новому... Нужно ли нам сегодня изменение общественно-политического устройства? Мой ответ – нет» [цит. по: Млечин, 2018, с. 422].

Список литературы

Исследования

Душенко К.В. «Оттепель»: повесть-сигнал // Душенко К.В. Красное и белое: Из истории политического языка : сборник статей. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 125–130.

Лейбов Р., Основат А. Из комментария к стихотворению Тютчева «14 декабря 1825 года» // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild* : историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. – Тарту : Изд-во Тартуского университета, 2019. – С. 107–111.

Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы: из истории взаимоотношений. – Москва : Худож. лит., 1979. – 422 с.

Источники

Аксаков И.С. Письма к родным (1849–1856). – Москва : Наука, 1994. – 653 с.

Аксакова В.С. Дневник: 1854–1855. – Москва : Астрель, 2004. – 397 с.

Аксельрод П.Б. Прежде и теперь (О русском рабочем движении) (Окончание) // Живая жизнь. – Санкт-Петербург, 1913. – № 13, 25 июля. – С. 1.

Аксенов В. «Юность» бальзаковского возраста // Стрелец. – Нью-Йорк, 1985. – № 10. – С. 28–35.

Амосов Н.М. Книга о счастье и несчастьях (окончание) // Радуга. – Киев, 1990. – № 1. – С. 27–73.

Андреев Ю. Любовь и ненависть писателя // Москва. – Москва, 1960. – № 2. – С. 200–209.

- Анисимов И.И.* Советская литература сегодня и ее перспективы (Ответы на вопросы И. Силоне) // Иностранная литература. – Москва, 1957. – № 2. – С. 228–232.
- Ачкасов А.Н.* «Повеяло весною»... : речь г. министра вн. дел кн. П.Д. Святополк-Мирского и толки о них прессы. – 2-е изд. – Москва : Д.П. Ефимов, 1905. – 240 с.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Худож. лит., 1988. – Т. 4. – 702 с.
- Валуев П.А.* Дневник графа Петра Александровича Валуева. 1847–1860 // Русская Старина. – Санкт-Петербург, 1891. – Апрель. – С. 167–182.
- Вигель Ф.Ф.* Записки. – Москва : Университетская тип., 1891. – Ч. 1. – 221 с.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – Т. 2 : 1894 – октябрь 1905. – LXXXI, 639 с.
- Внутреннее обозрение // Земство. – Москва, 1882. – № 1, 6 янв. – С. 15–20.
- Герцен А.И.* Собрание сочинений : в 30 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 13. – 684 с.
- Гладков А.К.* Дневник. 1974 год (июль – декабрь) / публ. и коммент. М. Михеева // Нева. – 2016. – № 11. – С. 144–176.
- [*Гольцев В.А.*] Внутреннее обозрение // Русская мысль. – Москва, 1881. – Июль. – С. 43–56 (2-я паг.). – Подпись: В.Г.
- Грингмут В.А.* Собрание статей. – Москва : Тип. Московского университета, 1908. – Вып. 2. – 310 с.
- Гуль Р.* Об «Оттепели» Эрэнбурга // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1955. – Кн. 40, март. – С. 295–301.
- Державин Г.Р.* Сочинения. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. – 711 с.
- Джанишиев Г.А.* Из эпохи Великих реформ: Исторические справки. – Изд. 5-е, дополненное. – Москва : Тип. А.И. Мамонтова, 1894. – 716 с.
- [*Драгоманов М.П.*] Историческая Польша и великорусская демократия. – Женева : Тип. «Работника» и «Громади», 1881. – 511, VIII с.
- Дружинин А.В.* Повести. Дневник. – Москва : Наука, 1986. – 511 с.
- Ильичев Л.Ф.* Об ответственности художника перед народом : речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 7 марта 1963 г. // Литературная Россия. – Москва, 1963. – № 11. – С. 9–10.
- Каразин В.Н.* Первое писание В. Н. Каразина к императору Александру 1-му. 22 марта 1801 г. // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1871. – Т. 4, июль. – С. 68–80.
- Карамзин Н.А.* Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол // *Карамзин Н.А.* Полное собрание стихотворений. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1966. – С. 261–264.
- [*Кормер В.*] Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вестник русского студенческого христианского движения. – Париж ; Нью-Йорк, 1970. – № 3(97). – С. 8–31. – Подпись: О. Алтаев.
- Крестовский В.В.* Собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1905. – Т. 8. – 492 с.
- Кружков Ник.* Воспитание душ и сердец // Огонек. – Москва, 1964. – № 14, март. – С. 7–8.

Либеральная реакция во Франции // Русский вестник. – Москва, 1860. – Т. 30, № 11/12. – С. 153–178.

Мандельштам Н. Собрание сочинений : в 2 т. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – Т. 1 : «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967). – 864 с.

[*Махайский В.К.*] Умственный рабочий. – Санкт-Петербург : В. Яковенко, 1906. – Ч. 1. – XXXVI, 128 с. – На титуле псевд.: А. Вольский.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. – Санкт-Петербург : Б.М. Вольф, 1893. – 192 с.

Мерзляков А.Ф. Стихи на восшествие на престол Государя Императора Александра I // Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Оригинальные стихотворения и переводы из новейших писателей. – Москва : Грачев и Комп., 1867. – Ч. 1. – С. 58–64.

Минченков Д. Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // Огонек. – Москва, 2002. – № 8, 3 марта. – С. 5.

Млечин Л. Путин. – Москва : Рипол-Классик, 2018. – 512 с.

Мороз П. [Выступление на дискуссии об экономической политике правительства СССР] // 5-я Конференция Института по изучению истории и культуры СССР (1955, апрель 25–27; Мюнхен). Доклады и дискуссии. – Мюнхен : [Институт по изучению СССР], 1955. – С. 234–237.

Нельская-Сидур Ю.Л. «Время, когда не пишут дневников и писем...»: хроника одного подвала. Дневники 1968–1973. – Москва : АИРО-XXI ; Санкт-Петербург : Алетей, 2015. – 1080 с.

Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. – Москва : Худож. лит., 1955. – Т. 1 : 1826–1857. – 542 с.

Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. – Санкт-Петербург : Нестор – история, 2005. – 501 с.

Оды на восшествие на престол императора Александра I. 1801 // Русская старина. – Санкт-Петербург, 1877. – Декабрь. – С. 569–578.

[*Панаев И.И.*] Петербургская жизнь: Заметки Нового поэта // Современник. – Санкт-Петербург, 1859. – № 3. – С. 173–208 (2-я паг.).

Пикуль В.С. Избранные произведения : в 4 т. – Москва : Современник, 1988. – Т. 4. – 508 с.

Пирогов Н.И. Собрание литературных статей. – Одесса : Городская тип., 1858. – 81 с.

Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. – Москва : Худож. лит., 1955. – Т. 2. – 432 с.

Писаревский Д. Венеция, 1962 // Искусство кино. – Москва, 1963. – № 1. – С. 125–137.

Полетика П.И. Мои воспоминания // Русский архив. – Москва, 1885. – [Кн. 3]. – С. 305–335.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – 3-е изд. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 1376 с.

Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы : хрестоматия. – Москва : Изд-во Московского университета, 2012. – 895 с.

Салтыков-Шедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. – Москва : Худож. лит., 1965. – Т. 2. – 559 с.

Светов А. «Коммунистом» по коммунизму // Мысль. – Франфурт на Майне, 1954. – Т. 2, № 6/7. – С. 130–137.

Соловьев С.М. Сочинения : в 3 т. – Ростов на Дону : Феникс, 1997. – Т. 1. – 576 с.

Суворин А.С. Речь министра внутренних дел // Новое время. – Санкт-Петербург, 1904. – 21 сент. – С. 4.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. – Ленинград : Наука, 1967. – Письма. Т. 12, кн. 2. – 652 с.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. – Москва : Классика, 2005. – Т. 5 : Письма 1850–1859. – 495 с.

Тютчев Ф.И. Собрание сочинений : в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1984. – Т. 1 : Стихотворения. – 495 с.

Тютчева А.Ф. Письма А.Ф. Тютчевой к князю П.А. Вяземскому / [Вступит. статья и пер. с франц. Н.В. Снытко] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – Москва : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1994. – [Т.] 5. – С. 107–122.

Тютчевiana: Эпиграфы, афоризмы, остроты Ф. И. Тютчева / [сост. Г.И. Чулков]. – Москва : Костры, 1922. – 56 с.

Фортунатов В.В. Россия в 2017 году. Чем закончатся эксперименты со страной? – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 320 с.

Херасков М.М. Ода его императорскому величеству великому государю, Александру Павловичу, самодержцу российскому, на всерадостное его на престол вступление // Библиографические записки. – Москва, 1858. – № 9. – Стб. 288–290.

Хрущев Н.С. Время, люди, власть: (воспоминания) : в 4 кн. – Москва : Московские новости, 1999. – Кн. 4. – 728 с.

Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. – Москва : Правда, 1963. – 247 с.

Хрущев Н.С. Мир без оружия – мир без войн. – Москва : Госполитиздат, 1960. – Т. 1. – 512 с.

Чичерин Б.Н. Воспоминания. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. – Т. 2 : Московский университет. Земство и Московская дума. – 528 с. – 1-е изд.: 1929.

Шаламов В. Воспоминания; записные книжки; переписка; следственные дела. – Москва : Эксмо, 2004. – 1066 с.

Шаргунов С. Битва за воздух свободы. – Москва : Алгоритм, 2008. – 254 с.

Эренбург И. Люди, годы, жизнь : в 3 т. – Москва : Текст, 2005. – Т. 3, кн. 6–7. – 624 с.

Эренбург И. Собрание сочинений : в 9 т. – Москва : Худож. лит., 1965. – Т. 6. – 688 с.

Leroy-Beaulieu A. Un homme d'État russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite: étude sur la Russie ... – Paris : Hachette, 1884. – 358 p.

References

Dushenko, K.V. “*Ottepel’*”: *povest'-signal* [“The Thaw”: The story'-signal] In Dushenko K.V. *Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka: Sbornik statej* [Red and

White: From the History of Political language: A collection of articles]. Moscow INION RAN Publ., 2018, pp. 125–130. (In Russ.)

Lejbov, R., Ospovat, A. Iz kommentariya k stihotvoreniyu Tyutcheva «14 dekabrya 1825 goda» [From the commentary to Tyutchev's poem "December 14, 1825"]. In *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Istoriko-filologicheskij sbornik v chest' docenta kafedry russkoj literatury Tartuskogo universiteta Lea Pil'd* [Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild: Historical and philological collection in honor of Associate Professor of the Department of Russian Literature at the University of Tartu Lea Pilde]. Tartu, Izd-vo Tartuskogo universiteta Publ., 2019, pp. 107–111. (In Russ.)

Ejdel'man, N.Ya. *Pushkin i dekabristy: Iz istorii vzaimootnoshenij* [Pushkin and the Decembrists: From the history of relationships]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1979. 422 p. (In Russ.)

Горюнов С.А.*

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ:
ЦЕНЗУРНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ПОНЯТИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «КОМИТЕТА 2-го апреля 1848 года»)**

Аннотация. В статье рассматривается возможность исследовать историческую семантику понятий на материалах цензурных документов. Используя методы Кембриджской школы интеллектуальной истории и Begriffsgeschichte, автор анализирует цензурные дела высшего цензурного комитета в Российской империи – *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, предметом изучения которых стало рассмотрение отдельных, встречающихся в текстах понятий. Во второй части статьи рассмотрены понятия, которые применялись к самому институту цензуры, а именно – категории *светское / духовное* и их соотношение с бинарной оппозицией *секулярное / религиозное*. Автор пробует раскрыть содержание понятия *религиозное*, а также выдвигает гипотезу о том, что применительно к российскому историческому материалу следует говорить о наличии трехчастного деления – *светское / духовное / религиозное*.

Ключевые слова: цензура; религиозный другой; историческая семантика; история идей; светское; духовное; религиозное; секулярное.

---

* *Горюнов Сергей Айказович* – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; existimator@yandex.ru

Goryunov Sergey Aikazovich – Scientific Employee (Research Fellow) at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; existimator@yandex.ru

Поступила: 01.02.2024

Принята к печати: 05.03.2024

Для цитирования: Горюнов С.А. Семантические приключения понятий: цензурное делопроизводство как источник изучения исторической семантики понятий (по материалам «Комитета 2-го апреля 1848 года») // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 59–91. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03

Goryunov S.A.

Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”)

Abstract. The paper explores how the historical semantics of concepts could be studied using materials from Russian censorship documents. By using the methods of Cambridge Methodological School and Begriffsgeschichte school, the paper analyzes the archive cases of the highest censorship committee of the Russian Empire, the so-called “Committee of April 2, 1848” – the cases, focused on the examination of particular concepts. The second part of the paper examines the concepts applied to the censorship institution itself, specifically the categories of “secular and spiritual” in their relation to the binary opposition of secular vs religious. The author attempts to unpack the content of these concepts and puts forward a hypothesis that in the context of Russian historical sources, there should be a three-part division – secular/spiritual/religious.

Keywords: Russian censorship; religious other; historical semantics; history of ideas; secular; spiritual; religious.

Received: 01.02.2024

Accepted: 05.03.2024

For quoting: Goryunov S.A. Semantic adventures of concepts: censorship record-keeping as a source for researching historical semantics of concepts (based on the sources of the “Committee of April 2nd, 1848”) // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 59–91. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.03

Ситуация предварительной цензуры

В первой половине XIX в., в период, когда вся литература подвергалась *предварительной* цензуре (*карательная*¹ получает свое полноценное оформление лишь при Александре II), цензура как институт, призванный блюсти границы *нормы* и *аномалии*, определяла судьбу любого высказывания прежде его публикации. «Недопустимое» просто не могло прозвучать в публичном пространстве, оставалось немым или, по выражению Алексея Котовича, оказывалось на «кладбище мысли»: «На архивных кладбищах воскресают писатели, и из-под цензурных протоколов несутся к нам живые голоса невысказанных убеждений» [Котович, 1909, с. III]. Не менее важно и то, что цензура пропитывала собой всю культуру, становясь значимой частью *интеллектуальной атмосферы эпохи*. Пиковая ситуация этого влияния пришлась на 1848–1855 гг. Это была т.н. эпоха цензурного террора (термин вводит Лемке [см. Лемке, 1904]), когда своего рода манифестом грядущих перемен стал учрежденный Николаем I «особый» «негласный» «высший» «цензурный» *Комитет 2-го апреля 1848 года*. На тот момент явление для России уникальное – *Комитет* был цензурой над самой цензурой. Расположившись в особом кабинете Императорской публичной библиотеки, *Комитет* повторно рассматривал уже пропущенные цензорами книги, оценивая качество их работы.

На стыке старой и новой нормы

Задача *Комитета 2-го апреля 1848 года*, согласно его собственному регламенту, была «отслеживать дух и направление печатного слова»². Однако сам факт учреждения дополнительной надстройки в виде цензуры над цензурой может говорить о том, что власть остро ощущала необходимость внедрить контроль и надзор за ведомством, производящим *норму* – стерегущим границу *дозволенного* и *недозво-*

---

¹ Термин звучит устрашающе, но на практике «карательная» цензура – это менее строгий формат надзора. Разница в том, что при предварительной все тексты вычитывались цензором, а при карательной издательствам разрешалось печатать все на свое усмотрение, но в случае пропуска чего-то недопустимого к ним применялись меры наказания.

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5.

ленного. Это делает документы делопроизводства *Комитета* источником особого характера. В них старая *норма* сталкивается с новой (тесно связанной с актуальным политическим контекстом), и пропущенные ранее сочинения запрещаются к публикации. Полемика *автор / читатель* («контравтор» – *counterauthor*), в роли которых в нашем случае выступают стороны ведомственной переписки, становится борьбой языковых инноваций и языковых конвенций, местом встречи *языка* и *речи* – *langues* и *paroles*, где можно фиксировать «*континуумы интерпретаций*» – по Дж. Пококу [Покок, 2018, с. 177]. В этом смысле документы цензурного делопроизводства оказываются отличным материалом для исследования истории идей / понятий / концептов. А сами понятия, в которых, по меткому замечанию Рейнхарда Козеллека, «конденсируется история» [Козеллек, 2016, с. 38], позволяют перевести разговор в культурологическое измерение [Никифорова, 2010, с. 104–109]. Если располагать цензурное делопроизводство как вид источника на темпоральной шкале источников Коззелека, то оно окажется на самом чутком к смысловым смещениям уровне, способном продемонстрировать даже незначительные изменения в семантике – уровень *повседневных текстов*. Напомним, что Райнхард Козеллек для своих «синхронных срезов» и «диахронных глубинных замеров» (при которых определялось изменяемое и остающееся неизменным в семантике понятий) выделял три группы источников по темпоральному принципу: 1 уровень «*классиков*» – он почти неизменный; 2 уровень «*словарей*» – это уровень поколений; 3 уровень «*газет*» – наиболее подвижный в семантическом смысле, повседневный уровень (включал в себя и тексты административного характера) [Козеллек, 2016, с. 40].

При анализе конкретных архивных материалов делопроизводства *Комитета 2-го апреля 1848-го года* мы выступаем с позиций «исторической семантики», в которой, при определенном смещении разговора в зону истории культуры и Кембриджская школа, и Begriffsgeschichte (при общеизвестной разнице между ними) находят, на наш взгляд, пространство для неконфликтного соседства [Кагарлицкий, Маслов, 2019, с. 19]. Однако в отличие от газет и журналов цензурное делопроизводство обладает как минимум еще тремя дополнительными значительными свойствами: секретность, перформативность и бюрократичность. Каких-то особенно удачных размышлений

о том, какие дополнительные характеристики это дает цензурным документам как источникам, нам найти не удалось, поэтому мы попробуем предложить собственные.

Секретность, перформативность и бюрократичность

Гриф «секретно» / «конфиденциально» / «негласно» – это не просто обстоятельство работы ведомства, а дополнительная и, на наш взгляд, крайне важная характеристика источника. Такого рода недоступные внешнему читателю тексты, при создании которых не возникало необходимости «сглаживать» формулировки, обладают гораздо большим уровнем прозрачности – содержат откровенные оценки и прямолинейные высказывания (цензурные документы цензурировать было некому).

Не меньшее значение имеет и их перформативность. Высказывания цензоров, будь то замечания относительно отдельных отрывков или общая характеристика целых произведений, или, что в контексте данной статьи особенно важно, выделение отдельных понятий, обладали определенной учредительной силой, становились частью *нормы*, которая формировалась по принципу *цензурного прецедента*. В таком же виде (прецедентов / случаев запрета, вымарывания определенных отрывков) эта норма, безусловно, просачивалась и в коллективные представления, безусловно становясь питательной средой для общественных страхов и влияя на градус самоцензуры. Попросту говоря, интенция цензора содержит перформативность [см.: Austin, 1965; Остин, 1999, с. 13–135], обладает учредительной силой. Яркий пример того, какой эффект производил *Комитет 2-го апреля 1848-го года* на «рядовых» цензоров, можно встретить в дневнике цензора Никитенко: «Я заходил в цензурный комитет. Чудные дела делаются там. Например, цензор Мелехин вымарывает из древней истории имена всех великих людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканского образа мыслей – в республиках Греции и Рима. Вымарываются не рассуждения, а просто имена и факты. Такой ужас навел на цензоров Бутурлин с братией, т.е. с Корфом и Дегаем» [«Бутурлин с братией» – это и есть *Комитет 2-го апреля 1848-го года*. – С. Г.] [Никитенко, 1905, с. 388]. Нетрудно догадаться, что вместе с вымаранными местами общее настроение доносилось эхом и до изда-

тельств, а следом и до авторов. Секретность Комитета – завеса тайны, скрывавшая его реальную работу, провоцировала, по-видимому, и определенную (возможно даже гротескную) гиперболизацию образа этого ведомства, с учетом использования цензором Никитенко словосочетания «навел ужас».

Наконец, стоит обозначить, какие черты придает этому историческому источнику его бюрократический характер. 1. **Формализованность** – бюрократические документы обычно имеют структурированный вид, в них зафиксированы имена, подписи, даты, адресаты и т.п. 2. **Систематизированность** – пронумерованность дел, наличие грифов в ответах других ведомств и т.п. – позволяют встраивать их в общую архитектуру государственного аппарата, оценивать их масштаб. 3. **Хронологичность** – наличие точных дат на всех документах позволяет в случае необходимости легко встраивать их в общий *тайм-трек* истории. 4. **Перлокутивность** – в ответах и реакциях других ведомств, особенно в случаях конфликта, можно нередко зафиксировать нарушение конвенционального. А в случае с *Комитетом 2-го апреля 1848-го года* можно непосредственно увидеть и реакцию монарха, так как на каждой писарской копии (точный эквивалент оригинала) протокольного «журнала Комитета Высочайше учрежденного во 2-й день апреля 1848-го года» обозначена и резолюция Николая I с припиской «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано карандашом:» и далее текст резолюции (конкретных примеров мы коснемся при рассмотрении архивных дел).

Цензура как пространство переосмысления семантики понятий

В этом разделе речь пойдет о некоторых семантических смещениях, или, выражаясь образно, о семантических *приключениях* слов, происходивших именно в цензурных кабинетах. Николаевская эпоха – это, конечно, в целом эпоха реакции. Получают свои конкретные очертания идеи опасности западного влияния. Важным штрихом к портрету времени становится сформулированная, судя по всему, именно как антитеза триаде «Свобода, Равенство и Братство» знаменитая уваровская формула «Православие, Самодержавие, Народность». Общее неприятие идей просвещения было, возможно, и формой реакции на восстание декабристов, сопровождавшее восшествие

на престол Николая I. Безусловно, «реакцией» было создание рассматриваемого нами *Комитета 2-го апреля 1848-го года*, который возник в ответ на череду прокатившихся по Европе революций (т.н. Весны народов 1848–1849 гг.). Иными словами, «эпоха цензурного террора» – это время пересмотра нормы, не в последнюю очередь в отношении отдельных понятий, когда они входили в резонанс с «опасным» нововременным политическим языком.

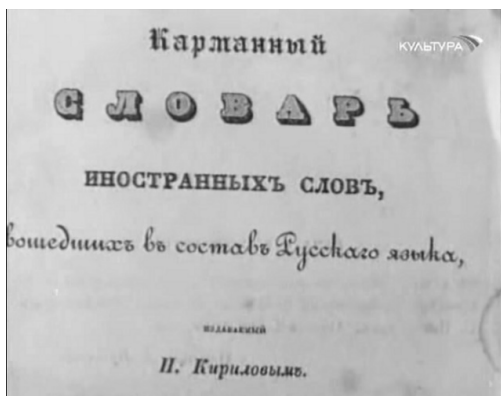
Первое дело, которое мы рассмотрим, достаточно ярко демонстрирует вышесказанное. Оно связано с извлечением из продажи книги под заглавием «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка»¹. Напомним, что этот словарь ранее уже прошел цензуру и был опубликован в 1845 г. На обороте фронтисписа издания 1845 г. стоит пометка²: «ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ с тем, чтобы по напечатании предоставлено было в цензурный комитет узаконенное число экземпляров. С. Петербург, апреля 5 дня 1845 года. цензор А. Крылов» [Карманный словарь ... , 1845]. История с этим словарем непростая, и он по-своему знаменит. В действительности, он редактировался и составлялся М.В. Бужашевичем-Петрашевским и неразрывно связан с «кружком Петрашевцев». Под видом «карманного словаря» Петрашевский планировал распространять западные политические идеи, используя, по-видимому, формат справочного издания как стратегию обхода цензурного надзора. Герцен описывает эту историю так: «Петрашевский с жадностью схватился за случай распространять свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной... все это для того, чтобы под разными заголовками излагать основания социалистических учений, перечислять главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России...» [Шишхова, 2014, с. 161]. Этот словарь нашел любопытное отражение и в ранней советской культуре. Именно он фигурирует в руках Николая I во втором (по счету) звуковом советском фильме 1932 г. «Мертвый дом» (см.: илл. 1, илл. 2), сценарий к которому был написан

---

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69.

² Тут и далее цитаты дореволюционных текстов согласованы с текущей языковой нормой, для удобства ознакомления и увеличения вероятности нахождения цитируемых архивных материалов при исследовательских поисковых запросах. Смысл текста при этом остается неизменным.

Виктором Шкловским (так что эта скрытая отсылка не кажется удивительной).

Илл. 1, илл. 2. Кадры из фильма «Мертвый дом» (х.ф.). Реж. Федоров В.Ф. 1932

При этом в фильме Николай I зачитывает вслух: «ИРОНИЯ¹. Пример иронии – как если бы кто говорил хорошо о самодержавии»² –

---

¹ В действительности (в словаре) текст следующий: «Ирония. ... Так, например, нельзя не приписать иронического характера сочинению Макиавелли “О монархе”, где он, как будто бы с полным, глубоким убеждением доказывает, что монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти, между тем как принимая в сооб-

статья словаря, рассмотрение которой задокументировано петербургским цензурным комитетом. Зафиксирован этот факт и в деле *Комитета 2-го апреля 1848-го года*. Так, в ответе князя Платона Александровича Ширинского-Шахматова (на тот момент министр народного просвещения) мы читаем следующее: «Рассматривавший оную [книгу] цензор статский советник Крылов, как он теперь объясняет, докладывал предварительно о содержании некоторых статей ее в собрании С. Петербургского цензурного комитета и получил от него словесные разрешения на печатание их, в подтверждение чего никакого однако доказательства не представил. Впрочем, статья под названием Ирония, записана в журнале сего комитета 20 февраля 1845 года и разрешена к печати письменно»¹.

**Дело № 69. «О извлечении из продажи книжки под заглавием:
Карманный словарь иностранных слов, вошедших
в состав Русского языка»**

Мы переходим к рассмотрению самого цензурного дела, где прослеживается вся драматургия исторического эпизода с этим словарем. В журнале *Комитета 2-го апреля 1848-го года* сообщается, что в числе «случайно» дошедших до него сведений особое внимание обратила на себя именно эта «книжка»²: «По тщательном рассмотрении означенной книжки Комитет не мог не признать в ней направления не только двусмысленного, но и прямо предосудительного. ... в словаре, Комитетом рассмотренном, цель сея [*объяснительная. – С. Г.*] становится, напротив, второстепенной, уступая место явному намерению развивать такие идеи и понятия, которые у нас могли бы повести к одним лишь самым вредным последствиям. С одной стороны, в означенный словарь включено много таких слов, о которых нельзя было не предвидеть уже вперед, что самое даже благонамеренное объяснение их значения поведет к толкованиям, вовсе не свойственным образу и духу нашего правления и гражданского устройства, и что потому

ражение другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвалы его деспотам суть не что иное, как сильная сатира» [Карманный словарь ... , 1845, с. 85].

² «Мертвый дом» (х.ф.). Реж.: Федоров В.Ф. 1932 г. (тайм-код: 32:40).

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 12 (об.).

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1.

осторожнее не допускать их в книгу, для популярного чтения предназначенную; напротив автор подлежащего словаря не только переполнил ими свою книгу, но и издал ее, как по всему заключить должно, единственно для неприметного разлития в народ, под видом истолкования сих слов, косвенных – по своим видам – похвал или порицаний, выражаемым ими понятиям. Таковы, например, слова: *Авторитет, Анархия, Демократия, Деспотизм, Конституция* [курсив наш. – С. Г.] и прочее. С другой стороны, даже таким словам, прямое значение которых не могло бы, по-видимому, вызвать какие-либо отвлеченные умствования, – как-то: Аполлог, Анализ, Синтез, Идеал, Идиллия, Ирония, Ландшафтная живопись, Максимум, и др. приведенными при них толкованиями или примерами, придан смысл неблагонамеренный и явно намекающий на ту же самую тайную цель автора»¹.

Любопытно, что Комитет практически угадывает идею Рейнхарда Козеллека о нововременном политическом языке. Напомним, что он выделяет четыре значимых процесса, происходящих с политическими понятиями в Новое время, а именно: 1. **Демократизация** – все больше слоев населения начинают этими понятиями пользоваться: «Через трещины в границах между социальными слоями многие понятия проникают в другие общественные круги» [Козеллек, 2016, с. 28] (в связи с этим обратим еще раз внимание на формулировки *Комитета*: «книгу, для популярного чтения предназначенную»; «для неприметного разлития в народ»); 2. **Темпорализация** – в политические понятия привнесен оттенок ожидания – в их семантике содержатся идеи обещания, стремления, будущего, прогресса, цели («такие идеи и понятия, которые у нас могли бы повести к одним лишь самым вредным последствиям»); 3. **Идеологизируемость** – политические понятия ценностно окрашены, это «слова с большой буквы»: Свобода, Равенство, Братство, Прогресс, История, Природа и т.п. (подходят сюда и понятия, которые особенно выделены *Комитетом*: «Авторитет, Анархия, Демократия, Деспотизм, Конституция»); 4. **Политизация** – такие понятия – это слова-лозунги, в них, с одной стороны содержится призыв, а с другой – маркируется враг, чуждый (Комитет ощущает собственную инаковость / противопоставленность: «поведет к толко-

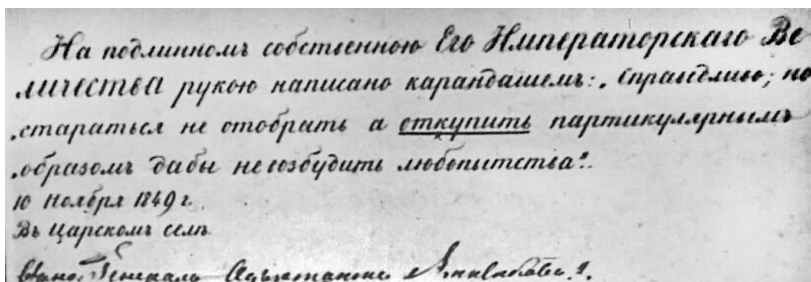
---

1 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1 об., 2, 2 об., 3.

ваниям, вовсе не свойственным образу и духу нашего правления и гражданского устройства») [Козеллек, 2016, с. 27–31].

Подобного рода понятия, по-видимому, не могут быть отделены от политического контекста или получить некоторую «семантическую невинность / нейтральность», скорее наоборот, в ходе исторического процесса их ценностная окрашенность набирала вес, становясь более явной и читаемой – в 1845 г. словарь был пропущен в печать, а вот в 1848–1849 гг. он уже, как мы видим, прочитывался по-другому. Это отмечает и сам *Комитет*, который прямо указывает на то, что революционные события «подсветили» эти понятия, рассуждая о возможном наказании цензора Крылова, «имевшего неосторожность или неблагоразумие пропустить подобное сочинение в печать» несмотря на то что книга «появилась уже несколько лет тому назад, т.е. до тех смутных происшествий [«Весна народов». – С. Г.] на Западе, которые побудили Правительство усилить бдительность цензурного надзора...»¹. Из конкретных мер, помимо внимания к участи цензора Крылова, стоит отметить предложение Комитета изъять все непроданные экземпляры книги «как весьма вредной и опасной»².

Николай I в своей резолюции смягчает эту меру, заменяя изъятие на выкуп тиража: «На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано карандашом: “Справедливо, но стараться не отбирать, а откупить партикулярным образом дабы не возбудить любопытства”» (см. илл. 3).

Илл. 3. Резолюция Николая I

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3 об.

² РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 3.

Как мы видим, в деле можно зафиксировать определенные семантические смещения и смену нормативности, при которой еще недавно допущенное к печати превратилось в недопустимое. Впрочем, справедливым будет и вопрос о показательности дела «о словаре», который изначально и задумывался Петрашевским для распространения политических идей – внимание к нему можно было бы объяснить исключительно скрытой интенцией автора, угаданной цензорами. Однако это дело не единственный пример. Для наглядности приведем еще одно, рассматривающее проповедь, которое вскользь уже упоминалось нами в другой статье [Горюнов, 2021, с. 267].

От le libre arbitre к опасному Liberté

Предметом дела № 106 стала речь ректора Могилёвской семинарии архимандрита Серафима, которая была опубликована в пензенских губернских ведомостях: «В речи этой [замечает Комитет. – С. Г.] говорится не о *свободе политической*, но о *духовной свободе* человека или о том внутреннем свободном произволении (*le libre arbitre*), посредством коего он или соблюдает или нарушает данный ему Богом нравственный закон и чрез то бывает или добродетелен или порочен, но вообще предмет сей изложен самым отвлеченным образом и нередко в довольно темных и сбивчивых выражениях. Не сомневаясь в благонамеренной цели Ректора Серафима и не входя в догматический разбор суждений и выводов, им предлагаемых, Комитет не мог, однако же, не усомниться, нужно ли и полезно ли печатание подобных отвлеченностей в губернских наших ведомостях, предназначенных *для всех классов* и в том числе для таких, которые *вовсе не приготовлены к восприятию и правильному уразумению* [курсив наш. – С. Г.] таких Богословских тезисов»¹. Центральным в данном деле стало понятие, в котором присутствуют две параллельные семантики в зависимости от дискурса и/или субдискурса, в который это понятие помещено. Пожалуй, начиная от Аврелия Августина, запустившего спор о свободе воли и благодати, эта тема становится значимой и для Фомы Аквинского, и для Мартина Лютера с Эразмом Роттердамским, и для Жана Кальвина и далее. В таком теологическом измерении это понятие без-

---

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 3 об., 4.

условно фигурирует и в XIX в., и, в отличие от предыдущего дела, тут трудно заподозрить архимандрита Серафима в скрытом намерении распространения политических идей. Однако при «перетаскивании» понятия *свобода* в политический дискурс, что вполне успешно удается *Комитету* путем введения абстрактного читателя «разных классов» (вспомним процесс «демократизации» понятия по Райнхарду Козеллеку), его семантика также меняется – содержание понятия определяется политическим контекстом. *Комитет* фиксирует отсутствие единого инварианта у автора и «неприготовленного к восприятию» читателя, при котором «отвлеченное» *le libre arbitre* способно обернуться опасным *Liberté* (*свобода-проект* / *свобода-лозунг*). Даже при наличии в речи архимандрита уточнений, понятие «свобода» ощущается Комитетом как неуместное, т.к. в контексте политических событий оно само выпадает за границы *нормы* – в 1850 г. такое публиковать больше нельзя.

Практическим решением дела стало усиление надзора за публикациями «духовных лиц» со стороны духовной цензуры, о котором сообщает в подкрепленной к делу «записке» Обер-Прокурор Святейшего синода, граф Николай Александрович Протасов: «Между тем Святейший Синод определением 23-го марта постановил за неперменное правило, чтобы проповеди, слова и речи, сочиненные духовными лицами, не были впредь печатаемы в губернских ведомостях без особого разрешения духовных цензурных комитетов, и снабдил сие последнее наставлением об усугублении строгого внимания при рассмотрении оных»¹.

Мы привели лишь несколько примеров таких случаев, где в цензурном делопроизводстве рассматриваются отдельные понятия для демонстрации того, как на цензурном материале могут быть исследованы их семантические изменения, привязанные к политическому контексту. Безусловно два случая не решают полностью вопроса показательности (даже если бы было приведено и больше, это не сняло бы проблемы уязвимости микроисследований к критике на предмет их показательности), однако на наш взгляд, «дело о книге», намеренно распространяющей политические идеи, и «дело о речи», максимально от политики далекой, в силу их полярности образуют весь коридор

---

¹ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 11 об.

вариантов, хотя в любом случае мы говорим не о детальной панораме, а скорее об эскизе к ней.

«Светская», «Духовная» и «Ученая» «особы»

Не менее значимым цензурный материал оказывается и при анализе понятий, используемых самими цензорами и/или в отношении самой цензуры, например – «светская» и «духовная». Мы попробуем контурно обозначить то, как это деление влияло на цензурную практику и как оно соотносится с классической бинарной оппозицией *секулярное / религиозное*.

Вообще история демаркации *светской* и *духовной* цензуры – это тема для отдельной статьи. Мы не будем слишком углубляться и возьмем за точку отсчета момент официального учреждения цензуры – формирования т.н. смешанных цензурных комиссий. Так, в указе Сенату 1796 г. вводился запрет на ввоз книг из-за границы, упразднялись вольные типографии и учреждались официальные цензуры [Сборник постановлений ... , 1862, с. 26]. Все книги должны были проходить предварительную проверку. Печатать позволялось лишь те, в которых нет «*ничего закону Божию, правилам Государственным и благоува-вию*» [там же] «противного». Созданные цензурные комиссии должны были состоять из трех «особ» – «*одной духовной, одной гражданской и одной ученой*» [курсив наш. – С. Г.]» (от Синода, Сената и Академии наук соответственно – своего рода миниатюра общей практики¹). Любопытным исключением из этого правила стала цензурная комиссия в Вильно, в проекте которой появляется должность цензора еврейского языка – не переводчика, а именно цензора (см. илл. 4).

---

¹ До этого цензурой духовной литературы занимался Синод, цензурой светской – гражданские ведомства, а цензуру научных текстов осуществляла Академия наук.

Напоминая Обществу Его Императорского Величества Рукъ Начальника
Тако:
Въиъ Писма.
Лѣтъ 2го Фѣв.
1799го Фѣв.
Въ Писма.

ГЛАВНЫЙ ШТАТЪ ЦЕНЗУРЫ ВЪ ВѢДЪ

ЦЕНЗУРЫ

Судебный	6. 800.
Гражданский	6. 800.
Ученый	6. 800.
Еврейский языкъ	6. 800.
Секретарь канцелярии иностранныхъ языковъ	6. 800.
Секретарь канцелярии иностранныхъ языковъ	6. 800.
На канцелярскихъ служителей и расходы	1000.
Итого	5. 4600.

Подлинный Вспомогательный Государственный Секретарь Фатма.

На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою написано тако:

быть поему.
Июня 2го дня
1799го года
в Павловске.

Примерный штат цензуры в Вильно

Цензоры:	Число по штату	им в год жалования рубль
Духовный.....	1.	800.
Гражданский.....	1.	800.
Ученый.....	1.	800.
Еврейского языка.....	1.	600.
Секретарь канцелярии иностранныхъ языковъ кому поручается и хранение книг.....	1.	600.
На канцелярскихъ служителей и расходы.....		1000.
Итого:	5.	4600.

Подлинный за подписанием Правительствующего Сената

Илл. 4. Примерный штат цензуры в Вильно¹

В таком виде штат не был утвержден, по причине того, что человек, исповедующий иудаизм, не мог заниматься статской службой, но любопытен и сам факт того, что в данном проекте, помимо духовного цензора, добавляется и отдельный цензор для еврейской религиозной литературы (а она вся была религиозной). Мы предполагаем, что более отчетливо фиксируемый уровень религиозной *инаковости* (другие религии) вызывал определенные затруднения при его встраивании в общий «дизайн» государственного надзора. Понятие *религиозное* оказывается параллельно сосуществующим *светскому* / *духовному* делению. Это проявилось и в том, например, что основным «цензором» еврейской религиозной литературы» выступало в первой половине XIX в. вполне светское министерство народного просвещения. Но, на наш взгляд, не только «другие религии» / «другие веры» попадали в категорию «религиозное».

Обратной стороной *религиозного* оказывалось, напротив, наименее отчетливо фиксируемое, даже когда по смыслу оно христианское. Из устава в устав кочуют странные формулировки о допустимости рассмотрения светскими цензорами «общих рассуждений о Боге» и вопросов «относящихся до веры». Так, в первом цензурном уставе 1804 г. декларируется, что **светским** цензорам, ради «успехов про-

¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Ед. хр. 388. Л. 162.

свещения» разрешается свободно пропускать «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся *до веры...*», как, к слову, и запрещать тексты, где содержатся отрывки «явно отвергающих бытие Божие» [Сборник постановлений ... , 1862, с. 26]. Соседство термина *просвещение* и *сочинение относящиеся до веры* вместо традиционного *духовные сочинения*, на наш взгляд, показательно. *Религиозное*, образно выражаясь, оказывалось в лиминальном пространстве между *светским* и *духовным* – в серой зоне с неясной подведомственностью. Нормы устава, судя по всему, лишь обнаруживали, а не устраняли эту проблему. В качестве попытки «примирить» *светское* и *духовное* можно, вероятно, рассматривать учреждение в 1817 г. Министерства «духовных дел и народного просвещения». подробнее см.: [Вишленкова, 1998]. Недовольство размытостью границ между категориями *духовного* и относящегося до веры (религиозного) проявлялось и в отношении конкретных случаев. В направленном министру духовных дел и народного просвещения именном указе 1824 г. сообщается, что Санкт-Петербургским митрополитом повторно рассмотрено сочинение «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», как и «многие, к *вере относящиеся книги* [курсив наш. – С. Г.]», в связи с тем, что они публиковались в обход духовной цензуры в светских типографиях, нередко имеют «ложные и соблазнительные о Священном Писании толкования». С другой стороны, «книги в духе православной нашей веры написанные, подвергались строгому запрещению» [Сборник постановлений ... , 1862, с. 121–122].

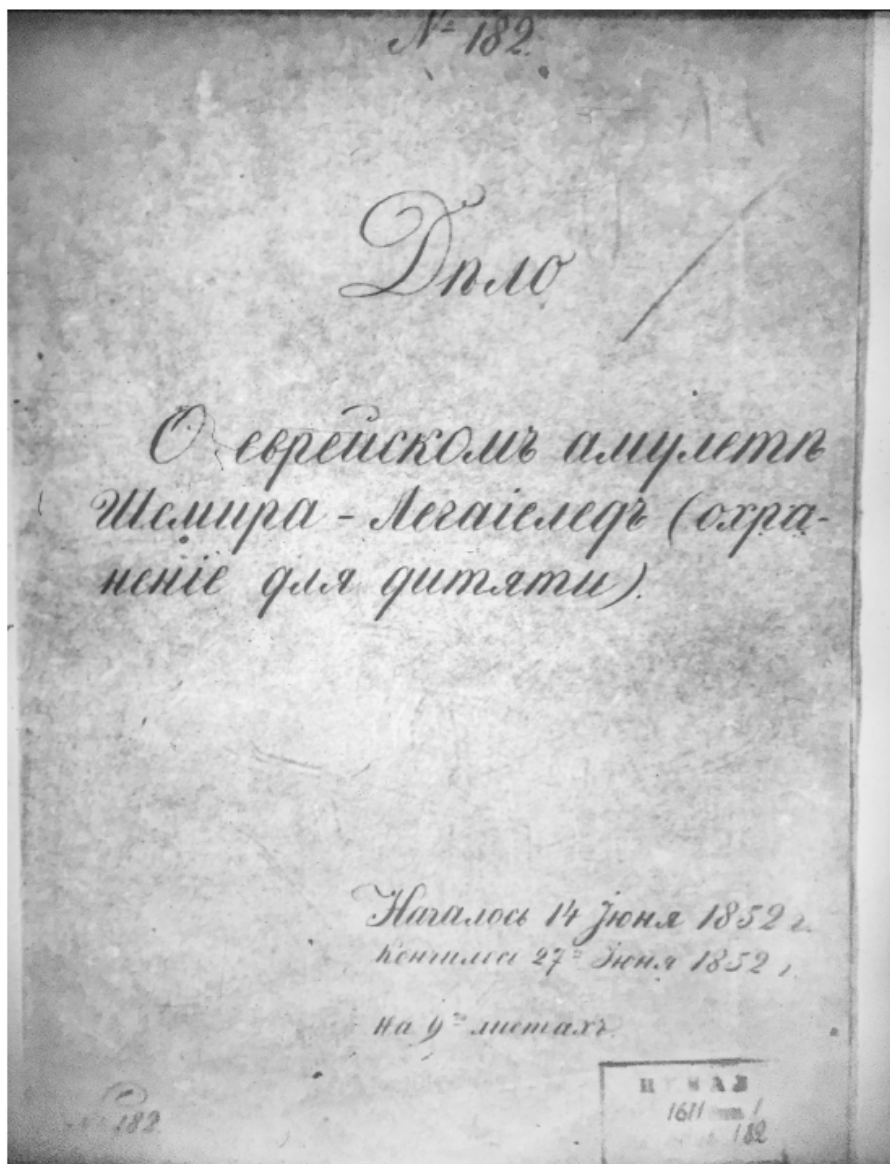
В уставе 1826 г. светским цензорам также разрешается рассматривать некоторые религиозные книги – под статью устава, которая требовала обращаться к духовной цензуре в тех случаях, когда у светской появлялись сомнения, не подпадали «*общие рассуждения о Боге и совершенствах Его*, также *о Христианской вере вообще* [курсив наш. – С. Г.]» [там же, с. 155]. В 1828 г., после неудачного устава 1826 г., появляются два отдельных устава – один для светской цензуры, другой для духовной. В § 23 **светского** устава о цензуре допускается рассмотрение светскими цензорами сочинений, имеющих отношение «к нравственности вообще», как и тех, в которых рассуждение о морали и нравственности подкрепляется цитатами из Библии. В духовную цензуру передаются лишь сочинения «совершенно духовного содержания», а также касающиеся догматических вопросов и «Священной

истории» [Полное собрание законов ... , 1830, с. 462]. По-видимому, большая часть трудностей, связанных с цензурными уставами, сконцентрирована вокруг деления текстов на *светские* и *духовные* и (что важнее!) наличия текстов, не встраивающихся в это деление. Это во многом подтверждает нашу гипотезу о том, что *религиозное* (с неявно выраженной семантикой) существует параллельно *светскому* и *духовному*.

Дело № 182 «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)»

Однако ключевым остается вопрос о том, что такое это *религиозное* и какова его собственная семантика. Помочь ответить на этот вопрос, по крайней мере в первом приближении, может цензура еврейской религиозной литературы, которая подавляющей частью осуществлялась *светскими* ведомствами, и *Комитет 2-го апреля 1848-го года* тут не стал исключением (в архиве *Комитета* достаточно много дел, посвященных этой теме). Мы рассмотрим дело «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)» и т.к. оно, судя по всему, вводится в научный оборот впервые и может представлять отдельный интерес для исследователей иудаизма, мы добавим расшифровку журнала *Комитета* по этому делу целиком [см. ниже]. Вдобавок это зримее передаст «настроение» документа – позволит хотя бы отчасти проникнуться царящей в цензурном бюрократическом тексте XIX в. атмосферой, ведь такие документы (даже на уровне формулировок, а не только через грифы, штампы и подписи) заняты непрекращающимся символическим производством власти, сигнализируют о ней посредством стилистических стратегий интегрированных в «тело» бюрократического текста (даже на уровне «снисходительного взгляда сверху», который, безусловно, угадывается в документе).

Расшифровка Дела №182 «О еврейском амулете Шемира-Легаиелед (охранение для дитяти)»

№ 182

Дело

*О еврейском амулете
Шемира-Легаиелд
(охранение для дитяти).*

Началось 14 Июня 1852г.

Кончилось 27 Июня 1852 г.

На подлинном Сводном Его Императорского Величества рукою написано карандашным, Исполните:

В Петербурге 16го Июня 1852.

Врно. Стари. Вреде. Садов. А. Кр. 3

Журнал Комитета Высочайше
устроенного во 2^е день Апреля 1848 года.

Во Еврейскомъ народѣ существуетъ
поверье, что родильницы и новорожденные
младенцы подвержены напасти отъ гер-
тотки Ациной. Въ предохраненіе ихъ отъ
этихъ напастей, Евреи развѣшиваютъ надъ
постелью, дверями и окнами комнаты
родильницы, амулеты-листки, тексты
которыхъ сущимъ 120^{мъ} псалмомъ: *Возведаетъ
оги мои въ горы, отнюду же придетъ по-
мошь моя* и проч. о присовокупленіи
слѣдующихъ словъ: *Авраамъ и Сарра, Иса-
акъ и Ребекка, Иаковъ и Лия, Адаиъ и Ес-
ва войдите. Всмогутъ ли сокрушить*

*На подлинном Собственной Его Императорского
Величества Рукою написано карандашом
«Исполнить». В Петергофе 16-го июня 1852 г.*

Верно: Статс-Секретарь Барон Корф. Подпись.

*Журнал Комитета Высочайше
учрежденного во 2-й день Апреля
1848 года.*

В Еврейском народе существует
поверье, что родильницы
и новорожденные младенцы
подвержены напастям от чертовки
Лиливи. В предохранение их от этих
напастей, Евреи развешивают над
постелью, дверями и окнами комнаты
родильницы, амулеты-листки, текстом
которых служит 120-й псалом:
«Возведох очи мои в горы, отнюду
же приидет помощь моя» и проч.
с присовокуплением следующих слов:
«Авраам и Сарра, Исаак и Ревека, Иаков
и Лия, Адам и Ева войдите. Всемогуший
да сокрушит

сатану. Дорогие не оставили в живых.

Занимающийся при Комитете греческий
книж на греческом языке, Митрофанов Со-
фотийковъ Розен, представилъ нѣко Комитету
такой митокъ (Мелера Меласионъ т. е.
сохраненіе для дѣтей) написанный съ одо-
бренія Кіевскаго цензора, - въ 1907 г. самымъ
придавленъ здѣсь еще существующая издательская
сказка: „Война Боговъ, Бога Нирашова, ко-
го нѣко велико и страшно. Благородной па-
мѣти Чина / Пророкъ / шель по сороку и
копиртій Ашинов и всю въ шайку и сказанъ
„онъ подобенъ Ашиновъ. куда ты, нечестная
„любовника, съ нѣмъ дуэтомъ и всю широкую шай-
„кою твою, идешь? И тотамъ Ашиновъ, его-
„ря: Господина мой Чина, а иду въ домъ родни-
„ницы А, дочери А навести на нее сонъ смерти,
„и отнять у ней новорожденную въ домъ, дабы
„убить въ кровъ, и сосать мочи ее костей, и
„истагать ее плото. И вразилъ ей Чина про-

сатану. Ворожеи не оставляй в живых».

Занимающийся при Комитете чтением книг на Еврейском языке, Титулярный Советник Розен, представив ныне Комитету такой листок (Шемира-Легаиелед т.е. охранение для дитяти) напечатанный с одобрения Киевского цензора, к 120-му псалму прибавлена здесь еще следующая изуверная сказка: «Во имя Яеговы, Бога Израилева, коего имя велико и страшно. Блаженной памяти Илия /Пророк/ шел по дороге и встретил Лиливь и всю ее шайку и сказал он злодейке Лиливи: куда ты, нечестивая злодейка, со злым духом и всею мерзкою шайкою твоею, идешь? И отвечала Лиливь, говоря: Господин мой Илия, я иду в дом родильницы N, дочери N, навести на нее сон смерти, и отнять у ней новорожденную ею дочь, дабы выпить ее кровь, иссосать мозг ее костей, и истязать ее плоть. И возразил ей Илия

«Клянитесь: да слышит тебя Всевышний, и да
будешь ты неподошана как камень. И ответа
она говоря: Бога ради разрши мне, и я
зубу, и клянусь тебе именем Господи, Бога Но-
раиме, оставить в посоп эту робининицу и ново-
рожденная ю сына и когда тыко просишь
имена мои, то имя и кси мой шайя да не
будет власти зидит, или зидит от дош ро-
диница а еще имен зидит. Вот мои имена
Ашмо, Ашма, Ашма, Мизрафу, Закаш, Огид,
Мелиду, Иш, Матрути, Ану, Кати, Струна/ш
Штуна/ Кисуту, Тимуту и Ушатаа».

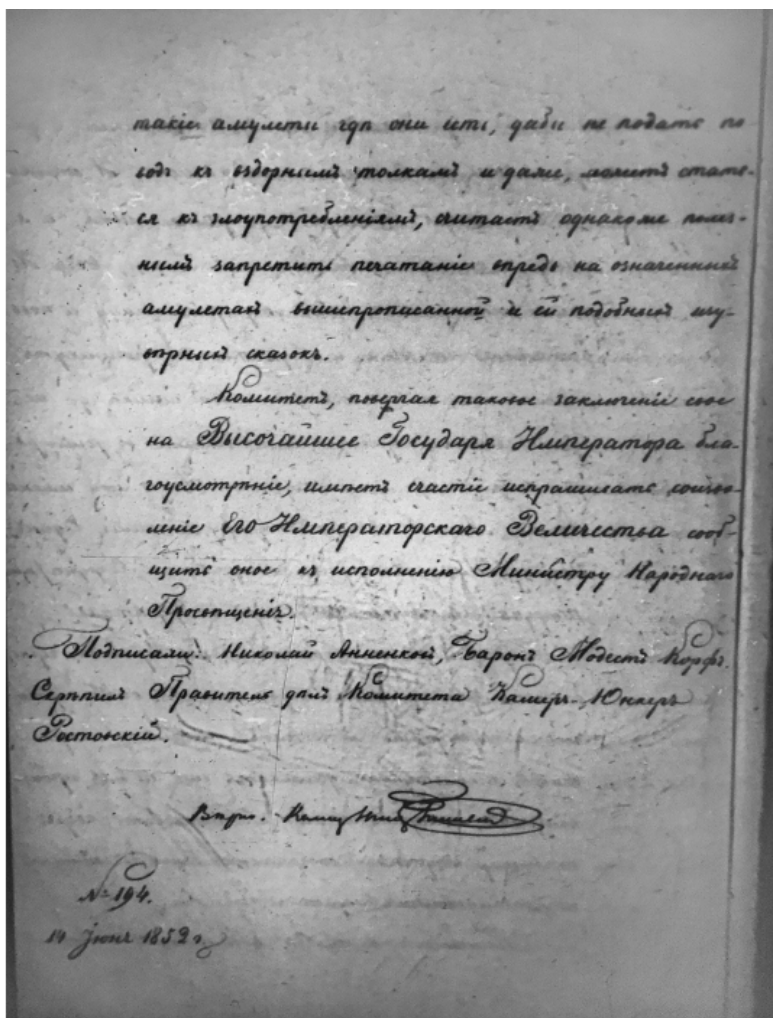
Принимая во внимание, что Вульгарная гер-
манского языка именованна к каббалисти-
ческому существу, следовательно калитер, воспре-
титель спекулятивный усматривать еще, по ил прои-
волу эти существа новини и истинносат сверх
того на разнородное изображение божины и жиди
интерактивный амулетам.

Поэтому, не только усматривать стидать

проклятием: да свяжет тебя Всевышний,
и да будешь ты неподвижна как камень.
И отвечала она, говоря: Бога ради разреши
меня, и я убегу, и клянусь тебе именем
Яеговы, Бога Израиля, оставить в покое эту
родильницу и новорожденного ею сына
и когда только произнесут имена мои, то
мне и всей моей шайке да не будет власти
вредить, или входить в дом родильницы,
а еще менее губить. Вот мои имена Лиливь,
Авита, Авизь, Мизрафу, Гакашь, Одем,
Икпиду, Или, Матрути, Авну, Кати, Струна : /
или Штруна : /, Клисути, Тильтук и Уршатах».

Принимая в соображение, что
Еврейская чернь, без того уже слишком
наклонна к каббалистическим суевериям,
следовало бы, кажется, воспретить
спекуляторам усиливать еще, по их произволу
эти суеверия новыми, и действовать, сверх
того, на расстроенное воображение больных
женщин шарлатанскими амулетами.

Комитет, не находя уместным отбирать

такие амулеты где они есть, дабы не подать повод к вздорным толкам и даже, может статься, к злоупотреблениям, считает, однако же, полезным запретить печатание впредь на означенных амулетах вышепрописанной и ей подобных изуверных сказок.

Комитет, повергая таковое заключение свое на Высочайшее Государя Императора благоусмотрение, имеет счастье испрашивать соизволение Его Императорского Величества сообщить оное к исполнению Министру Народного Просвещения.

*Подписали: Николай Анненков, Барон Модест Корф.
Скрепил Правитель дел Комитета Камер-Юнкер
Ростовский.*

Верно. (Подпись Ростовского).

№ 194.

14 Июня 1852г.

(РГИА.Ф.1611.Оп.1.Ед.Хр.182.Л.1-3)

Мы хотели бы обратить внимание на понятия: «Еврейская чернь», «суеверия», «спекуляторы», «изуверные сказки», «шарлатанские амулеты», «расстроенное воображение» – все это маркирующие понятия, постоянно фигурирующие в цензурных делах, посвященных религиозной литературе. Эти понятия чаще всего сопровождали элементы

народной религиозности, и в них, на наш взгляд, отчетливо слышны просвещенческие ноты. Вполне уместно предположить, что понятие *религия*, которым оперировали цензоры, это именно современное понятие – часть просвещенческого проекта. Это понятие *религии* в просвещенческом измерении представляет из себя двухъярусную интеллектуальную конструкцию – оно подразумевает наличие на одном «этаже» некой «чистой религии» просвещенных людей и на другом – «сомнительных» народных наслоений («суеверий», «сказок», «басен», «шарлатанства» и т.д.). Семантика современного понятия *религия* (как *понятия-лозунга*) содержит призыв к очищению от всякого рода «народных наслоений». Получается немного парадоксально – если сами идеи просвещения, безусловно, преследуются цензурой, то понятие *религии*, как интеллектуальная конструкция, которой оперируют цензоры, определенно продиктовано просвещенческим проектом. И важно понимать, что в случае цензора это не просто понятие, а инструмент, который применялся к религиозным текстам *других / инаковых*. Да и в целом это понятие во многом определяло вектор конфессиональной политики, что проявлялось, например, в ориентации государственного аппарата на поддержание именно **просвещенного** крыла иудаизма (маскилим, Хаскала) – иудаизма, который наиболее соответствовал просвещенческому представлению о *религии*, (очищенной от народных верований), что нередко оборачивалось притеснениями хасидского направления иудаизма.

Наконец, возвращаясь к бинарной оппозиции *секулярное / религиозное*, отметим, что, на наш взгляд, применительно к российскому историческому материалу она не является эквивалентом оппозиции *светское / духовное*, так как категории *светское* и *духовное* были вполне осязаемыми инструментами межевания (демаркации) культуры, рассекающими ее на две части – светская и духовная литература, светское и духовное образование, светская и духовная цензура, и за всем этим пристально присматривали обе головы двухглавого орла власти – Сенат и Синод. Если и говорить о религиозном («относящемся до веры»), то скорее уместно говорить о трехчастном делении *светское / духовное / религиозное*, где *религиозное* (пусть и называемое «относящимся до веры») *со-существует* параллельно основному светско-духовному делению. Это одновременно может означать и то, что как рассуждения Талала Асада, так и теоретические построения

Чарльза Тейлора если и применимы к российскому материалу, то лишь с определенными оговорками. Ретроспективно накладывая идеально-типическую бинарную оппозицию секулярно-религиозного на российский исторический материал, мы, быть может, проявляем определенную неаккуратность, чреватую подменой семантики. Так, у Талала Асада при основном делении секулярное / религиозное, *духовное* появляется как некий оттенок или след глубинной связи религиозного с сакральным, например, когда он походя рассуждает о взглядах теолога Робертсона Смита в его статье о Ветхом Завете как поэзии: «Это позволяет ему [Смиту. – С. Г.] говорить о любой истинной поэзии (как секулярной, так и религиозной) как о “духовной” (spiritual). Когда поэзия идет “от сердца к сердцу”, она становится манифестацией трансцендентной силы, которую секулярные литературные критики называют теологическим термином “богоявление” (epiphany)» [Асад, 2020, с. 63–64]. Если *духовное* и возникает в размышлении Асада, то скорее как понятие, укореняющее связь секулярно-религиозного деления с сакрально-профанным (эпифанно-профанным?). В Российской империи *духовное* – это главная оппозиция *светскому*, а *религиозное* («относящееся до веры»), вероятно фигурирует как, если угодно, одно из *слов-проектов* – инструментальных понятий политического языка. Оно соотносимо в т.ч. и с православием. Для обозначения же именно *других религий* использовались такие термины, как «ино-верие», «иностранные исповедания». Тут уместно, например, вспомнить о главном законодательном документе, регулирующем жизнь адептов *Других религий* в империи начиная с Николая I, – «Устав *духовных* [курсив наш. – С. Г.] дел иностранных исповеданий». Но еще важнее то, что в самом названии Уставов фигурирует словосочетание «*духовные дела*» в отношении «иностранных исповеданий», не позволяющее нам свести семантику категории *духовное* к смысловому диапазону «православное» или «христианское». Гораздо уместнее говорить о конструкции светское / *духовное* / «относящееся до веры» (религиозное), где последнее несводимо к понятию маркирующему религиозно *Других* – «иностранных исповеданий».

В заключение отметим, что, на наш взгляд, пусть, возможно, и силуэтно, но нам удалось продемонстрировать значимость цензурных материалов для анализа исторической семантики понятий.

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1611 – Комитет 2 апреля 1848 года. Оп. 1.

Ед. хр. 1. Дело «По учреждению Комитета 2-го Апреля 1848 г. для высшего надзора за произведениями Русского книгопечатания».

Ед. хр. 69. Дело «О извлечении из продажи книжки под заглавием: Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав Русского языка».

Ед. хр. 106. Дело «О помещенной в Пензенских Губернских ведомостях речи, произнесенной ректором Могилевской Семинарии Архимандритом Серафимом на публичном испытании воспитанников оной 11-го июля 1849 г.».

Ед. хр. 182. Дело «О еврейском амулете Шемира–Легаетелд (охранение для дитяти)».

Ф. 1374. Канцелярия Генерал-прокурора Сената.

Оп.4. Ед.Хр. 388. Рапорты по цензурам Санкт-Петербургской, Виленской и Кронштадтской.

Archival materials

RGIA — Russian State Historical Archive

F. 1611 — Komitet 2 aprelia 1848 goda [Committee of the April 2-nd, 1848]. Op. 1.

Ed. khr. 1. Delo “Po uchrezhdeniiu Komiteta 2-go Aprelia 1848 g., dlja vysshego nadzora za proizvedeniiami Russkogo knigopechataniiia”. [The Case “On the establishment of the Committee of April 2, 1848, for the highest supervision of Russian publishing”].

Ed. khr. 69. Delo “O izvlechenii iz prodazhi knizhki pod zaglaviem: Karmannyj slovar’ inostrannyh slov, voshedshih v sostav Russkogo yazyka” [The Case “On the withdrawal from sale of a book entitled: Pocket Dictionary of Foreign Words included in the Russian Language”].

Ed. khr. 106. Delo “O pomeshchennoi v Penzenskikh Gubernskikh vedomostiakh rechi, proiznesennoi rektorom Mogilevskoi Seminarii Arkhimandritom Serafimom na publichnom ispytanii vospitannikov onoi”. [The Case “On the speech placed in the Penza Provincial Gazette, delivered by the rector of the Mogilev Seminary, Archimandrite Seraphim at the public examination of the students thereof”].

Ed. khr. 182. Delo “O evrejskom amulete Shemira–Legaieted (ohranenie dlya dityati)” [The Case “About the Jewish amulet Shemira–Legaieted (protection for the child)”].

F. 1374. Chancery of the prosecutor general of Governing Senate.

Op.4. Ed. khr. 388. Raporty po cenzuram Sankt-Peterburgskoj, Vilenskoj i Kronshadtskoj [Reports on the censorship committees of St. Petersburg, Vilna and Kronstadt].

Список литературы

Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернизм. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.

Вишленкова Е.В. Религиозная политика в России (первая четверть XIX века) : дис. ... д-ра истор. наук. – Казань : Казанский государственный Университет, 1998. – 466 с.

Горюнов С. Между полемикой и толерантностью: конструирование «религиозного другого» через призму николаевской цензуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2021. – Т. 39, № 2. – С. 247–276.

Кагарлицкий Ю., Маслов Б. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции: очерки сравнительной исторической семантики. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – С. 9–38.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. – Санкт-Петербург : Типография Губернского правления, 1845. – [4], 176 с.

Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2 т. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 1. – С. 23–44.

Котович А.Н. Духовная цензура в России. 1799–1855 гг. – Санкт-Петербург : Типография «Родник», 1909. – [4], XVI, 608, XIII с.

Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – Санкт-Петербург : типография товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1904. – XIII, [3], 427 с. : ил., портр.

Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: зап. И дневник (1804–1877 гг.). – Санкт-Петербург : М.В. Пирожков, 1905. – [8], II, 632 с.

Никифорова Н.В. Научная традиция истории понятий и ее культурологический потенциал // Философия права. – 2010. – № 2(39). – С. 104–109.

Остин Д. Как производить действия при помощи слов // *Остин Д.* Избранное. – Москва : Идея-пресс, 1999. – С. 13–135.

Покок Дж.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 142–190.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 3. 1828. От № 1677 до 2574. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1642 с., разд. Паг., [9] л. Ил.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1862. – [3], 482 с.

Шишова Н.М. «Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами» и его место в типологии печати 60-х гг. XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 3(145). – С. 158–162.

Austin J.L. How to Do Things with Words. – London : Oxford University Press, 1965. – 166 p.

References

Asad, T. Vozniknovenie sekulyarnogo: hristianstvo, islam, modernost'. [Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 376 p. (In Russ.)

Austin, J.L. Kak proizvodit' dejstviya pri pomoshchi slov [How to Do Things with Words]. In Austin J. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Ideya-press Publ., 1999. pp. 13–135.

Goryunov, S. Mezhd u polemiko j i tolerantnost'yu: konstruirovanie "religioznogo drugogo" cherez prizmu nikolaevskoj cenzury [Between Polemics and Tolerance: Constructing the Religious Other Through the Censorship of Nicholas I]. In *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*. Vol. 39, no 2, 2021, pp. 247–276. (In Russ.)

Kagarlickij, Yu., Maslov, B. Mezhd u Frege i Fuko: metodologicheskie orientiry istoricheskoi semantiki [Between Frege and Foucault: Methodological Guidelines for Historical Semantics]. In *Ponyatiya, idei, konstrukcii: ocherki sravnitel'noj istoricheskoi semantiki*. [Concepts, ideas, constructions: essays on comparative historical semantics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. pp. 9–38. (In Russ.)

Karmannyj slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka, izdavaemyj N. Kirilovym [Pocket Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language, Published by N. Kirillov]. Saint Petersburg, Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1845. [4], 176 p. (In Russ.)

Koselleck, R. Vvedenie (Einleitung) [Introduction (Einleitung)]. In *Slovar' osnovnyh istoricheskikh ponyatij: Izbrannye stat'i in 2 t. T. 1*. [Dictionary of basic historical concepts: Selected articles in 2 volumes. V. 1]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. pp. 23–44. (In Russ.)

Kotovich, A.N. *Duhovnaya cenzura v Rossii. 1799–1855 gg.* [Spiritual Censorship in Russia. 1799–1855s.]. Saint Petersburg, Tipografiya «Rodnik» Publ., 1909. [4], XVI, 608, XIII p. (In Russ.)

Lemke, M.K. *Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletiya* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, Tipografiya tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud» Publ., 1904. XIII, [3], 427 p., ills., portr. (In Russ.)

Nikitenko, A.V. Moia povest' o samom sebe i o tom, "chemu svidetel' v zhizni byl": Zap. i dnevnik (1804–1877 gg.) [My story about myself and about "what in my life I was a witness": Notes and diary (1804–1877)]. Saint Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ. (In Russ.)

Nikiforova, N.V. Nauchnaya tradiciya istorii ponyatij i ee kul'turologicheskij potencial [The Scientific Tradition of the History of Concepts and Its Cultural Potential]. In *Filosofiya prava*, no 2 (39), 2010, pp. 104–109. (In Russ.)

Pocock, J.G.A. The state of the art (Vvedenie k knige «Dobrodetel', trgovlya i istoriya») [The State of the Art (Introduction to the Book "Virtue, Trade and History")]. In *Kembrizhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 142–190. (In Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie vtoroe. T.III. 1828. Ot № 1677 do 2574 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. T. 3. 1828. From No 1677 to

2574]. Saint Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii Publ., 1830. 1642 with separ. pag., [9] p. ills. (In Russ.)

Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij po cenzure s 1720 po 1862 god [Collection of Resolutions and Orders on Censorship from 1720 to 1862]. Saint Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva Publ., 1862. [3], 482 p. (In Russ.)

Shishkhova, N.M. «Enciklopedicheskij slovar', sostavlennyy russkimi uchenymi i literatorami» i ego mesto v tipologii pechati 60-h gg. XIX veka [“An Encyclopedic Dictionary Compiled by Russian Scientists and Writers” and Its Place in the Typology of the Press of the 60s of the XIX Century]. In *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. no 3 (145), 2014, pp. 158–162. (In Russ.)

Vishlenkova, E.V. *Religioznaya politika v Rossii (pervaya chetvert' XIX veka)*. [Religious Policy in Russia (the First Quarter of the XIX Century)]. Dis. d.i.n. Kazan', Kazanskij gosudarstvennyj Universitet, 1998. 466 p. (In Russian)

Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. London: Oxford University Press, 1965. – 166 p.

Андреева Г.Н.*

ИСТОЧНИК ПРАВА: ПРЕВРАЩЕНИЕ МЕТАФОРЫ В ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ

Аннотация. Источник права – правовое понятие и важный правовой институт, по которому имеется обширная библиография в разных странах. Данное понятие появилось в глубокой древности и тем не менее по нему до сих пор ведется дискуссия. Некоторые исследователи высказывают сомнения в целесообразности его использования, но адекватная замена ему не найдена. Не последнюю роль в дискуссии играет тот факт, что в право оно попало как метафора, эволюционировавшая в течение веков в сложное и неоднозначное понятие. В статье рассматриваются причины и исторические условия появления этой метафоры в праве, основные этапы ее трансформации и современное содержательное наполнение понятия «источник права».

На основе проведенного анализа автор высказывает предположения о возможных вариантах дальнейшей судьбы данного правового понятия.

Ключевые слова: источник права; происхождение метафоры; правовое понятие; античные источники права; эволюция понятия; современная доктрина.

Поступила: 19.02.2024

Принята к печати: 20.03.2024

---

* *Андреева Галина Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; galinaandr@rambler.ru

Andreeva Galina Nikolaevna – PhD in Law, Assistant professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; galinaandr@rambler.ru

Для цитирования: Андреева Г.Н. Источник права: метафора и правовое понятие // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 92–111. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.04

Andreeva G.N.

Source of law: turning metaphor into a legal concept

Abstract. The source of law is a legal concept and an important legal institution, according to which there is an extensive bibliography in different countries. This concept appeared in ancient times and nevertheless, a discussion is still underway on it. Some researchers have expressed doubts about the advisability of using it, but an adequate replacement has not been found for it. The fact that this concept fell into law as a metaphor that has evolved over the centuries into a complex and ambiguous concept plays an important role in the discussion. The article considers the reasons and historical conditions for the appearance of this metaphor in law, the main stages of its transformation and the modern meaningful content of the concept of “source of law”.

In conclusion, based on the analysis carried out, the author makes assumptions about possible options for the future fate of this legal concept.

Keywords: source of law; origin of metaphor; legal notion; ancient sources of law; evolution of concept; modern doctrine.

Received: 19.02.2024

Accepted: 20.03.2024

For quoting: Andreeva G.N. Source of law: turning metaphor into a legal concept // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 92–111. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.04

Источник права – это важный правовой институт, который во многом предопределяет структуру правовой системы современного государства и особенности ее функционирования. Вместе с тем это и правовое понятие, являющееся объектом многочисленных научных исследований и публикаций. При этом подходы к пониманию данного понятия и его содержанию существенно различаются, кроме того в исследованиях отмечается его неопределенность, которую исследователи пытаются преодолеть разными способами. Одна из причин этой

ситуации в науке состоит в том, что по своему происхождению юридический термин «источник права» является древней метафорой, имеющей богатую культурную составляющую и историю. Анализ эволюции этого понятия, по образному выражению французского юриста Бориса Барро¹, позволяет «проследить границы правового континента на карте социального мира» [Barraud, 2017].

Происхождение метафоры «источник права»

Слово «источник» к настоящему времени обросло целым рядом значений, однако исходное и базовое его значение напрямую связано с водой: источник – это «водная струя, выходящая на поверхность из-под земли» [Ожегов, 1990, с. 258].

Вода наряду с воздухом и пищей является важнейшим условием жизни человека и его сохранения как вида. Значение воды осознавалось уже в глубокой древности, поэтому вода у многих народов являлась частью их космогонических представлений как первоначало, фундаментальная стихия мироздания и в мифологии разных народов мира рассматривалась как исходное состояние всего сущего [Мифы народов мира ... , 1987, с. 240].

В правовой литературе отмечается, что слово «источник» с глубокой древности, помимо основного реалистического значения, связанного с водой, несло отпечаток мифических и даже религиозных чувств. Будучи примененным к праву, оно сохраняет первоначальный физический смысл (происхождение), и вместе с тем получает образное, метафизическое значение, производное от мифов. Нечто аналогичное происходило и в правовом поле [Paresce, 1968, p. 892]. Соединение в одном слове этих двух разных по своей природе значений рассматривалось древними народами как естественное, свойственное самой природе, как они ее воспринимали.

Термин «источники права» появился в современном праве под влиянием античной философии и римского права. Однако многие идеи римляне почерпнули у греков и других древних народов (египтян, вавилонян). У древних греков значение воды было осмыслено в контексте идей об архе или первоначалах мира (вода, воздух, земля).

---

¹ Исследователь из Университета Экс-Марсель.

Особую роль вода имела в учении Фалеса Милетского, которого почитали в древности как одного из величайших философов. Он утверждал, что все образуется из элемента «вода». Его теория до сих пор побуждает современных ученых искать ответ на вопрос: «Что же такое “вода” Фалеса, если из нее все и она во всем, но в то же время она физически зрительно или осязаемо невидима?» [Петрова, 2008, с. 30].

Поскольку современные российские и зарубежные исследователи связывают происхождение понятия «источники права» с римской правовой мыслью, необходимо остановиться на этом вопросе подробнее.

Правовая метафора, связанная с водой, появилась у римлян не случайно. В жизни римлян вода играла особую роль. Как отмечал известный исследователь Античности Г.С. Кнабе, «вода была для римлян необходимым элементом особого ценностного состояния, которое они обозначали непереводаемым словом *otium*. В этом понятии соединились для них удовлетворение выполненной жизненной задачей; отдых от дел, войны или общественных обязанностей; досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям; наслаждение красотой благоустроенной природы и произведений искусства» [Кнабе, 1986, с. 38]. Это расслабленное, ценностное состояние, связанное с водой, очень точно передано в картинах художника Г.И. Семирадского, посвященных Античности (рис. 1).

Рис. 1. Г.И. Семирадский. У источника. 1898. Львовская национальная галерея искусств им. Б.Г. Возницкого

Бассейны, фонтаны, термы были важной составной частью повседневной жизни и культуры, вместе с тем у римлян были распространены местные культы ручьев и текущей воды, существовал и бог источников Фонс (Fons, т.е. водный источник), сын Януса и нимфы Ютурны [Мифы народов мира ... , 1988, с. 570], которому был посвящен праздник фонтаналий, проходивший 13 октября. Повседневная жизнь римлян была насыщена сакральным началом, составляла с ним целое. «Единый строй восприятия охватывал... не только естественные водоемы, но соединял в общем сакральном представлении источники, реки, водопроводы, колодцы, фонтаны, уличные колонки... Протivoестественным и кощунственным представлялось пресечение свободного тока природной воды, доставленной водопроводом в город... Римские краны в тех редких случаях, когда они использовались, были сконструированы так, что лишь сужали струю воды, но никогда не перекрывали ее полностью. Священный шум и плеск древней, природной, живой воды сопровождали жизнь итальянских городов» [Кнабе, 1986, с. 83–84].

Многообразие водных источников порождало весьма детальное регулирование статуса различных вод, т.е. вовлекало воду в сферу воздействия права. Современные исследования показывают, что римляне не только разграничивали правовой режим публичных и частных вод, но и различали статус плювиальных (накопленных в результате дождей), родниковых, застойных вод, течений и т.д. [Gerez-Kraemer, 2000].

Использование водных метафор было для римлян как естественным результатом воздействия их быта, так и следствием их миропонимания. Поэтому в их произведениях встречаются такие метафоры как *fons philosophiae* и *fons sapientiae* (т.е. «источник философии» и «источник знания») [Diez-Picazo, 1984, p. 935]. Что касается метафоры «источник права» (*fons juris*), то ее использование связывают с именем Марка Туллия Цицерона (106 г. до н.э. – 43 г. до н.э.) и его знаменитым трактатом «О законах» (*De legibus*, прибл. 52 до н.э.), развивающим применительно к праву некоторые идеи его же трактата «О государстве». Трактат «О законах» составлен в виде беседы, которую ведет Марк Туллий Цицерон, его младший брат Квинт Туллий Цицерон и богатый всадник, эпикуреец и близкий друг Марка Туллия Цицерона Тит Помпоний Атик. В книге I трактата Марк говорит Квинту и Ат-

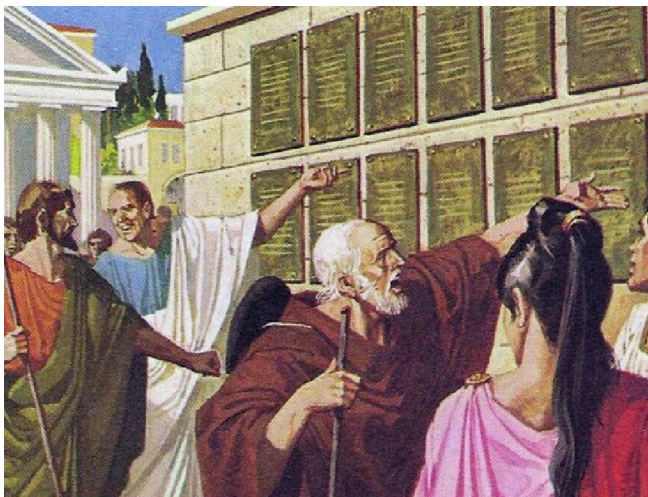
тику следующее: «Вы можете быть уверены, что ни в одном виде рассуждений нельзя лучше выявить, что именно природа дала человеку; сколь велика сила наилучших качеств человеческого ума; какова задача, для выполнения и завершения которой мы появились на свет; какова связь между людьми и каково естественное объединение между ними. Когда все это будет разъяснено, станет возможным найти *источник законов и права*» [Цицерон, О законах, кн. I, (16)]. В связи с чем Атик задает ему вопрос: «Итак, по твоему мнению, учение о праве следует черпать не из преторского эдикта¹, как ныне поступает большинство людей, и не из Двенадцати таблиц², как поступали наши предшественники, а из глубин философии?» [Цицерон, О законах, кн. I, (17)]. Атик сделал в данном случае справедливый, на наш взгляд, вывод о том, что Цицерон, ставя такую обширную, как сейчас бы сказали, программу изучения вопроса с целью найти источник права, имел в виду его философскую, а не сугубо практическую юридическую сторону, которая являлась для него производной от философской. Поэтому в ответ Марк Туллий Цицерон, по существу, подтверждает и развивает это наблюдение: «Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека» [там же]. А поскольку собеседники не возражают, дальше в трактате развиваются идеи о воле богов, о наделении ими человека определенными характеристиками и другие космогонические идеи. Таким образом, в данном трактате мы видим ту же связь между трактовкой понятия «источник права» (и использования данной метафоры) и космогоническими представлениями, которые отражают слияние воедино общественных и природных явлений, присутствовавшее и у предшественников римлян. Однако за этими представлениями у древних римлян стояла развитая правовая система. Поэтому помимо философско-теоретической трактовки понятия *источника права*, метафора использовалась и во множественном числе, т.е. имело место и другое, более «приземленное» и прагматичное представление: представление об «источниках права», на бытование которых (хотя прямо и не называя их таковыми) как раз и указывает Атик, упоминая о преторских

---

¹ Акт городского претора, который он издавал, приступая к своим обязанностям.

² Имеются в виду Законы XII таблиц. См. прим. 1.

эдиктах и Законах XII таблиц как признаваемых в этом качестве «предшественниками». Таким образом, когда историк Тит Ливий (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.) охарактеризовал важнейший нормативный акт римлян – Законы XII таблиц – *fons omnis publici privatique juris* («источник всего публичного и частного права»), он стремился подчеркнуть их значимость и универсальный характер, распространяющийся как на публичную, так и частную сферу.

Рис. 2. Так современный художник представляет себе ознакомление древних римлян с Законами XII таблиц. Иллюстрация воспроизведена на множестве российских и зарубежных сайтов без указания названия и автора. Рисунок воспроизведен с сайта Дзен URL: <https://dzen.ru/a/Xx7GJtYmslZKuyOk> (дата обращения 01.02.2024). По преданию, Законы XII таблиц были выбиты на бронзовых пластинах и помещены на римском Форуме, чтобы все могли ознакомиться с этим источником права. Такая «материализация» в бронзе источника права должна была свидетельствовать о его важности и незыблемости.

Однако позднее эта характеристика Титом Ливием Законов XII таблиц была понята иначе. Основоположник исторической школы права и один из крупнейших знатоков известных на тот момент произведений римского права Фридрих Карл фон Савиньи (1779–1861) высказал упрек римлянам, что они не дали определение источникам права [Savigny, 1840, S. 105]. Некоторые современные исследователи

связывают аналогичный упрек с тем, что именно Тит Ливий использовал это понятие впервые [Родионова, 2005, с. 133].

Насколько обоснованы такие выводы? Скорее, их следует рассматривать как гипотезы в силу ограниченности известных нам источников римского права, часть из которых дошла только во фрагментах или в переводах в более позднем изложении. Время от времени выявляются новые источники, и работа по реконструкции античного знания не может считаться завершенной. В силу этого с равной степенью вероятности можно утверждать, что Тит Ливий использовал в данном случае понятие, встречавшееся в быту и/или в трактатах, которые до нас не дошли. Кроме того, оно могло считаться интуитивно понятным и не требовавшим объяснений, поскольку вписывалось в один ряд с такими использовавшимися понятиями *fons philosophiae* и *fons sapientiae*. Савиньи мыслил категориями систематизации и отсутствие четких определений понятий рассматривал как недостаток, а подход римлян к источникам права отражал восприятие ими природы и общества как целостного явления.

Знаменитые Дигесты Юстиниана (530–533), памятник римского права, представляющий собой обширную систематизацию извлечений из трудов римских юристов в 50 томах, содержат в разделе II книги I фрагменты 1.2.2.2–1.2.2.11, в которых в форме легенды говорится о том, как формировалось римское право, а во фрагменте 1.2.2.12 резюмируется, что право в государстве устанавливается на основании закона; толкования юристами; установлений, содержащих способ действия в суде; плебисцита; эдикта магистратов; сенатусконсультов¹ и императорских конституций². Этот перечень свидетельствует о наличии у древних римлян представлений о «линейном» (неиерархичном) перечне источников права, не сопровождаемом теоретическими обоснованиями.

В контексте темы статьи важно отметить, и современные исследователи обращают внимание на то, что метафоре «источник права» изначально была свойственна двойственность, связанная с особенностями

---

¹ Сенатусконсулты – один из видов правовых актов в Древнем Риме, постановления римского Сената, оформляющие предложения императора.

² Императорские конституции – акты императоров, признаваемые с III в. н. э. законом.

ми мышления древних народов: источник они воспринимали как физическое явление (место, где выходит на поверхность земли из недр вода) и одновременно как метафизическое проявление высших сущностей [Paresce, 1968, p. 892]. Эта двойственность метафоры «источник права» оказала влияние на ее дальнейшее развитие и понимание. Изначально заложенная в метафоре неоднозначность не только не была преодолена, но в дальнейшем только усилилась.

Эволюция понятия и использования термина «источники права»

Трактовка понятия «источник права» напрямую зависит от связанной с ним трактовки понятия права. Дальнейшая эволюция этого понятия была связана с тем, что понятие права многообразно и может рассматриваться, помимо сугубо юридической, с философской, социологической, антропологической, экономической, политологической и других точек зрения. Соответственно и понятие «источник права» при выборе каждой из этих точек зрения изменяется, а эволюция понятия напрямую связана с разработкой соответствующих теорий. Можно выделить три обстоятельства, определившие ход этой эволюции: сохранение и изучение римского правового наследия после крушения Римской империи; развитие теологической теории права; относительно последовательная смена других теорий права, перешедшая в их умножение и поставившая вопрос об их сочетаемости при применении на практике.

Крушение Римской империи не стало концом для римского права. В Средние века работы римских юристов активно переписывали и комментировали, его активно изучали в университетах. Особый вклад в сохранение и изучение римского наследия внес Ирнерий (1050 – после 1125) и созданная им школа глоссаторов в Болонском университете. Сделанные ими комментарии (глоссы) к *Corpus Juris Civilis* располагались на полях основного текста, и в целом проделанная ими работа позволила осуществить разделение научной теории и практики, создав основы для дальнейшего научного развития понятия «источник права».

Рис. 3. Серра Л. Ирнерий комментирует смысл античных законов. 1886.
Палаццо д'Аккурсио, Болонья¹

Свой вклад в развитие понятия «источник права» внесла теологическая теория права. Хотя постановка вопроса о разработке определения данного понятия была сделана позднее представителями исторической школы права, в Средние века в рамках теологического направления мысли и схоластического мышления юристы предпринимали усилия по выстраиванию не линейного перечня источников права, а их иерархии. Если древние воспринимали космическое начало как часть любого явления, то в Средние века Бог и проявления его божественной власти уже воспринимались раздельно. Вечный закон происходил из Божественного разума и был частично отражен в Библии. Такой подход позволял выстроить иерархическую систему источников права в зависимости от близости к божественному источнику. Если монарх или глава церкви рассматривались как заместители Бога на земле, то и их правовые акты наделялись наибольшей юридической силой. Эти представления о иерархичности источников права дошли до нашего времени почти в неизменном виде в теократических государствах и в трансформированном виде в тех странах, в которых, хотя на вершине правовой пирамиды находится конституция, тем не

---

¹ Wikimedia Commons, Luigi Serra – Irnerio (Palazzo D'Accursio, Bologna). jpg

менее следы божественного происхождения права отражены в ее преамбуле в виде упоминания Бога. Кроме того, идея иерархической структуры права и вне теологического обоснования оказалась весьма эффективной с доктринальной точки зрения. Будучи нацеленными на систематизацию, схоласты добавили «дробность» в понимание источников права, распределяя их в соответствии со своим видением права.

В дальнейшем в XVII–XIX вв. происходила относительно последовательная смена господствовавших теорий права, каждая из которых внесла свой вклад в понимание источников права. Естественно-правовое учение о праве, возникшее в древности, базировалось на представлении о существовании естественного права, возникшего независимо от воли человека. Эти идеи в XVII–XVIII вв. в работах таких исследователей как Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др. развивались в направлении признания за человеком права, присущего ему от природы и выступающего критерием позитивного права. Положения о естественных правах были включены в Декларацию независимости США 1776 г. и французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., т.е. перешли из области теории права непосредственно в издаваемые государством конституционные акты – важнейшие источники права.

В XIX в. в противовес естественно-правовой теории¹ возникла историческая школа права, которая исходила из того, что для образования права требуется длительный период времени, передача его от поколения к поколению, и что оно возникает в глубине «народного духа» (Volksgeist). Эта школа была нацелена на защиту и сохранение ранее сложившихся (т.е. феодальных порядков), поэтому важнейшим источником права объявлялся обычай. Следует отметить, что при этом представители исторической школы права использовали произведения римской теоретической мысли и римские источники права.

В конце XIX – начале XX в. возникает целый ряд новых теорий права, которые, по сути, конкурируют друг с другом. Каждая из них ориентирована на свой собственный круг источников права. Так, социологическая теория права базировалась на идее отделения возник-

---

¹ Так себя эта школа позиционировала, но современные исследователи считают, что историческая школа права «несла в себе естественно-правовое зерно», см. об этом: [Авенариус, 2005, с. 111–112].

новения права от государства. Цель появления права ее сторонники видели в удовлетворении потребности социальных групп в саморегуляции. По их мнению, полноценным право становилось благодаря наполнению «сухих» законов «живым» правом актами судей и администраторов, которые и воспринимались, по существу, в качестве источника права. Сформулированная Леоном Петражицким (1867–1931) психологическая теория права исходила из идеи «интуитивного права» каждого народа и, соответственно, вопрос об источниках права перешел в область проявлений психического начала. Эти и другие теории отражали размывание старых теоретических представлений об источниках права, которые уже не удовлетворяли потребности практики и правовой науки.

В XIX в. сформировался постулат правовой определенности, сводившийся к требованию создания однозначных, внутренне непротиворечивых правовых норм, выраженных в письменной форме доступно и ясно. Это означало отказ от старой многоформатной системы правовой защиты, малоизвестной населению и зависящей от точки зрения суда [Diez-Picazo y Ponce de León ... , 1984, p. 947].

В наибольшей степени эту социальную потребность обеспечивал нормативизм в различных его проявлениях. «Чистая теория права», которую разработал знаменитый австрийский конституционалист, «отец» европейского конституционного контроля Ганс Кельзен (1881–1973), была создана им как доктрина, освобожденная от чуждых юридической науке элементов, оставляющая только те научные инструменты, которые раскрывают специфическое нормативное содержание права. Понятие «источники права» Г. Кельзен не применял, поскольку считал «непригодным инструментом» в силу его чрезмерной неопределенности, предпочитая использовать «выражения, четко определяющие правовое явление». Таковым для него была, например, «форма права». Он полагал, что «в центре проблематики правовой динамики находится вопрос о различных способах создания права, или о формах права» [Чистое учение ... , 1988, с. 103]. Другой выдающийся итальянский юрист Норберто Боббио также полагал, что источники права – это «метафорическое выражение, которое необходимо исключить из строгой речи, подобной теории права, претендующей на научность» [Bobbio, 1998, p. 229]. Однако такой подход не был разделен юридическим сообществом, он не только не заставил юристов других доктриналь-

ных направлений отказаться от понятия «источник права», но, наоборот, привлек к нему дополнительное внимание, поскольку, несмотря на недостатки этого понятия, адекватной замены ему не найдено до сих пор.

Исследователи-юристы склонны рассматривать в качестве единственных формальные и официально установленные источники права, но такой подход означает игнорирование тех их аспектов, которые раскрывают различные теории права с помощью иной методологии. Вместе с тем достаточно сопоставить бытующие в науке определения понятия «источник права», такие как «идеи и ценности, которые вдохновляют содержание права, но чужды ему»; «идеологическая основа определенной правовой системы»; «социальные силы»; «документы или языковые носители правовых норм»; «деятельность, создающая право» и т.д. (большое число определений понятия «источник права» собрано в работе [Barraud, 2017]), как становятся ясны сложности их сочетания на практике.

Одним из решений данной проблемы, которое было реализовано и используется в науке до сих пор, должно было стать деление источников права на материальные и формальные. Материальные источники права связаны с причинами появления права, поскольку «правовые нормы не возникают из ничего» [Barraud, 2017], в то время как формальные – предполагают рассмотрение формы выражения правовых норм.

Однако создание данной теоретической конструкции разрешило не все проблемы. С одной стороны, определения материальных и формальных источников права продолжали множиться и появились их новые классификации. Так среди материальных источников стали выделять вещи и идеи; прагматические источники (материальные и социальные факты) и идеологические источники (мораль, ценности и философия); источники, основанные на опыте, источники, основанные на авторитете, источники, основанные на разуме, и т.д. [Barraud, 2017].

С другой стороны, формальные источники права стали иногда отождествляться с формой права.

По мере развития права понятие «источники права» стало восприниматься в юриспруденции как самостоятельное, в отрыве от его «водных» и космогонических корней. При этом если все, что связано с

водными источниками, воспринимается как текучее, подвижное и ассоциируется с изменчивостью, то в правовой доктрине источники права, особенно применительно к формальным источникам права, образно говоря, постепенно «кристаллизуются» и уже ассоциируются с формой права. Исследователи прежде всего в прагматических (но также и в теоретических) целях начинают концентрироваться на их перечне, а не на их происхождении.

Развитие правовой науки в направлении систематизации, категоризации и выбора новых ракурсов исследования привело к изменению понятия «источник права», множественности его определений, а также дискуссиям о понятии, которые продолжаются и в настоящее время.

Современная трактовка источников права

Современный этап развития понятия «источник права» отличается такой высокой сложностью и разнообразием научных подходов, что для полного освещения потребовалось бы монографическое рассмотрение. Выделим только некоторые наиболее значимые, по мнению автора данной публикации, черты.

Во-первых, формальные источники права стали отождествлять с формой права, что придало новый импульс дискуссии о соотношении понятий «источники права» и «формы права». Мнения ученых разделились. Одни являются сторонниками тождественности этих понятий. Другие, наоборот, рассматривают их как несовпадающие по содержанию. Третьи занимают «компромиссную» позицию, полагая, что в одних отношениях это совпадающие понятия, в других – значительно отличающиеся и нетождественные. Подробно об этом см.: [Васильева, 2010, с. 40–41].

Во-вторых, в отличие от прошлого, когда источники права рассматривались в статике, современные ученые добавили в их исследование динамический аспект. Так, французский ученый Филипп Жестаз отмечает, что при рассмотрении источников права в динамике в процессе эволюции наблюдается «угасание» роли обычая [Jestaz, 1996, р. 16]. Что же касается роли закона и судебной практики, то на протяжении истории периодически в разных обществах происходит «смена их ролей», главенствующую роль занимает то закон, то практика. Эту

мысль он иллюстрирует комментарием изображения на потолочной росписи в зале Кассационного суда Франции, отмечая, что на нем суд (изображенный в виде персонажа в красном одеянии и мантии, отделанной горностаем) находится у ног аллегии закона, в то время как в Великобритании, возможно, уместнее было бы представить соотношение этих источников права наоборот, поскольку закон там питает судебная практика. Однако, по его мнению, это изображение отражает статические представления прошлых эпох, а современным представлениям соответствовало бы динамическое изображение этой «звездной пары», периодически меняющей местами [Jestaz, 1996, p. 18–19].

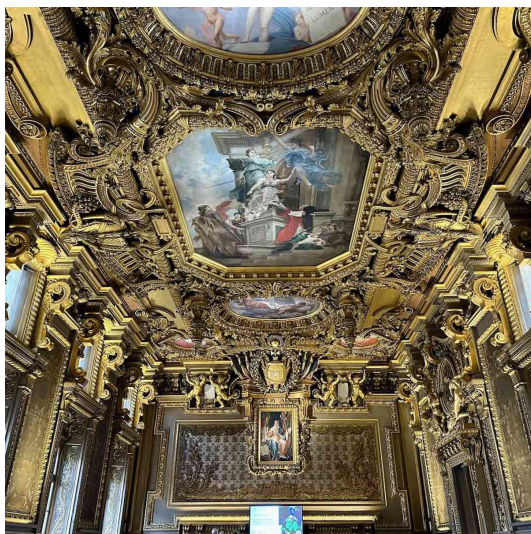

Рис. 4. Зал Кассационного суда в Париже. Роспись на потолке¹

В-третьих, развитие и внутригосударственных, и международных отношений ведет к тому, что «расцветают все новые и новые виды источников права» [Nachez, 2010, p. 2], соответственно продолжается процесс дифференциации научного знания по этому вопросу. Для обеспечения целостности правовой доктрины этому, свойственному

---

¹ URL: <https://pariscrea.com/visiter-palais-justice-paris/> (accessed 01.02.2024).

понятию процессу надо найти обоснование, а новым источникам права место в правовой системе. Так в разных странах, включая Россию, разрабатывается концепция наличия источников «твердого» и «мягкого» права [Nachez, 2010, p. 1–64; Эбзеев, 2019, с. 26–38]¹.

В-четвертых, ученые по-прежнему отмечают онтологические трудности определения понятия, его туманность и полисемизм. Анализ научных публикаций по данной тематике позволил выявить значительное число значений, которые в него вкладываются [Barraud, 2017]. Поэтому, с одной стороны, продолжают попытки поиска наиболее точных определений понятия, с другой – ширится круг исследователей, предпочитающих использовать для определения данного явления другие термины (обзор предлагаемых исследователями терминов см. [Barraud, 2017]).

В-пятых, умножение числа источников права сопровождается увеличением числа определений источников права, при этом определения нередко также даются через метафоры. Так, само понятие источников права нередко характеризуется в науке как «темное», «тревожащее», «туманное» [Barraud, 2017], а материальные источники права – как «глубокие», «необработанные (первозданные)», «живые», «косвенные» и т.д. (обширная подборка этих эпитетов содержится в работе [Barraud, 2017]). Это означает, что происходит процесс дополнительной метафоризации метафоры. Таким образом, на уровне научного знания подтверждается когнитивная концепция метафоры, сформулированная на бытовом материале в известном исследовании «Метафоры, которыми мы живем» и рассматривающая метафору как результат понятийного сдвига при формировании мышления, благодаря возникновению новых понятий и определений [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387–415].

В-шестых, по мере глобализации множественность значений, свойственная понятию «источник права», все чаще сопровождается полисемизмом значений конкретных источников права. В научной литературе, например, отмечается, что древние обычаи были анонимными, устными, «незапамятными», складывавшимися в течение длительного времени. Современные обычаи (например, международно-

---

¹ Нетрудно заметить, что это предложение о введении новых правовых метафор для описания прежней метафоры.

правовые) появляются быстро, не просто запоминаются, как ранее, а письменно фиксируются, и анонимность в их отношении отсутствует. Таким образом, понятие правового обычая распространяется на совершенно разные явления [Jestaz, 1996, p. 16]. Использование одного слова для различных по своей природе источников права ведет к усилению полисемичности внутри «гнездового понятия» «источник права».

Заключение

Понятие «источник права» прошло большой путь от поэтической метафоры до разветвленной полисемической системы, позволяющей охватить разные стороны явления, которое за ним стоит. Для юриспруденции оно является слишком полисемичным, поэтому ведутся поиски более точного названия данного правового явления, причем в некоторых случаях они только усиливают его метафоричность. Это показывает, что в настоящее время юридическая наука находится в точке бифуркации в отношении данного понятия, в связи с этим возможны разные варианты его дальнейшей судьбы. Первый вариант базируется на том факте, что за века его использования нового, более точного названия найдено не было. Соответственно, высока вероятность, что эта метафора будет наполняться и дальше новым содержанием, отражающим новые явления в праве.

Второй вариант состоит в сохранении понятия «источник права» с переходом некоторых из приписываемых ему значений в новые термины, предлагаемые в современных исследованиях.

Наконец, третий вариант состоит в появлении в праве новых терминов, возможно, заимствованных из других наук, что сделает данное понятие «источник права» достоянием прошлого. Какой из этих вариантов развития событий будет реализован, покажет время.

Список литературы

Авенариус М. Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // *Ius Antiquum*. Древнее право. – 2005. – № 15. – С. 108–118.

Васильева Т.В. Понятие и значение источника права // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – Тольятти : ВУиТ, 2010. – Вып. 2(73). – С. 37–44.

Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. Очерки. – Москва : Искусство, 1986. – 208 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – Москва, 1990. – С. 387–415. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm> (дата обращения 10.01.2024).

Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1 : А-К. – 671 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2 : К-Я. – 719 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов. – 22 изд., стер. – Москва : Русский язык, 1990. – 921 с.

Петрова Г.И. Были ли досократики натурфилософами? («Вода» Фалеса как трансцендентная проблема) // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1(2). – С. 30–33.

Родионова О.М. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) // Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 130–143.

Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1988. – Вып.2. – 213 с.

Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. О законах // Марк Туллий Цицерон. Диалоги. – Москва : Научно-исследовательский центр «Ладомир», 1994. – Кн. 1(17). – 223 с. – URL: <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1414880001> (дата обращения 10.01.2024).

Эбзеев Б.С. «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 26–38.

Barraud B. Les nouveaux défis de la recherche sur les sources du droit // Revue de la Recherche Juridique – Droit Prospectif. – 2017. – N 164. – Цит по: HAL Id: hal-01586457 <https://hal.science/hal-01586457>. – URL: <https://hal.science/hal-01586457> (accessed 01.02.2024).

Bobbio N. Essais de théorie du droit. – Paris ; Bruxelles : LGDJ-Bruylant, 1998. – 286 p.

Diez-Picazo y Ponce de León L. La Docrina de las Fuentes del Derecho // Anuario de derecho civil. – Madrid, 1984. – Fascículo 4. – P. 933–952.

Gerez-Kraemer G.M. El regimen juridico de las aguas públicas en el derecho romano. Tesis doctoral. – Madrid : Universidad CEU San Pablo, 2000. – 269 p.

Hachez I. Balises conceptuelles autour des notions de «source du droit», «force normative» et «soft law» // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. – Bruxelles (Belgium), 2010. – P. 1–64

Jestaz Ph. Les sources du droit : le déplacement d'un pôle à un autre // Revue générale de droit. – 1996. – N 27(1). – P. 5–19. – URL: <https://doi.org/10.7202/1035838ar> (accessed 01.02.2024).

Paresce E. Fonti del Diritto // Enciclopedia del Diritto. – Miláno : Giuffrè, 1968. – Т. 18. – P. 892–924.

Savigny F.C. System des heutigen romischen Rechts. – Berlin : Veit und Comp., 1840. – Bd. 1. – L., 429 S.

References

Avenarius, M. Savin'i i ego russkie ucheniki. Peredacha nauchnogo juridicheskogo znanija v pervoj polovine XIX v. [Savigny and his Russian disciples. The transfer of scientific legal knowledge in the first half of the XIX century]. In *Ius Antiquum. Drevnee pravo*, no 15, 2005, pp. 108–118. (In Russ.).

Vasil'eva, T.V. Ponjatie i znachenie istochnika prava [Concept and meaning of law source]. In *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva*, Tol'jatti, VUiT, issue. 2 (73), 2010, pp. 37–44. (In Russ.).

Knabe, G.S. Drevnij Rim – istorija i povsednevnost'. Oчерки [Ancient Rome – history and everyday life. Essays]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 208 p. (In Russ.).

Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafori, kotorymi my zhivem [*Metaphors we live by*]. In *Teorija metafory*. Moscow, 1990, pp. 387–415. URL:

<http://www.philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm> (date of application 10.01.2024). (In Russ.).

Ciceron, Mark Tullij. Filosofskie traktaty. O zakonah [Philosophical treatises. About laws]. In *Mark Tullij Ciceron. Dialogi*. Moscow, Nauchno-issledovatel'skij centr «Ladomir» Publ., 1994, 223 p. . URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1414880001> (date of application 10.01.2024). (In Russ.).

Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t. T. 1. A–K. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in two volumes vol. 1. A–K]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ/, 1987, 671 p. (In Russ.).

Mify narodov mira. Jenciklopedija: v 2 t. T. 2. K–Ja [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in two volumes vol. 2. K–Ja]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1988. 719 p. (In Russ.).

Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]: 70 000 slov. 22 izd., ster. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1990, 921 p. (In Russ.).

Petrova, G.I. Byli li dosokratiki naturfilosofami? (“Voda” Faleasa kak transcendentnaja problema) [Were the pre-Socratics natural philosophers? (Thales's “Water” as a Transcendental Problem)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filosofija. Sociologija. Politologija*, no 1 (2), 2008, pp. 30–33. (In Russ.).

Rodionova, O.M. Razvitie nauchnyh predstavlenij ob istochnikah prava (na primere istochnikov grazhdanskogo prava) [Development of scientific ideas about sources of law (using civil law sources as an example)]. In *Pravovedenie*, no 3, 2005, pp. 130–143. (In Russ.).

Jebzeev, B.S. “Tverdoe” i “mjagkoe” pravo v konstitucionnom pravoporjadke Rossii (novye smysly v ponimanii istochnikov prava) [“Firm” and “soft” law in the constitutional order of Russia (new meanings in understanding the sources of law)]. In *Gosudarstvo i pravo*, no 12, 2019, pp. 26–38. (In Russ.).

Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena. Sbornik perevodov [The Pure Theory of Law of Hans Kelsen. Collection of translations]. Moscow, INION AN SSSR Publ., iccue 2, 1988, 213 p. (In Russ.).

Barraud, B. Les nouveaux défis de la recherche sur les sources du droit. In *Revue de la Recherche Juridique – Droit Prospectif*, no 164, 2017. In HAL Id: hal-01586457

<https://hal.science/hal-01586457> URL: <https://hal.science/hal-01586457> (accessed 01.02.2024).

Bobbio, N. *Essais de théorie du droit*. Paris-Bruxelles, LGDJ-Bruylant Publ., 1998, 286 p.

Diez-Picazo y Ponce de León, L. La Doctrina de las Fuentes del Derecho. In *Anuario de derecho civil*. Madrid, 1984, Fascículo 4, pp. 933–952.

Gerez-Kraemer, G.M. *El regimen juridico de las aguas públicas en el derecho romano. Tesis doctoral*. Madrid, Universidad CEU San Pablo Publ., 2000, 269 p.

Hachez, I. Balises conceptuelles autour des notions de «source du droit», «force normative» et «soft law». In *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*. Bruxelles (Belgium), 2010, pp. 1–64.

Jestaz, Ph. Les sources du droit : le déplacement d'un pôle à un autre. In *Revue générale de droit*, no 27(1), 1996, pp. 5–19. URL: <https://doi.org/10.7202/1035838ar> (accessed 01.02.2024).

Paresce, E. Fonti del Diritto. In *Enciclopedia del Diritto. T. XVII*. Milano, Giuffrè Publ., 1968, pp. 892–924.

Savigny, F.C. *System des heutigen romischen Rechts. Bd. 1*. Berlin, Veit und Comp. Publ., 1840, L, 429 S.

Сайфуллина М.К.*¹, Коровина И.В.*²

КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ©

Аннотация. Целью статьи является попытка выявить основные компоненты концепта «американская мечта» в хронологии их появления в массовом сознании американцев. В ходе проведения исследования применялась комбинация следующих методов: метод синтеза, метод диахронического анализа и метод схематизации. В ходе проведения научного исследования были выявлены пять основных компонентов анализируемого концепта и разработана схема, представляющая диахронию возникновения данных компонентов.

Ключевые слова: американская мечта; компонент; схема концепта; диахронический анализ; равенство; материальные блага.

Поступила: 05.02.2024

Принята к печати: 18.03.2024

---

^{*1} *Сайфуллина Марьям Камилевна* – студентка факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», Саранск, Россия; maryam.sayfullina.2015@mail.ru

Saifullina Mariam Kamilevna – Student at the Foreign Languages Department of the Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia; maryam.sayfullina.2015@mail.ru

^{*2} *Коровина Ирина Валерьевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», Саранск, Россия; korirfox@gmail.com

Korovina Irina Valerievna – PhD in Philology, Associate Professor at the English Philology Chair of the Foreign Languages Department of the Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia; korirfox@gmail.com

© Сайфуллина М.К., Коровина И.В., 2024

Для цитирования: Сайфуллина М.К., Коровина И.В. Компоненты концепта «американская мечта»: диахронический анализ // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 112–126. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.05

Saifullina M.K., Korovina I.V.

Components of the “American Dream” concept: diachronic analysis

Abstract. The goal of the article is to try to define the main components of the “American Dream” concept in the chronological order of their appearance in the American mass consciousness. In the research, the combination of the following methods was applied: the syntactical method, the diachronic analysis and the method of schematization. The research allowed defining five main components of the concept under analysis and designing the scheme illustrating the chronological order of these components appearing.

Keywords: American dream; component; concept scheme; diachronic analysis; equality; material goods.

Received: 05.02.2024

Accepted: 18.03.2024

For quoting: Saifullina M.K., Korovina I.V. Components of the “American Dream” concept: diachronic analysis // Herald of Culturology. – 2024. – N 2(109). – P. 112–126. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.05

Введение

Соединенные Штаты Америки, быстро развивающиеся в экономическом плане и играющие важную роль на мировой арене, достаточно активно популяризируют свои идеалы и ценности в других культурах. Основная часть этих ценностей лежит в основе концепта «американская мечта». Именно активным распространением американских ценностей в мире в конце XX – начале XXI в. обусловлена актуальность проведенного исследования. Целью данной статьи является выявление основных компонентов концепта «американская мечта» в их диахроническом аспекте. В результате диахронического ана-

лиза данного концепта нами создана уникальная в своем роде схема его компонентов, что свидетельствует о научной новизне и теоретической значимости проведенного исследования.

Указанная выше цель исследования определила выбор методов, среди которых основными являются метод синтеза, метод диахронического анализа и метод схематизации. В ходе выявления основных компонентов концепта «американская мечта» было проанализировано большое количество источников, содержащих тексты различной жанровой принадлежности: научные статьи, монографии, публицистические статьи, тексты публичных выступлений, официальные документы (декларации и др.), данные социологических опросов, словарные статьи и т.д. На основе выявленных в изученном материале идей нами были сформулированы основные компоненты концепта «американская мечта». При этом были установлены ориентировочные исторические периоды постепенного возникновения и популяризации тех или иных компонентов в массовом сознании американского народа. В результате проведенного исследования методом схематизации была создана схема концепта «американская мечта», в которую вошли все обнаруженные нами компоненты концепта в хронологическом порядке их возникновения.

Структурные компоненты концепта «американская мечта» в диахроническом аспекте

Для того чтобы осуществить диахронический анализ развития и трансформации концепта «американская мечта», необходимо начать с современных словарных дефиниций данного понятия. «The American Dream is the idea that the US is a place where everyone has the chance of becoming rich and successful» («Американская мечта – это идея, заключающаяся в том, что США являются тем местом, где каждый имеет шанс стать богатым и успешным») (перевод авторов) [Longman Dictionary ... , 2001, p. 125]. Согласно данному определению, ключевым компонентом американской мечты является право любого человека на успех в делах и, как следствие, на обладание большими деньгами. Аналогичное определение находим в англоязычном словаре издательства Macmillan, в котором, однако, присутствует уточнение касаясь усердного труда: «anyone can become successful if they work hard

enough» («каждый может стать успешным, если он работает достаточно усердно») (перевод авторов) [Macmillan English Dictionary ... , 2007, p. 138].

Вышеприведенные дефиниции взяты из британских англоязычных словарей. Сравним приведенные выше дефиниции, представленные в словарях британских издательств, с дефиницией в словаре Merriam-Webster Dictionary (американское издательство): «The American dream is an American social ideal that stresses egalitarianism and especially material prosperity» («Американская мечта – это идеал американского общества, который делает акцент на эгалитаризме и в особенности на материальном благополучии») (перевод авторов) [Merriam-Webster Dictionary]. В данном определении, как и в предыдущих двух, в центр понятия ставится равенство людей и их возможностей для достижения материального благосостояния.

Считаем целесообразным привести идею Эндрю Росс Соркина, финансового обозревателя The New York Times, о трех типах «американской мечты». Первый тип был распространен в 40–60-х годах XX в. и заключался «в том, что, если ты ходил в школу, повзрослел и ведешь себя хорошо, тебе даже не обязательно идти в колледж, ты все равно найдешь работу, купишь дом, родишь детей, заведешь собаку, поставишь забор, уйдешь на пенсию в начале седьмого десятка, и жизнь сложится» [Соркин, 2012, с. 87]. Второй тип «американской мечты» заключается в том, что любой человек вне зависимости от его происхождения может достичь многого в своей жизни и карьере при условии, что он «горит» тем делом, которым занимается. Данный тип условно можно назвать «мечтой Стива Джобса или Марка Цукерберга» [там же, с. 88]. Третий тип американской мечты представляет собой свободу самореализации: любой человек «может сюда приехать, преодолеть классовые барьеры, которые не являются сдерживающим фактором в американском обществе. И он может выбрать то, кем он хочет быть» [там же, с. 88].

В ходе нашего исследования было выявлено, что кроме идей, представленных в словарных статьях, концепт «американская мечта» включает в себя несколько более конкретных компонентов, которые, в свою очередь, нашли отражение в трех типах «американской мечты» Э.Р. Соркина. Перейдем к диахроническому анализу концепта «американская мечта» и рассмотрим, как исторически менялось представление о нем в американском обществе.

Первое упоминание идей, составляющих основу концепта «американская мечта», можно обнаружить в различных источниках XVI–XVII вв., притом что сам термин «американская мечта» был введен лишь в XX в. Европейские переселенцы на территории Северной Америки получали возможность сформировать идеальное, по их мнению, общество, которое было бы освобождено от устоявшихся в Европе законов и предрассудков. Декларация независимости США в 1776 г. зафиксировала следующие основные жизненные принципы иммигрантов: «...права человека на жизнь, свободу и стремление к счастью вне зависимости от происхождения человека, иными словами, американскими идеалами в то время выступали равенство людей и возможностей» [Сайфуллина, 2021, с. 376–377].

Изначально эта концепция американской мечты распространялась на белых владельцев собственности, однако первоначальные идеи равенства так стойко закрепились в общественном сознании, что постепенно в ходе развития государства стали приниматься законы, распространяющие неотъемлемые права человека на ранее поработанный слой общества, женщин и другие слои населения. Так, 16-й президент США Авраам Линкольн «подарил» американскую мечту ранее поработанным людям, приняв Прокламацию об освобождении рабов (1862–1863), а 28-й президент США Вудро Вильсон способствовал принятию 19-й поправки к Конституции (1920), предоставившей женщинам избирательное право [Murdock, 1965, p. 296]. Таким образом, американская мечта в определенной степени задала дальнейший курс развития США.

Вследствие проведения государством политики по обеспечению равноправия в XIX в. началась массовая эмиграция в США. Так, например, многие высокообразованные жители Германии бежали в США после не увенчавшейся успехом немецкой революции 1848 г. и попытки сломать иерархические стандарты. Их манили политические и экономические свободы, принятые в Новом Свете, и тот факт, что Америка не помещает своих граждан в строгие классовые рамки, вследствие чего человек может добиться своих целей вне зависимости от класса, к которому он принадлежит [Corporate Finance Institute ...].

Концепт «американская мечта» также тесно связан с «золотой лихорадкой» XIX в. Обнаружение золота в 1849 г. в Калифорнии привлекло в этот регион сотни тысяч людей, верящих, что они могут сде-

лать себе состояние в одночасье. К 1856 г. население Калифорнии увеличилось практически в два раза (с 160 000 до 300 000) [Петречук, 2017]. Хотя большинство из искателей золота так и не добились успеха, вера в то, что личный успех возможен для любого, стала еще одним компонентом американской мечты.

Впервые сам термин «американская мечта» упоминается в книге *Drift and Mastery* («Пассивность и господство») журналиста Уолтера Липмана (1914) в значении «общий коллективный американский идеал» [Петречук, 2017]. С развитием американского общества данное понятие расширялось, вбирая в себя новые идеи, отражающие стремления и потребности общества в соответствии с определенным историческим периодом.

В 20-е годы XX в. политическая элита США «пропагандировала идею «святости» бизнеса, придавая бизнесу статус «американской религии» [Сайфуллина, 2021, с. 378]. Предпосылкой господства данной идеологии стало стремительное экономическое развитие США после окончания Гражданской войны в 1865 г. Считается, что именно в конце XIX в. сформировалась современная американская экономика, значительный вклад в которую внесли представители первого поколения предпринимателей, построивших крупные корпорации с нуля. Например, Корнелиус Вандербильт (1794–1877), родившийся в бедной семье лодочника, сделал свое состояние в 100 миллионов долларов на судоходных и железнодорожных перевозках [Cole, 1954]. Джон Д. Рокфеллер (1839–1937) основал *Standard Oil Company*, которая доминировала в нефтяной отрасли и была первой крупной монополией США [ibid]. Эндрю Карнеги (1835–1919), выходец из семьи шотландских эмигрантов, построил к 1889 г. *Carnegie Steel Corporation*, крупнейшую в мире корпорацию такого типа и ставшую форвардом сталелитейной промышленности в США [ibid]. Генри Форд (1863–1947), прославившийся как создатель автомобиля Ford модели T и разработчик производственного конвейера, произвел революцию в автомобильной промышленности [ibid]. Выше приведен список лишь нескольких из огромного списка успешных предпринимателей, которые стали примером для подражания для десятков тысяч людей и установили новые стандарты американской мечты, заключающиеся в ориентире на достижение материальных благ путем усердного труда.

В 1931 г. выходит в свет книга Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки», в которой он описывает весь исторический путь развития США. Дж.Т. Адамс в данном труде возвращается к основным идеям американской мечты и говорит об Америке как стране, дающей каждому человеку шанс на лучшую жизнь, которую он, несомненно, заслуживает. Данный посыл Дж. Т. Адамса в те годы имел целью подбодрить американский народ на пике Великой депрессии, после падения Уолл-стрит в 1929 г. [Ильинский, Сметанников С.М., Хван Н.С., 2017, с. 136]. Таким образом, «в 1930-е годы понимание “американской мечты” возвращается к идеям, которые легли в основу Декларации независимости 1776 года» [Сайфуллина, 2021, с. 378].

Идеи американской мечты, упомянутые в книге Дж.Т. Адамса, подпитывались действиями органов власти. В 1944 г. 32-й президент США Франклин Рузвельт выступил перед Конгрессом с посланием, получившим название Экономический «Билль о правах». В послании Рузвельт провозглашает, что «подлинная свобода отдельной личности невозможна без экономической безопасности и независимости» [Латов, Попов, 2015, с. 265]. Под экономической безопасностью и независимостью подразумеваются равные возможности для трудоустройства на работу, на получение достойного заработка, покрывающего потребности, достойное жилье, доступ к качественному медицинскому обслуживанию и образованию, а также социальная поддержка в старости.

В 50-е годы XX в. идеи «американской мечты» начинают использоваться с целью продвижения культуры потребления. В концепции «американской мечты» доминирующую роль начинают играть богатство и материальное благосостояние. Данные элементы концепта в те годы активно популяризируются с помощью средств массовой культуры, в частности с помощью кинематографа. Американские фильмы и сериалы 50-х годов XX в. представляли идеал жизни следующим образом: крепкая семья, проживающая в небольшом уютном доме и имеющая одну недорогую машину и один телевизор. Именно такую картину «американской мечты» первого типа можно увидеть в книге Э.Р. Соркина [Соркин, 2012, с. 87].

Параллельно с идеей о спокойной размеренной жизни в 60-е годы возродилась идея о равенстве прав и свобод, отчасти благодаря деятельности Мартина Лютера Кинга, который с 1957 г. возглавлял Кон-

ференцию Южного Христианского Руководства – организацию, занимающуюся защитой прав темнокожих в США. В 1964 г. он выступил со своей всемирно известной речью «У меня есть мечта» (I have a dream), где он ссылается на концепцию американской мечты: «У меня есть мечта, что однажды эта нация восстанет и воплотит в жизнь истинный смысл своего вероучения. ... Мы придерживаемся этих истин. Само собой разумеется, что все люди созданы равными» [Davidson, 1991, р. 16]. Кроме того, в том же году 36-й президент США Линдон Джонсон добился принятия Закона о гражданских правах, положившего конец сегрегации в школах и защищающего рабочих от дискриминации по признаку расы, цвета кожи, религии, пола или национального происхождения [Геворкян, 2016, с. 142]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что политическая и общественная деятельность в 60-е годы была направлена на обеспечение равных прав вне зависимости от расовой принадлежности, в то время как массовая культура занималась популяризацией идеи о наращивании материальных благ.

В 70-е годы XX в. в кинематографе США успешные семьи всё чаще характеризуются такими маркерами, как наличие двух автомобилей в семье, возможность провести отпуск на Гавайях или других островах, характерная «открытая планировка» дома и «открытая лестница» на второй этаж. Таким образом, планка материального благосостояния повышается. Помимо телесериалов, термин «американская мечта» стал широко использоваться в рекламе недвижимости, чтобы вызвать у покупателей ассоциативную связь между потреблением и патриотизмом.

В 80-е годы в сознание американцев всё прочнее внедрялись ценности общества потребления и, как следствие, возрастали жизненные потребности, пропорционально которым сильно вырос и банковский кредит американских семей. В 1986 г. США вышли на первое место в мире по размеру национального долга [Corporate Finance Institute ...].

Таким образом, в течение второй половины XX в. можно наблюдать трансформацию «американской мечты» от спокойной и счастливой жизни с балансом работы и семьи к преумножению материальных благ. «Американцы поверили, что каждое последующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее» [Сайфуллина, 2021, с. 378].

В начале XXI в. в киноиндустрии США на смену семейной идиллии приходят в качестве главных героев подростки из обеспеченных семей, не работающие, наслаждающиеся жизнью и тратящие деньги своих родителей. Предыдущие поколения обеспечили им достойную жизнь. Для старшего поколения американская мечта продолжает выражаться в «вере в лучшее будущее», в то время как молодое поколение живет по принципу «здесь и сейчас», и их мечта предполагает безграничную свободу и удовольствие. Необходимо также отметить, что внутренняя политика в первые годы XXI в. поддерживала материальную сторону американской мечты. Об этом свидетельствует инициативный президентом Джорджем Бушем закон о субсидировании покупок жилья в 2003 г.

Схема концепта «американская мечта»

Опираясь на вышеприведенные данные, мы определили основные структурные компоненты концепта «американская мечта» в порядке их «укоренения» в массовом сознании американцев (т.е. в диахронии) и составили схему концепта, представляющую собой треугольник, разделенный на 5 ярусов. Нижний ярус содержит самый ранний компонент, тогда как верхний – самый поздний. Все остальные ярусы расположены в диахронической очередности возникновения компонентов анализируемого нами концепта.

Рис. 1. Схема концепта «американская мечта»

В основе данной схемы лежит понимание «американской мечты» как равенства людей, их прав и свобод (1-й ярус). На 2-м ярусе располагается более узкий компонент равенства возможностей, который обусловлен компонентом на 1-м ярусе. Равенство возможностей, в свою очередь, предоставляет возможность для улучшения материального благосостояния (3-й ярус). Позднее приходит осознание того, что кроме богатства и карьерного роста, в жизни каждого человека важно личное счастье, что делает ценным баланс между работой и личной жизнью и, следовательно, гармоничное развитие всех сфер жизни (4-й ярус). В вершине треугольника расположен самый «молодой» компонент концепта – вера в лучшее будущее (5-й ярус).

Хотя ранее мы упоминали появившийся в 2000-е годы такой компонент концепта «американская мечта», как свобода действий и жизнь в удовольствие, мы решили не выводить этот компонент в отдельный ярус. Если проанализировать данный аспект, то мы увидим, что жизнь в удовольствие может выражаться в самореализации через любимое дело (2-й ярус) и в возможности ни в чем себе не отказывать, что синонимично обладанию материальными благами (3-й ярус). Иными словами, компонент «жизнь в удовольствие» представляет собой достаточно расплывчатое понятие, которое может присутствовать в других компонентах. Таким образом, нами было выявлено 5 базовых компонентов концепта «американская мечта» в их диахроническом аспекте (рис. 1). Данный концепт видоизменялся и обрастал новыми идеями под влиянием экономической, политической и культурной обстановки в США в конкретный исторический период.

Современное состояние концепта «американская мечта»

Далее рассмотрим современное состояние концепта «американская мечта» на основе соцопросов и мнений социологов. Современные американцы часто приводят в качестве примера реализации американской мечты наличие в собственности дома или квартиры, поскольку собственное жилье ассоциируется с финансовым успехом и независимостью. Данный факт подтверждает увеличение доли домовладельцев в 2020 г. (на 0,7% выше, чем в 2019 г.) [Barone, 2023]. Также воплощением американской мечты считается наличие собственного бизнеса и вытекающее из этого отсутствие необходимости быть в подчинении

у босса, иными словами, свобода действий. Владение собственностью, собственный бизнес и жизнь, созданная своими руками, – все это проявления американской мечты в значении обладания материальными благами (3-й ярус) и равенства свобод (1-й ярус) (рис. 1).

Однако на настоящий момент многие социологи и эксперты в сфере экономики и инвестиций высказывают свои опасения касательно жизнеспособности идей, включенных в концепт «американская мечта». Так, бизнес-аналитик и эксперт в сфере экономики Кимберли Амадео приводит ряд факторов, развенчивающих американскую мечту [Amadeo, 2021]. Во-первых, в США уровень мобильности доходов ниже, чем в некоторых других развитых странах (например, в Норвегии, Франции, Германии, Канаде и Финляндии). Во-вторых, федеральный долг США составляет 28 трлн долларов, а потребительский долг – 4,2 трлн долларов, что в совокупности превышает валовой внутренний продукт США в 22 трлн долларов. В-третьих, некоторые предполагают, что действия властей в соответствии с «Глобальным новым зеленым курсом» (принятый в США план мероприятий по предотвращению глобального потепления и сокращению парникового эффекта) могут представлять угрозу американской мечте [ibid]. С одной стороны, в период с 2007 по 2017 г. изменяющиеся погодные условия, проблемы в области здравоохранения, повышение уровня моря и инфляция обошлись правительству США в 350 млрд долларов. С другой – перестройка инфраструктуры и предприятий в скором будущем увеличит размер федерального долга США и может привести к великой рецессии. В-четвертых, современные социальные проблемы, такие как ожирение, наркомания и огромное количество бездомных, ставят под сомнение жизнеспособность концепта американской мечты [ibid.].

Обратившись к данным социологических опросов американцев на предмет их веры в американскую мечту, мы получили следующую картину. В статье журнала Forbes «77% Of Americans Don't Believe The Iconic Rags-To-Riches American Dream» журналист Эрик Шерман приводит следующую статистику, опубликованную благотворительным фондом The Pew Charitable Trusts в 2014 г.: только 33% американцев верят в то, что через упорный труд можно достичь успеха и «выбиться в люди» [Sherman]. Возможно, причина ослабления веры в американскую мечту лежит в кризисе 2007 г., в результате которого многие жи-

тели США потеряли работу или остались без жилья. Кроме того, согласно данному исследованию, только 56% респондентов довольны своим финансовым благосостоянием и только 45% имеют стабильный доход [Sherman].

Совершенно иная картина представлена в исследовании Американского Института Предпринимательства [Barone, 2023] совместно с исследовательским центром NORC при Чикагском университете 2018 г. Данный опрос был направлен не только на выявление жизнеспособности американской мечты, но на само понимание данного концепта. На вопрос «Что для Вас важно для достижения американской мечты?» 85 % респондентов отметили «свободу выбора», а 83% – «счастливую семейную жизнь». При этом ответ «стать богатым», который мог бы быть более ожидаемым, выбрали лишь 16% опрошенных. Стоит также отметить, что 45% респондентов отметили, что важно «иметь лучшее качество жизни, чем имело предыдущее поколение», а 49% процентов обратили внимание на продвижение по карьерной лестнице [ibid.].

Кроме того, в данном исследовании наблюдается сокращение количества людей, считающих американскую мечту недостижимой (всего 18% респондентов). Однако большой процент (82%) респондентов смотрят на будущее с позитивной стороны. Причем выборка для исследования включала в себя группу людей довольно неоднородную по месту проживания, возрасту, расе и национальности. Часто в подобных исследованиях раса и национальность выступают в качестве ключевых факторов, обуславливающих различия в статистике. Аналитики увидели разницу лишь между поколениями: в то время как представители поколений беби-бумеров, поколения X и миллениалов воспринимают американскую мечту с оптимизмом (от 80% до 83%), представители поколения Z оказались менее оптимистичными (73%) [ibid.].

Исходя из приведенных выше данных, можно утверждать, что все компоненты концепта американской мечты, которые входят в составленную нами схему данного концепта, продолжают сосуществовать в коллективном сознании американского общества. Однако несмотря на то, что американская мечта стала деградировать и активно стала пропагандироваться культура потребления, большинство американцев тем не менее ценят свободу выбора и семейное счастье.

Заключение

Проанализировав историю многогранного понятия «американская мечта», мы выявили пять основных компонентов исследуемого концепта: равенство прав и свобод, равенство возможностей для самореализации через труд, обладание материальными благами, гармоничное развитие всех сфер жизни и вера в лучшее будущее. Ознакомившись со статистическими данными, мы пришли к выводу, что все перечисленные компоненты остаются актуальными и по сей день. Несмотря на то что в начале XXI в. наблюдалась тенденция развенчивания американской мечты, в настоящий момент американская мечта не «сдает позиций», остается ярким феноменом американской культуры и активно экспортируется в другие страны через массовую культуру и Интернет-ресурсы.

Список литературы

Геворкян Г.Н. Влияние массовых движений в США на принятие закона о гражданских правах 1964 г. // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 8-1. – С. 140–143. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-massovyh-dvizheniy-v-ssha-na-prinyatie-zakona-o-grazhdanskikh-pravah-1964-g>

Ильинский Д.В., Сметанников С.М., Хван Н.С. Американская мечта // Инновационная наука. – Уфа, 2017. – № 1/2. – С. 135–137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta>

Латов Ю.В., Попов Г.Г. «Хэппи энд» Франклина Делано Рузвельта // Историко-экономические исследования. – Иркутск, 2015. – № 2. – С. 265–266. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/heppi-end-franklina-delano-ruzvelta>

Петречук А.И. Американская мечта и американская исключительность. От истоков до современности // Электронный научный журнал «Архонт». – Москва, 2017. – № 3. – С. 51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-amerikanskaya-isklyuchitelnost-ot-istokov-do-sovremennosti/viewer>

Сайфуллина М.К. Концепт «американская мечта» и его вербализация в кинематографе США // XLIX Огарёвские чтения : материалы научной конференции : в 3 частях, Саранск, 07–13 декабря 2020 года. Часть 3. – Саранск, 2021. – С. 375–380.

Соркин Э.Р. Слишком большие, чтобы рухнуть. Инсайдерская история о том, как Уолл-стрит и Вашингтон боролись, чтобы спасти финансовую систему от кризиса и от самих себя. – Москва : Астрель, 2012. – 576 с.

Amadeo K. Democratic Presidents and Their Impact on the U.S. Economy. – 2021. – URL: <https://www.thebalance.com/democratic-presidents-impact-on-economy-4129132>

Barone A. What is the American dream? Examples and How to Measure It // Investopedia. – 2023. – URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/american-dream.asp#citation-5>

Cole A.H. Twentieth-Century Entrepreneurship in the United States and Economic Growth // The American Economic Review. – 1954. – Vol. 44, N 2. – P. 35–50.

Corporate Finance Institute: образовательная платформа. – URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/knowledge/other/american-dream/>.

Davidson M. I Have a Dream: The Story of Martin Luther King in Text and Pictures: biography. – New York : Time Life Books, 1991. – 16 p.

Longman Dictionary of Contemporary English: Third Edition with New Words Supplement. – 2001. – 1668 p.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (New Edition). – 2007. – 1759 p.

Merriam-Webster Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/American%20dream>

Murdock E. Mr. Lincoln's Proclamation: The Story of the Emancipation Proclamation (review) // Civil War History. – 1965. – Vol. 11. – P. 296.

Sherman E. 77% Of Americans Don't Believe The Iconic Rags-To-Riches American Dream. – URL: <https://www.forbes.com/sites/eriksherman/2017/10/01/77-of-americans-dont-believe-the-iconic-rags-to-riches-american-dream/?sh=7c08a8d62b56>

References

Gevorkyan, G.N. Vliyanie massovykh dvizhenij v SShA na prinyatie zakona o grazhdanskikh pravah 1964 g. [The influence of mass movements in the USA on the passage of civil rights legislation]. In *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. Ekaterinburg, no 8–1, 2016. pp. 140–143. (In Russ.)

Il'inskij, D.V., Smetannikov, S.M., Hvan, N.S. Amerikanskaya mechta [American dream]. In *Innovacionnaya nauka*. Ufa, no 1–2, 2017. pp. 135–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta> (In Russ.)

Latov, Yu.V., Popov, G.G. “Heppi end” Franklina Delano Ruzvel'ta [“Happy End” of Franklin Delano Roosevelt]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Irkutsk, no 2, 2015. pp. 265–266. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/heppi-end-franklina-delano-ruzvel'ta> (In Russ.)

Petrechuk, A.I. Amerikanskaya mechta i amerikanskaya isklyuchitel'nost'. Ot istokov do sovremennosti [American dream and American exclusivity. From the origin to the modern times]. In *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Arhont»*. Moscow, no 3, 2017. pp. 51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-mechta-i-amerikanskaya-isklyuchitelnost-ot-istokov-do-sovremennosti/viewer>. (In Russ.)

Sajfullina, M.K. Koncept «amerikanskaya mechta» i ego verbalizaciya v kinematografe SShA. In *XLIX Ogaryovskie chteniya : materialy nauchnoj konferencii: v 3 chastyah*, 07–13 December 2020. Saransk, Vol. 3, 2021. pp. 375–380. (In Russ.)

Sorkin, E.R. *Slishkom bol'shie, chtoby ruhnut'. Insajderskaya istoriya o tom, kak Uoll-strit i Vashington borolis', chtoby spasti finansovuyu sistemu ot krizisa i ot samih sebya*

[Too big to fail. The inside story of how Wall Street and Washington fought to save the financial system and themselves]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 576 p. (In Russ.)

Amadeo, K. *Democratic Presidents and Their Impact on the U.S. Economy*. 2021. URL: <https://www.thebalance.com/democratic-presidents-impact-on-economy-4129132>

Barone, A. What is the American dream? Examples and How to Measure It. In *Investopedia*, 2023. URL: <https://www.investopedia.com/terms/a/american-dream.asp#citation-5>

Cole, A.H. Twentieth-Century Entrepreneurship in the United States and Economic Growth. In *The American Economic Review*, vol. 44, no 2, 1954, pp. 35–50.

Corporate Finance Institute. URL: <https://corporatefinanceinstitute.com/resources/knowledge/other/american-dream/>

Davidson, M. *I Have a Dream: The Story of Martin Luther King in Text and Pictures: biography*. New York, Time Life Books Publ., 1991. 16 p.

Longman Dictionary of Contemporary English: Third Edition with New Words Supplement. 2001. 1668 p.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (New Edition). 2007. 1759 p.
Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/American%20dream>

Murdock, E. Mr. Lincoln's Proclamation: The Story of the Emancipation Proclamation (review). In *Civil War History*, vol. 11, 1965, pp. 296.

Sherman, E. *77% Of Americans Don't Believe The Iconic Rags-To-Riches American Dream*. URL: <https://www.forbes.com/sites/eriksherman/2017/10/01/77-of-americans-dont-believe-the-iconic-rags-to-riches-american-dream/?sh=7c08a8d62b56>

Клепикова Л.В.*

**ПОНЯТИЕ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОСТОК»
В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ИСТОКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ©**

Аннотация. В работе анализируется понятие «европейского Востока», причины его возникновения и функции в культурно-философском дискурсе Западной и Южной Европы. Особое внимание уделяется образу Балкан: как он возник в европейском историческом нарративе и какие политико-культурные функции выполнял. В качестве теоретического подхода в статье использованы концепции ориентализма как орудия господства Запада над Востоком и ментальных карт как воображаемой системы упорядочивания окружающей реальности. Автор приходит к выводу о гетерогенной природе образа «европейского Востока» и его способности к трансформации в зависимости от того, какую цель преследует использующая его социальная группа.

Ключевые слова: ориентализм; европейский восток; нарратив; дискурс; образ; ментальные карты; балканизм; Сербия.

Поступила: 29.02.2024

Принята к печати: 22.03.2024

---

* *Клепикова Любовь Владимировна* – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Российского университета транспорта (РУТ МИИТ), Москва, Россия; sevell1@rambler.ru

Klepikova Liubov Vladimirovna – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of “Philosophy” at the Russian University of Transport (RUT MIIT); Moscow, Russia; sevell1@rambler.ru

© Клепикова Л.В., 2024

Для цитирования: Клепикова Л.В. Понятие «европейский Восток» в философско-историческом дискурсе: истоки и интерпретации // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 127–139. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.06

Klepikova L.V.

The concept of “European East” in philosophical and historical discourse: origins and interpretations

Abstract. The work deals with the concept of the “European East”, the reasons for its emergence and functions in the cultural and philosophical discourse of Western and Southern Europe. Particular attention is paid to the image of the Balkans: how it emerged in the European historical narrative and what political and cultural functions it performed. As a theoretical approach, the paper uses the concepts of Orientalism, as a tool of domination of the West over the East, and mental maps, as an imaginary system for ordering the surrounding reality. The author comes to the conclusion about the heterogeneous nature of the image of the “European East” and its ability to transform depending on the purpose of the social group using it.

Keywords: orientalism; European East; narrative; discourse; image; mental maps; Balkanism; Serbia.

Received: 29.02.2024

Accepted: 22.03.2024

For quoting: Klepikova L.V. The concept of “European East” in philosophical and historical discourse: origins and interpretations // Bulletin of Cultural Studies. – 2024. – No. 2(109). – P. 127–139. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.06

«Европейский Восток» (англ. *European Orient*, нем. *Europäische Orient*) – понятие, имеющее не только географический, но и политический, и культурный смыслы – обычно применяют в отношении южного и/или восточного регионов Европейского континента. Впервые это понятие было использовано в XVIII в., в широкий языковой обиход оно входит примерно в начале – середине XIX в. [Вульф, 2003, с. 38]. В XIX в. «европейский Восток» становится для европейцев географической и политической реальностью. Согласно представлениям той

эпохи, он находился восточнее Вены, примерно в центре владений Габсбургов [Marchand, 2001, p. 465].

Хотя к настоящему моменту понятие «европейский Восток» уже не имеет настолько широкого употребления, «ориентализующий» дискурс по-прежнему используется в отношении восточных и южных регионов Европы. В современных СМИ нередко фигурирует деление на «западное» и «восточное», сопровождающееся стереотипной дихотомией: «цивилизованный – отсталый», «секулярный – фундаментальный» и пр.

В данной работе мы рассмотрим вопрос о дискурсивном конструировании и деконструировании образа «европейского Востока». Мы проанализируем особенности формирования исторических нарративов, способов передачи информации и формирования стереотипных образов, которые привели к появлению образа «европейского Востока».

Необходимо оговориться, что само понятие «европейский Восток» имеет очень многозначную и неопределенную природу, так как под это обозначение в равной степени могут попасть как Балканские страны, так и восточноевропейские государства (современные страны СНГ, Польша и пр.). Причем, говоря о восточноевропейских странах и формировании нарратива вокруг них, нельзя преуменьшать роль исторического нарратива, связанного с советским прошлым и культурными последствиями холодной войны. Поэтому в рамках этой работы мы намеренно ограничим поле нашего исследовательского интереса – главный акцент будет сделан на процессах ориентализации, деориентализации и реориентализации Балканского региона (в частности – Сербии).

Важный стимул для переосмысления ориентальных исследований дал американский литературовед Э. Саид. Он ввел понятие *ориентализация*, под которым подразумевал искусственно созданный образ Востока, благодаря которому Запад утверждал свою гегемонию над ним [Саид, 2006, с. 8]. Различия между «цивилизованным» Западом и «отсталым» Востоком обосновывались эпистемологическими и онтологическими представлениями, которые регулярно встречались в работах западных представителей науки и искусства. С XVIII в. эти представления стали органичной частью «восточного» дискурса и постепенно превратились в реальные политические инструменты, кото-

рые привели к установлению и легитимации власти и превосходства Запада над Востоком.

В середине 1990-х годов сербская исследовательница религий и обществ Балкан и Южной Азии М. Бакич-Хайден (*серб.* Милица Бакић-Хејден) ввела концепцию т.н. вложенного ориентализма (*nesting orientalism*) [Bakić-Hayden, 1995], согласно которой «своих» и «других» находят внутри одной и той же группы, после чего последних «ориентализируют». В качестве подобной группы может выступать Европа, где роль «ориентализированных» «других» исполняют Балканы, «не-цивилизированный» и «отсталый» регион, который тем не менее относится к европейскому пространству. Особенность «вложенного ориентализма» заключается в том, что чем географически западнее находится страна, тем более «европейскими» будут считать себя местные жители в сравнении с территориями, расположенными южнее. Примерами действия «вложенного ориентализма» могут выступать как целые политические образования, так и мелкие социальные группы. Пример 1: принадлежность Хорватии к ЕС (вкуче с католическим вероисповеданием большинства населения этой страны) усиливает и подтверждает «вложенный ориентализм», так как политические акторы и население ощущают себя в более выгодном «европейском» положении, нежели государства, не относящиеся к ЕС (Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория). Пример 2: члены православной религиозной общины ощущают себя более «западными», чем европейские мусульмане Балкан, которые, в свою очередь, «ориентализируют» азиатских мусульман и т.д. Реальное географическое положение государств Южной Европы играет при этом второстепенную роль.

Ментальная связь «более западной» Европы и Балкан анализируется в работе болгарского профессора истории М. Тодорой *Imagining the Balkans*, особенность которой заключается в том, что автор рассматривает Балканы не как географическую единицу на политической карте, а как воображаемое пространство, выполняющее определенную функцию в общественном дискурсе. В европейском культурном пространстве «Балканы» фигурируют в качестве проекции умозрительной «Не-цивилизации», служащей прямой противоположностью тому пространству, где проживают «более европейские» народы, и при этом парадоксальным образом находящейся в этом «европейском»

пространстве. М. Тодорова называет этот феномен «балканизмом» и намеренно отделяет его от ориентализма, так как *балканизм* в европейском дискурсе выполняет связующую функцию моста между «Западом» и «Востоком». Образ Балкан – это полуориентальная, полудикая и полудивилизованная европейская периферия, «европейский Восток» [Todorova, 2009]. В дальнейшем мы будем частично разделять интерпретацию М. Тодоровой. В контексте нашей работы Балканы будут рассматриваться именно как органическая часть ориентального дискурса, сформированного в западноевропейском (и в некотором смысле и в южноевропейском) пространстве, однако атрибутивным свойством «балканизма» останется приписываемая ему связующая функция между «полноценным» Востоком и «настоящим» Западом.

Главная роль в формировании дискурса вокруг «европейского Востока» будет принадлежать воображаемой структуре, по которой окружающий мир организуется таким образом, чтобы у каждой физической локации было фиксированное место на *ментальной карте* (Mental Map), позволяющей ориентироваться в пространстве – не только физическом, но и воображаемом (ментальном) [Henrikson, 1980, p. 505]. В процессе складывания нарратива *ментальная карта* выполняет ту же функцию, что и метафора. Метафоры служат для упрощения коммуникации, избавляют людей от необходимости каждый раз объяснять, что они имеют в виду (например, при использовании слова «восточный менталитет» собеседник примерно поймет – или решит, что понимает, – о чем сейчас пойдет речь). *Ментальная карта* – это олицетворение существующего на данный момент порядка. *Ментальная карта* никогда не бывает ориентирована на физические локации, она всегда основывается на воспоминаниях и воображаемом, возникших в связи с событиями социальной реальности. В этом смысле «европейский Восток» лучше всего иллюстрирует пример типичного объекта ментальной карты. Географический регион, обычно с ним отождествляемый (Балканы), не имеет определенных границ, так как исторически оказался раздроблен в связи с османским завоеванием и другими историческими событиями. К примеру, иногда в зону «европейского Востока» включали Россию с Польшей [Вульф, 2003, с. 36, 43], т.е. «европейским Востоком» вполне могла оказаться не только Южная, но и Восточная Европа, потому что это – культурный проект, образ Другого, сконструированный с целью обозначить запад-

ноевропейскую идентичность. Таким образом, линия между «западным» и «восточным», не имея никаких реальных географических коннотаций, разделяет зоны «благоустроенного и цивилизованного» и «неустроенного и отсталого». Впоследствии ментальные карты превращаются в источник национальных образов и стереотипов, по которым оцениваются государства, их прошлое и даже будущее.

Историю конструирования образа Балкан принято начинать с XIX в., когда можно выделить, по крайней мере, два основных центра его зарождения. С одной стороны, это происходило в рамках развлекательной индустрии Великобритании [Goldsworthy, 2003], где понятие «балканский» ассоциировалось с чем-то «иным», что не соответствовало европейским стандартам. Подобный образ являлся одновременно и притягивающим, и отталкивающим для среднестатистического стороннего европейского наблюдателя. С другой стороны, важную роль в конструировании образа Сербии играла австрийская пропаганда, транслируемая через записки путешественников на страницах венских газет [Rejić, Vivian, 2013].

В XX в. главным распространителем стереотипных образов и представлений о Балканах и Востоке стали США [Goldsworthy, 2003]. Однако, если изначально австрийский, британский и американский дискурсы переплетались между собой и в таком переплетенном виде «импортировались» в другие страны, то после окончания Второй мировой войны европейский и американские образы Балкан и Востока начинают различаться. Американский ориентализм сосредоточился, главным образом, на арабах и евреях Ближнего Востока. В то время как еврейское население поначалу фигурировало в роли жертв, а после 1967 г. стало играть роль победителя, то арабское население так и осталось на позициях «беспомощных, нерешительных и слабых» [Little, 2008, p. 32]. В то же время на европейский ориентализм второй половины XX в. сильно повлияла политическая ситуация, связанная с Югославией времен И.Б. Тито, которая в рамках медийного и политического дискурсов мыслилась, как страна, находящаяся «посередине», ее не включали в ориентальный дискурс [Zimmermann, 2016, p. 271].

Немаловажной частью ориентального дискурса следует назвать ориентализм, развившийся в немецком интеллектуальном пространстве [Asboth, 2023, S. 13; Marchand, 2001]. Его характерная особенность – противопоставление Востока с его «аутентичностью» и «мя-

тежным духом» буржуазному западному миру. Таким образом, пристальное изучение восточного культурного пространства, ассоциировавшегося с миром, описанным в Библии, привело, во-первых, к лучшему изучению восточного пространства по сравнению с западно-христианским, во-вторых, к критике проблем западнохристианского мира с точки зрения политической и этической публицистики [Asboth, 2023, S. 13].

В связи с тем, что ориентализм по меньшей мере с XIX в. условно является важной составляющей европейского (и трансатлантического) медийного и политического дискурса, необходимо определить, образуют ли «Восток» и ориентализированные Балканы гомогенный образ в западном культурном пространстве или их восприятие будет отличаться. Со времен выхода в свет «Ориентализма» Э. Саида воображаемое цивилизационное превосходство остается центральной проблемой ориентального дискурса, которая усложняется тем, что угол ее рассмотрения может сильно меняться в зависимости от того, к какой стране принадлежит сам исследователь [ibid, S. 13]. Здесь нам стоит остановиться на ключевом аспекте работы Э. Саида, который был подвергнут критике другими учеными: Э. Саид писал о взаимодействии Востока и Запада как о фиксированной структуре, единственным назначением которой было утверждение доминирования Запада над Востоком. Никакие гибкие процессы, взаимодействия не принимались во внимание [Schmidinger]. Кроме того, из виду упускался феномен, который условно можно назвать «феномен столкновений», подразумевающий постоянные встречи и взаимодействия с автохтонным восточным населением и вплетением полученного опыта в структуру образа Востока и Балкан [Goldsworthy, 2003]. Стоит отметить, что *феномен столкновений* – это не только то, что касается опыта путешественников, это также перманентные институциональные связи, предполагающие, что разные социальные группы получают похожий культурный опыт и коммуницируют в социальном пространстве. Здесь важно то, что *феномен столкновений* несет в себе не только посредническую, но и функцию отбора информации, заключающуюся в том, чтобы транслировать в общественный дискурс информацию определенного вида. *Феномен столкновений*, благодаря полученному первичному опыту, создает представления о чужом, с которым можно вступить в контакт. Если мы будем рассматривать про-

странство как теоретическую модель, в рамках которой происходят различного вида коммуникации, передача информации и построение различных стереотипических образов (помимо общественных стереотипов сюда же относятся законотворчество и процесс признания в научном сообществе), то обнаружим, что *феномен столкновений* здесь выполняет роль своеобразного поставщика культурного опыта и нарративов, которые впоследствии формируют дискурсы вокруг образа Востока в общем и Балкан в частности.

Еще одной неотъемлемой чертой *феномена столкновений* является так называемая переводческая функция – чтобы быть услышанными на Западе голоса с «европейского Востока» должны быть понятными и переводимыми [Wolff, 2014]. В результате «столкновений» опыт и нарративы «переносятся» из «родных» локаций в другие пространства и наоборот. Если говорить об эпохе империализма, то органичной частью «столкновений» были взаимодействия местных элит и имперских представительных органов. В сложных взаимоотношениях Запада и Востока, помимо политического, также необходимо рассматривать военный и экономический аспекты, так как вовлеченность «столкновений» в деятельность различных институтов, а следовательно, в формируемые ими экономико-политические воззрения, также является предметом анализа – это положение вещей влияет на развитие нарративов и их бытование в общественном пространстве.

В процессе формирования образов «Востока» и «европейского Востока» одну из первостепенных ролей играет исторический нарратив [Kulczycki, 2020], применяемый как самими условными представителями (европейского) Востока, так и по отношению к ним. Мы сознательно не называем это историей данной местности или государства (например, Сербии), потому что речь идет не об истории в ее научном понимании, а о том, *как* рассказывается история: какие исторические события и факты включаются в этот нарратив, *какое значение* им придается, а какие события, напротив, исключаются из исторического нарратива как не стоящие серьезного внимания; каким образом проводится граница между «своим» и «чужим». При этом стоит отметить, что исторический нарратив чаще всего не представляет собой единого монолита, скорее – это множественность различных «историй», в основе которых лежат представления и стереотипы о «своих» и «чужих». Исторический нарратив, который позиционируется

как часть коллективной памяти, может действовать как нечто мобилизирующее и легитимизирующее, поскольку таким образом создаются реальность и социальные ориентиры. В структуре взаимодействия Европы и «Востока Европы» (Балкан) необходимо реконструировать действенность исторических нарративов в области их воздействия на оформление общественного дискурса.

Воображаемое разделение Европейского континента на «Запад» и «Восток» происходило медленно и постепенно. Нарратив о «продвинутом» Западе и «отстающем» Востоке в реальности является продуктом относительно недавнего прошлого. Проблема заключается в том, что «ключевые» исторические события, послужившие разрыву «Запада» с «Востоком», обнаруживаются и художественно акцентируются всегда *post factum*. Далее рассмотрим исторический нарратив, разработанный А. Тойнби, который мы с определенной долей условности назовем «классическим».

Согласно «классическому» историческому нарративу, разделение Римской империи на Западную и Восточную (395 г. н.э.) – это отправной пункт, запустивший череду событий, обусловивших грядущее отделение Востока от Запада. Вторым поворотным пунктом обычно считается Великая схизма 1054 г.н.э., разделившая христианство на католическое и православное [Тойнби, 2008, с. 49]. Событием, разорвавшим последнюю связь между западно-католическим и восточно-православным мирами, стало падение Константинополя в 1453 г. [Тойнби, 2011, с. 163] Данный нарратив выглядит логичным и целостным, способным объяснить все события, включая исторические перипетии XX в. Однако, если мы сравним «классический» нарратив с нарративами, принятыми в отдельных государствах, причисляемых к «европейскому Востоку», то обнаружим несколько несоответствий. Для примера возьмем сербский исторический нарратив, где в качестве поворотного пункта фигурирует битва на Косовом поле (1389). Вокруг данного исторического факта сформирован целый мифотворческий комплекс. Для наглядности обозначим две ключевые интерпретации события. Первая имеет сакральную символику – сербский князь Лазарь Хребелянович, командовавший войсками, сознательно пожертвовал собой, отказавшись от земной империи в пользу Царства Небесного. Таким образом, через поступок лидера сербский народ обретал христианско-мученическую природу, а само место сражения преобра-

жалось в нечто сакральное. Вторая нарративная интерпретация активно разрабатывалась сербской элитой в XIX в. и постулировала, что Сербия, даже потерпев поражение от османских войск, осталась местом на Балканах, сохранившим западнохристианскую культуру, а следовательно, Сербия – часть европейского мира, в свое время насильно отделенная от него. Метафора «семьи европейских народов», с которой Сербию разлучили в результате османского завоевания и оставили в стороне от «прогрессивных» завоеваний Просвещения и Нового времени, – распространена в сербском историческом нарративе [Asboth, 2023, S. 27–28].

Таким образом, хронология «классического» нарратива, называющая финальной вехой 1453 г., расходится, по крайней мере, с сербским нарративом, где дата разделения – это 1389 г., не связанная непосредственно с падением Константинополя. Кроме того, если «классический» нарратив предполагает постепенное формирование двух миров, хотя и имеющих общий корень, но различных по своей сущности, то сербский нарратив, напротив, предполагает органическую связь с Европой, разделение с которой произошло насильственным путем.

Формирование дихотомии «цивилизованный Запад» – «отстающий Восток» в западноевропейском дискурсе находится в тесной связи с военными и экономическими амбициями западноевропейских стран по отношению к землям, находящимся на тот момент под турецким господством. «Европейская Турция» и «европейский Восток» – это западноевропейские наименования, которые, с одной стороны, демонстрировали политическую принадлежность этих регионов, а с другой – символически отделяли их от Османской империи [Asboth, 2023, S. 30]. В этом контексте предполагалось, что нахождение их в османских границах – явление временное, так как они «природно-исторически» относятся к Европе. Что касается непосредственно Османской империи (фигурировавшей в европейском дискурсе почти как полный синоним Турции), она олицетворяла образ противника, который не только представлял угрозу, но и «давал стимул» к дальнейшему развитию и прогрессу [ibid., S. 30]. При этом сам «противник» выступал как нечто неподвижное, представляющее стабильную угрозу, однако не ориентированный, в отличие от Европы, на изменения.

Представления об европейском прогрессе и наращивании инновационного капитала также усиливали ментальную границу между Западом и Востоком. Нарратив прогресса в таких областях как экономика, техника, государственное устройство, наука и предпринимательство основывался и развивался на противопоставлении Запада неподвижному Востоку. Представления о неудаче в области преобразований и модернизации, которые в XVIII–XIX вв. относились к Востоку, впоследствии были перенесены на «европейский Восток».

Таким образом, корни исторического нарратива, обусловившего появление понятия «европейский Восток», лежат в XVIII–XIX вв. и непосредственно связаны с политико-экономическими интересами европейских держав. Впоследствии сконструированный образ был легитимирован культурной необходимостью обозначить собственную «европейскую» идентичность в противоположность «не-европейской». Это не всегда был нарратив «превосходства» («цивилизованный» Запад и «отсталый» Восток), но также и нарратив утраты «Западом» какого-либо культурного элемента, например библейского христианства (немецкий ориентализм). «Европейский Восток» выполнял и выполняет функцию периферии – связующего звена «Запада» с «Востоком». Исторический нарратив, употребляемый в Сербии, значительно отличается от «классического» нарратива, провозглашающего сущностное отличие «Востока» от «Запада», но при этом воспринимает нарративный аспект, признающий Балканский регион «связующим звеном» между западным и восточным регионами. Но если в «классическом» нарративе «европейский Восток» является отдельным образованием на воображаемой ментальной карте (оно отделено от Запада), то для «балканского» нарратива (по меньшей мере для его сербской версии), напротив, важно подчеркнуть свою принадлежность к Европе, отделение от которой воспринимается как насилие со стороны ассоциирующихся с «Востоком» сил.

Список литературы

Исследования

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – Санкт-Петербург : Русский Миръ, 2006. – 637 с.

Asboth T.E. Der “europäische Orient”: Transnationale und transatlantische Bilder vom “Balkan“, 1850–1918. – Bielefeld : Transcript Verlag, 2023. – 287 S.

Bakić-Hayden M. Nesting Orientalism. The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*. – 1995. – Vol. 54, Issue 4. – P. 917–931.

Goldsworthy V. Der Imperialismus der Imagination. Konstruktionen Europas und des Balkans // Karl Kaser, Dagmar Gramshammer-Hohl & Robert Pichler (Hg.). Europa und die Grenzen im Kopf, Klagenfurt. – 2003. – S. 253–274.

Henrikson Alan K. The Geographical “Mental Maps” of American Foreign Policy Makers // *International Political Science Review*. – 1980. – Vol. 1, Issue 4. – P. 495–530.

Kulczycki E. Writing a History of Communication Models. Modes of Historical Narrative // Mats Bergman, Kostas Kirtiklis & Johan Siebers (Hg.). Models of Communication. Theoretical and Philosophical Approaches. – New York ; London, 2020. – P. 97–112.

Little D. American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945. – North Carolina : The University of North Carolina Press, 2008. – 393 p.

Marchand S. German Orientalism and the Decline of the West // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 2001. – Vol. 145, Issue 4. – P. 465–473.

Pejić R., Vivian H. A British Traveller in Late Nineteenth-Century Serbia // *Balkanica*. – 2013. – Vol. 44. – P. 255–283.

Schmidinger T. Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte. – URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (abgerufen am 22.01.2024).

Todorova M.V. Imagining the Balkans. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 267 p.

Wolff L. The Western Representation of Eastern Europe on the Eve of World War I. Mediated Encounters and Intellectual Expertise in Dalmatia, Albania, and Macedonia // *The Journal of Modern History*. – 2014. – Vol. 86, Issue 2. – P. 381–407.

Zimmermann T. Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen. – Köln, 2016. – 504 p.

Источники

Тойнби А. Дж. Постигжение истории. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 640 с.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 318 с.

References

Wolff, L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow, NLO Publ., 2003. 560 p. (In Russ.)

Said, E. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western conceptions of the Orient]. Saint Petersburg, «Russkij Mir» Publ., 2006. 637 p. (In Russ.)

Asboth, T.E. *Der “europäische Orient”: Transnationale und transatlantische Bilder vom “Balkan“, 1850–1918*. Bielefeld, Transcript Verlag Publ., 2023. 287 S.

Bakić-Hayden, M. Nesting Orientalismus. The Case of Former Yugoslavia. In *Slavic Review* Vol. 54, issue 4, 1995, pp/ 917–931.

Goldsworthy, V. Der Imperialismus der Imagination. Konstruktionen Europas und des Balkans. In *Karl Kaser, Dagmar Gramshammer-Hohl & Robert Pichler (Hg.), Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt, 2003, SS. 253–274.

Henrikson, Alan K. The Geographical “Mental Maps” of American Foreign Policy Makers. In *International Political Science Review*, Vol. 1, issue 4, 1980, pp. 495–530.

Kulczycki, E. Writing a History of Communication Models. Modes of Historical Narrative. In *Mats Bergman, Kęstas Kirtiklis & Johan Siebers (Hg.), Models of Communication. Theoretical and Philosophical Approaches*. New York ; London, 2020, pp. 97–112.

Little, D. *American Orientalism. The United States and the Middle East since 1945*. North Carolina, The University of North Carolina Press Publ. 2008. 393 p.

Marchand, S. German Orientalism and the Decline of the West. In *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 145, issue 4, 2001, pp/ 465–473.

Pejić, R., Vivian, H. A British Traveller in Late Nineteenth-Century Serbia. In *Balkanica*, Vol. 44, 2013, pp. 255–283.

Schmidinger, T. *Orientalismus und Okzidentalismus. Zur Einführung in die Begrifflichkeiten und die Debatte*, URL: https://homepage.univie.ac.at/thomas.schmidinger/php/lehre/orientalismus_okzidentalismus.pdf (abgerufen am 22.01.2024).

Todorova, M.V. *Imagining the Balkans*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 267 p.

Wolff, L. The Western Representation of Eastern Europe on the Eve of World War I. Mediated Encounters and Intellectual Expertise in Dalmatia, Albania, and Macedonia. In *The Journal of Modern History*, Vol. 86, issue 2, 2014, pp. 381–407.

Zimmermann, T. *Der Balkan zwischen Ost und West. Mediale Bilder und kulturpolitische Prägungen*. Köln, 2016. 504 p.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:008

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.07

Логинова М.В.*

ЗВУКОВАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ©

Аннотация. В статье на основе онтологического подхода и феноменологии определяются основные концепты, формирующие звуковую концептосферу как ценностно-смысловое, информационно-символическое соотношение человека и бытия; анализируются концепты, которые относятся к *выражению бытия* (тишина, безмолвие) и *выражению человека* (молчание, крик).

Ключевые слова: звук, концептосфера, концепт, онтологический подход, молчание, крик.

Поступила: 16.02.2024

Принята к печати: 22.03.2024

---

* *Логинова Марина Васильевна* – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия; marina919@mail.ru

Loginova Marina Vasilievna – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources at the Mordovian State University, Saransk, Russia; marina919@mail.ru

© Логинова М.В., 2024

Для цитирования: Логинова М.В. Звуковая концептосфера: культурфилософский аспект // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 140–150. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.07

Loginova M.V.

Sound conceptosphere: cultural and philosophical aspect

Abstract. In the article on the basis of an ontological approach and phenomenology the main concepts forming the sound conceptosphere as a value-sense, information-symbolic correlation of man and being are defined; the concepts which refer to the expression of being (silence, silence) and expression of man (silence, shouting) are analyzed.

Keywords: sound, conceptosphere, concept, ontological approach, silence, shout.

Received: 16.02.2024

Accepted: 22.03.2024

For quoting: Loginova M.V. Sound conceptosphere: cultural and philosophical aspect // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 140–150. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.07

Введение

«Мир звучит. Он – космос духовно воздействующей сущности» [Кандинский, 2001, с. 225]. Это метафорическое суждение В.В. Кандинского имеет философский смысл, т.к. звук является специфическим языком культуры, маркирует и определяет ее. Использование различных (естественно-научных и гуманитарных) методов при анализе звука позволяет Н.С. Трубецкому выделить две самостоятельные науки, «одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая – на язык» [Трубецкой, 2000, с. 11]. Язык звука не только включен в определенную культуру, но имеет различное значение в зависимости от ее контекста, наполняется знаково-символическим значением.

В данной статье речь пойдет о звуковых феноменах, формирующих особую концептосферу мира, о которой говорит В.В. Биbihин: «Мир приходит неслышно; чтобы расслышать его, надо услышать тишину» [Бибихин, 1995, с. 58]. Актуальность изучения звуков в кон-

тексте концептосферы определяется созданием культурфилософской модели, позволяющей понять и объяснить звуковые концепты как отражение / репрезентацию культуры. Сам термин «концептосфера» (Д.С. Лихачев) направлен на объединение языка и культуры, а в данной статье обозначает триединство языка, культуры и звука.

Целью данной статьи является анализ основных концептов, отражающих понимание звука в определенном культурном контексте и формирующих звуковую концептосферу как систему «сцепления» концептов (Ю.С. Степанов), выражающих *как само бытие (тишина, безмолвие), так и человека в нем (крик, молчание)*.

Актуальность определения культурфилософского аспекта звуковой концептосферы заключается в определении новых теоретико-методологических подходов к ее изучению (т.к. существующие подходы в значительной степени ориентированы на некоторую статичность, неподвижность уже сформулированных понятий, определяющих звуковую картину мира).

Онтологический подход является основным для нашего исследования и позволяет рассматривать звук, во-первых, как выражение присутствия человека в мире, и, во-вторых, как артикуляцию бытия в не-расторжимом единстве смысла и языка. В контексте бытийно-исторического подхода М. Хайдеггера именно язык предстает данностью присутствия человека в открытом «вот-бытии», «внутри которого человеческое существо вообще впервые только и оказывается в состоянии отозваться на бытие и его зов и через эту отзывчивость принадлежать бытию» [Хайдеггер, 2013, с. 267]. В известном докладе «Поворот» 1949 г., посвященном анализу «прозрения существа техники», «бес-призорности вещи», Хайдеггер отмечает, что кричащая информационная ситуация современности должна научиться вслушиваться в бытие, «приближая истину к человеческому существу» [там же, с. 274]. Таким образом, звуковая концептосфера может быть понята как некая идеальная модель, не только объясняющая бытие, но и формирующая его как «сгусток смысла».

Для определения культурфилософского аспекта звуковой концептосферы мы обращаемся не только к онтологическому подходу (В.В. Библихин, М. Хайдеггер и др.), но и к феноменологии (М. Бланшо, М. Мерло-Понти, М.К. Мамардашвили и др.), которая позволяет исследовать ее интенциональный и смыслообразующий характер.

Итак, векторами, определяющими логику нашего исследования, являются: понимание звука как выражение языка культуры (в самом широком смысле слова); звук – «особое царство бытия» (Н.О. Лосский) составляет особую звуковую концептосферу; значение онтологического подхода для данной проблематики состоит в определении бытия как иерархии смыслов, двойственный характер которых «снимается» феноменологической редукцией (шум – тишина, крик – молчание, говорение (болтливость) – безмолвие и др.) [Логинова, 2018; Логинова, 2023; Логинова, Прокаева, 2023].

Основные результаты

Прежде чем приступить к анализу звуковых концептов, акцентируем идею Ж. Делёза, что «образ звуковой, музыкальный сменяет визуальный» [цит. по: Токарев, 2002, с. 190]. Отличие между звуком и изображением («звуком и светом», «чувством и смыслом») отмечает Ж. Деррида, проводя сопоставление эстетики Гегеля (идеальная природа слуха как «внутреннее дрожание тела») и концепции Левинаса о «трансцендировании зрения слухом», определяющего, что «мысль – это язык, мыслимый в стихии, аналогичной звуку» [Деррида, 2000, с. 153]. С точки зрения Деррида, «только живое слово... может поддерживать само себя. Только оно одно является выражением, а не служебным знаком» [там же, с. 156]. Делёз фиксирует смену картины мира (от визуальной к звуковой), которая характерна для современного искусства как отказ от классического мимезиса. В примечаниях к статье «Сила и значение» Деррида цитирует Ж. Пикона: «Вся история современной поэзии – это история смены языка выражения языком творения... Язык теперь должен произвести мир, который он уже не может выразить» [там же, с. 48]. Отказ от мимезиса в современном искусстве (поэзия, живопись, музыка и др.) означает поиск «чистых форм», освобожденных от связи с предметностью и стремящихся к абсолютной тишине умозрительных и интеллектуальных предметов и явлений.

Отметим, что интерес исследователей к проблеме звучания в мире / звучащего мира – это своеобразный экзистенциальный ответ на бытие человека в современном мире информационного шума. В качестве рабочего определения предлагаем понимать звуковую концептосферу

как ценностно-смысловое, информационно-символическое соотношение концептов, в которых выражается взаимодействие человека и бытия (через звук, голос, шум или их противоположности). Выражение человека посредством звука / его отсутствия имеет смысловую и символическую нагрузку, зависимую от контекста.

Для определения составляющих звуковой концептосферы обратимся к часто цитируемой мысли М.М. Бахтина, конспективно выраженной им в рукописях 1970–1971 гг.: «Нарушение тишины звуком механистично и физиологично (как условие восприятия); нарушение же молчания словом персоналистично и осмысленно: это совсем другой мир... Конечно, и тишина и молчание всегда относительны» [Бахтин, 1986, с. 357]. Звуковая концептосфера, таким образом, содержит концепты, во-первых, относящиеся к *выражению бытия* (тишина, безмолвие); во-вторых, *выражения человека в мире* (молчание, крик). Конечно, это противопоставление объективного / субъективного имеет относительный характер с точки зрения его «снятия» феноменологической редукцией.

Рассмотрим составляющие звуковой концептосферы более подробно.

В качестве основной оппозиции «мирозвука (мирозвучания = мироздания)» С.Ю. Румянцев выделяет шум (разлад, дисгармония, хаос) и тишину (гармония, покой, лад) [Румянцев, 2003, с. 63]. Тишина – это не только отсутствие звука (П. Пави), но и способность к метафизическому звучанию (Н.О. Лосский), необходимое условие для восприятия звука.

Концепт «тишина» обозначает состояние бытия, при котором отсутствуют звуки (природы или человека), и обладает топологическими смысловыми характеристиками («места» тишины – библиотека, дом, храм, тюрьма), связывая внутреннее и внешнее пространство в качестве смысловой точки сопричастности индивидуального (человека) и общего (мира).

А. Корбен анализирует феномен тишины через соотнесенность с понятием «уединенность» в творчестве П. Валери, Ж. Верна, В. Гюго, М. Пруста, Р.М. Рильке и др., выделяет цветовые оттенки (серый, белый, черный) внутреннего пространства тишины (вязкое, зудящее, вкусное, степенное, сочное и др.), делает вывод о «вневременном характере тишины» [Корбен, 2020, с. 79], экзистенциализм «говорящей

тишины» [там же, с. 83]. Таким образом, с точки зрения онтологического подхода концепт тишины позволяет бытию открыться для человека не только через вслушивание, но и «говорение» бытия как такового.

К звуковым концептам, выражающим бытие, относится безмолвие, специфика которого заключается в метафизическом характере, отличающем его от молчания.

Анализ проблемы безмолвия позволяет выделить следующие подходы к ее изучению: религиозно-философский (исихазм, русская религиозная философия); искусствоведческий (тема / мотив безмолвия, проблема сакрального в искусстве); лингвокогнитивный подход (смысл концепта «безмолвие») [Гатаулина, 2022; Патеева, 2021; Рожковский, 2009]. Подчеркнем значение онтологического подхода к изучению концепта безмолвия в поиске глубинных оснований существования человека и мира, «предельных» ответов на метафизические вопросы как «пауза», «сверхчувственный интервал», «зазор», «срединная точка» (М.К. Мамардашвили, М. Хайдеггер, М. Бланшо).

Пауза, рождаемая безмолвием, – не просто отсутствие речи или выражения, она – необходимое условие для открытия бытия для человека во всей полноте. «Сверхчувственный интервал» концепта безмолвия находится внутри бинарных оппозиций, составляющих его сущность (покой / изменение, бытие / событие, время / безвремяе и др.) и способствует обретению человеком своей сущности посредством ухода, замолкания, покоя. Паузы безмолвия определенным образом ритмизируют бытие. Так, Ж. Женетт обнаруживает принцип кинематографичности в построении романов Флобера. Безмолвие вещей, действующих лиц настолько «вклинивается» в роман, что нарушает хронологию повествования, «выворачивает дискурс наизнанку» и «возвращает к его безмолвной стороне» [Женетт, 1998, с. 233]. Концепт безмолвия существует на разных уровнях (вещи, природы, искусства, общества), определяя становление смысла, формируемого «сверхчувственным интервалом» как началом диалога человека и бытия.

Изучению феномена крика как экспрессивного выражения человека посвящены исследования Ж. Деррида [Деррида, 1999; Деррида, 2000], В.А. Подороги [Подорога, 1995], Э.А. Радаевой [Радаева, 2022] и др. Мы предлагаем рассматривать данный концепт в единстве составляющих: во-первых, ценностно-смысловое и коммуникативное

значение крика; во-вторых, экспрессия крика как напряженность, деформация, «остранение» выражающего человеком смысла; в-третьих, нарративность выразительного смысла крика, приводящего к афоничности звука («кричащее молчание» современного искусства), что методологически соответствует трем направлениям в исследовании: предметная (выражение крика в культуре и искусстве); функциональная (изменение смысла); историческая (зависимость от культурного контекста). Особо отметим нарративность концепта «крик», которая заключается в процессе становления «обнаженного» смысла (Ж. Делёз, В.А. Подорога) и является «не средством для выражения аффекта, а самим аффектом» [Делёз, 2011, с. 90]. Таким образом, нарративность проявляется как в форме внешнего интенсивного выражения, так и внутренней интенциональной направленности на то, чтобы быть услышанным. Проблема крика, кричащего сознания как «символическое выражение неприятия / отторжения действительности и одновременно свободы непостижимого творчества» [Логинова, 2023, с. 89] стала ответом на противоречивый характер современной культуры.

Значимая составляющая звуковой концептосферы – молчание – имеет, пожалуй, наибольшую разработанность в гуманитаристике. Среди подходов к изучению молчания можно выделить лингвистический (молчание как коммуникативная стратегия); психологический (особенности внеречевого общения); историко-этнографический (функции молчания в традиционных культурах) и др. Мы подчеркиваем философско-культурологический аспект, раскрывающий содержание и смысл духовного потенциала молчания. Среди концептов именно молчание определяет переход от наглядности к «вслушиванию» (М. Хайдеггер), т.к. молчать, не говорить – не означает не выражать себя. Молчание может быть понято как стремление «выразить невыразимое», т.е. при невозможности словесного выражения сущности молчание способно нести его энергию.

В философии и искусстве XX в. молчание несет функциональную нагрузку, приближаясь к невыразимому и непроговариваемому. Главным в философской апофатике (Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль, Ж. Деррида, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, В.В. Биbihин, С.Л. Франк и др.) является интонация, которая посредством чередования речи и молчания акцентирует «непостижимые» (С.Л. Франк) для человеческого

сознания основания бытия. Диалогический характер концепта молчания заключается в направленности на Другого (человек, Бог, точка зрения, взгляд, поступок). Следует выделить основные уровни данного концепта: во-первых, молчание выступает как точка (предел) высказывания, с которого начинается новый этап выражения; во-вторых, граница (внутреннее и внешнее, форма и содержание) становления смысла; в-третьих, «ответность» (М.М. Бахтин) перед Другим, преодоление себя через молчание. Формами молчания в культуре являются паузы, структурирующие и формирующие выражение, умолкание как сокрытие смысла от Другого, и, наконец, безмолвие. Таким образом, звуковая концептосфера замыкается в смысловое единство, центральным ядром которой является событийность и диалогичность молчания.

Заключение

Звуковая концептосфера как ценностно-смысловое соотношение бытия и человека зависит от историко-культурного контекста и приближает исследователя к пониманию сложного процесса их взаимосвязи (посредством звука / его отсутствия). Подчеркнем, что именно приближает, но не раскрывает до конца, т.к. феномены тишины и безмолвия, молчания и крика, входящие в состав звуковой концептосферы, соответствуют актуальной культуре как становящейся, не имеющей конечной точки развития.

Значение культурфилософского аспекта исследования звуковой концептосферы состоит: во-первых, в определении связи между звуковыми концептами и проблемы языка (как множественности «онтологий языков культуры»); во-вторых, обосновании полифункционального характера концептов как единства смыслов и звуков в системе определенной культуры; в-третьих, выделении звуковых концептов, выражающих само бытие (тишина, безмолвие) и человека в нем (молчание, крик), которые ритмизируют бытие (пауза, граница); в-четвертых, понимании звуковой концептосферы как места встречи бытия и человека.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – 445 с.
- Бибихин В.В.* Мир. – Томск : Водолей, 1995. – 144 с.
- Гатауллина Д.Н.* Невыразимое, непостижимое и непередаваемое в словах: парадокс существования поэтической речи // Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 70–77.
- Делёз Ж.* Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения / пер. с франц. А.В. Шестакова. – Санкт-Петербург : Machina, 2011. – 176 с.
- Деррида Ж.* Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с франц. С.Г. Кашина, Н.В. Суслов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 208 с.
- Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. – Москва : Академический проект, 2000. – 495 с.
- Женетт Ж.* Моменты безмолвия у Флобера : пер. с франц. // *Женетт Ж.* Фигуры : в 2 т. – Москва : Изд-во Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – С. 217–234.
- Кандинский В.В.* Избранные труды по теории искусства : в 2 т. – Москва : Гилея, 2001. – Т. 1. – 391 с.
- Корбен А.* История тишины: от эпохи Возрождения до наших дней / пер. с франц. О. Поляк. – Москва : Текст, 2020. – 141 с.
- Логинова М.В.* Метафизика крика в звуковой картине мира XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25, № 90. – С. 88–94.
- Логинова М.В.* Метафора молчания в современной культуре: теоретический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 4. – С. 111–117.
- Логинова М.В., Прокаева О.Н.* Звуковой код культуры: феномен тишины // Сфера культуры. – 2023. – № 2(12). – С. 13–19.
- Патеева Е.В.* Редукция у Ингмара Бергмана: трансцендентное как общий референт категорий молчание и безмолвие // Телекинет. – 2021. – № 3(16). – С. 22–28.
- Подорога В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. – Москва : Ad Marginem, 1995. – 341 с.
- Радаева Э.А.* Традиции экспрессионизма в современном мировом изобразительном искусстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 14, вып. 7. – С. 2044–2049.
- Рожковский В.Б.* Безмолвие русской религиозной философии: онтологический и культурный горизонты восточно-христианского опыта // Философия права. – 2009. – № 1(32). – С. 9–13.
- Румянцев С.Ю.* Книга тишины. Звуковой образ города. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – 247 с.
- Токарев Д.В.* Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.
- Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Библихина. – Москва : Академический Проект, 2013. – 277 с.

References

- Bahtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.).
- Bibihin, V.V. *Mir*. [World]. Tomsk, Vodolej Publ., 1995. 144 p. (In Russ.).
- Gataullina, D.N. Nevyrachimoe, nepostizhimoe i neperedavaemoe v slovah: paradoks suschestvovaniya poeticheskoy rechi [Inexpressible, incomprehensible and inexpressible in words: the paradox of the existence of poetic speech]. In *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. vol. 28, no 1, 2022, pp. 70–77. (In Russ.).
- Delez, Zh. *Frensis Bekon: Logika oschuscheniya* [Francis Bacon: The Logic of Sensation]. Shestakova A.V. (translation from French). Saint Petersburg, Machina Publ., 2011 176 p. (In Russ.).
- Derrida, Zh. *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka* Gusserlya [Voice and Phenomenon and other works on Husserl's theory of sign]. S.G. Kashin, N.V. Suslov (translation from French). Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1999. 208 p. (In Russ.).
- Derrida, Zh. *Pis'mo i razlichie* [Letter and Difference] D.Y. Kraletchkina (translation from French). Moscow, Academic project Publ., 2000. 495 p. (In Russ.).
- Zhenett, Zh. *Momenty bezmolviya u Flobera* [Flaubert's moments of silence] (translation from French). In *Figures in 2 vols. vol 1*. Moscow, Sabashnikov Publ., 1998. pp. 217–234. (In Russ.).
- Kandinskij, V.V. *Izbrannye trudy po teorii iskusstva: v 2 t. T.1*. [Selected works on the theory of art]. Moscow, Gileya Publ., 2001. 391 p. (In Russ.).
- Korben, A. *Istoriya tishiny: ot epohi Vozrozhdeniya do nashih dnei* [History of silence: from the Renaissance to the present day]. O. Polyak (translation from French). Moscow, Text Publ., 2020. 141 p. (In Russ.).
- Loginova, M.V. Metafizika kriki v zvukovoj kartine mira XX v. [The metaphysics of screaming in the sound picture of the twentieth century]. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. vol. 25, no 90, 2023, pp. 88–94. (In Russ.).
- Loginova, M.V. Metafora molchaniya v sovremennoj kul'ture: teoreticheskij aspekt [Metaphor of silence in modern culture: theoretical aspect]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. no 4, 2018, pp. 111–117. (In Russ.).
- Loginova, M.V., Prokaeva O.N. Zvukovoj kod kul'tury: fenomen tishiny [The sound code of culture: the phenomenon of silence]. In *Sfera kul'tury*. no 2 (12), 2023, pp. 13–19. (In Russ.).
- Pateeve, E.V. Redukciya u Ingmara Bergmana: transcendentnoe kak obschij referent kategorij molchanie i bezmolvie [Reduction in Ingmar Bergman: the transcendent as a common referent of the categories of silence and stillness]. In *Telekinet*. no 3 (16), 2021, pp. 22–28. (In Russ.).
- Podoroga, V.A. *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Phenomenology of the body. Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 341 p. (In Russ.).
- Radaeva, E.A. Tradicii ekspressionizma v sovremennom mirovom izobrazitel'nom iskusstve [The Traditions of Expressionism in Contemporary Educational Art]. In *Izvestiya*

Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. no 14.(7), 2022, pp. 2044–2049. (In Russ.).

Rozhkovskij, V.B. Bezmolvie russkoj religioznoj filosofii: ontologicheskij i kul'turnyj gorizonty vostochno-hristianskogo opyta [The Silence of Russian Religious Philosophy: Ontological and Cultural Horizons of Eastern Christian Experience. In *Filosofiya prava.* no 1 (32), 2009, pp. 9–13. (In Russ.).

Rumyancev, S.Y. *Kniga tishiny. Zvukovoj obraz goroda* [The Book of Silence. Sound image of the city]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2003. 247 p. (In Russ.).

Tokarev, D.V. *Kurs na hudshee: Absurd kak kategoriya teksta u Daniila Harmsa i Semyuelya Bekketa* [A Course for the Worst: Absurdity as a Text Category in Daniil Kharms and Samuel Beckett]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002. 336 p. (In Russ.).

Trubeckoj, N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Aspect Press Publ., 2000. 352 p. (In Russ.).

Hajdegger, M. *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?]. V.V. Bibikhin (translation from German). Moscow, Academic Project Publ., 2013. 277 p. (In Russ.).

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 78.01

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.08

Петров Г.Г.*

ОРИЕНТАЛИЗМ И «РУССКИЙ СТИЛЬ» В МУЗЫКАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. ОБРАЗ «РУССКОГО» В ОПЕРЕ «СИБИРЬ» УМБЕРТО ДЖОРДАНО®

Аннотация. Восточные и, в частности, русские сюжеты и связанные с ними образы часто оказывались предметом интереса европейского искусства. Далекое и непонятное «восточное» и «русское» осмысливается Европой как иное, загадочное и чужеродное. Репрезентация этого иного и непонятного мира в европейской музыкальной культуре концептуально и методологически строится по определенным правилам. В статье анализируется ориенталистская репрезентация «русского» в музыкальном творчестве западных композиторов.

Ключевые слова: музыка; ориентализм; репрезентация; культурология; образ Другого.

Поступила: 01.02.2024

Принята к печати: 04.03.2024

Для цитирования: Петров Г.Г. Ориентализм и «русский стиль» в музыкальной традиции Западной Европы. Образ «Русского» в опере

---

* *Петров Глеб Геннадьевич* – студент второго курса магистратуры ВШЭ по направлению «Культурные исследования», Москва, Россия, sp02foo@yandex.ru

Petrov Gleb Gennadyevich – Second-Year Student of the HSE University Master's Degree in Cultural Studies. Moscow, Russia, sp02foo@yandex.ru

© Петров Г.Г., 2024

«Сибирь» Умберто Джордано // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 151–167. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.08

Petrov G. G.

**Orientalism and the “Russian style” in the musical tradition
of Western Europe. The image of the “Russian”
in the opera “Siberia” by Umberto Giordano**

Abstract. Oriental and, in particular, Russian subjects and related images have often been the subject of interest in European art. The distant and incomprehensible “Eastern” and “Russian” are interpreted by Europe as something mysterious and alien. The representation of this different and incomprehensible world in European musical culture is conceptually and methodologically based on certain rules. The article analyzes the orientalist representation of the “Russian” in the musical works of Western composers.

Keywords: music; orientalism; representation; cultural studies; the image of the Other.

Received: 01.02.2024

Accepted: 04.03.2024

For quoting: Petrov G. G. Orientalism and the “Russian style” in the musical tradition of Western Europe. The image of the “Russian” in the opera “Siberia” by Umberto Giordano // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 151–167. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.08

Музыкальный ориентализм: подходы к изучению

Существует множество работ по исследованию музыкального ориентализма как в России, так и за рубежом, но большая часть из них сфокусирована скорее на репрезентации ориентальной компоненты в конкретном музыкальном материале. Исследований музыкального ориентализма как целостного явления немного, а историографических работ, посвященных исследованию ориентализма в музыкальной культуре, в академическом поле и того меньше.

Понятие «ориентализм» вошло в академический дискурс с одноименной работой Эдварда Саида, но оно находилось в употреблении и до ее появления. Например, в кратком Оксфордском словаре англий-

ского языка 1933 года издания слово «oriental» определялось как «принадлежащее востоку, восточное»; определение оперировало географическими смыслами и не включало в себя смыслы социокультурные. Новизна исследования Саида состояла в том, что он четко определил, что представляет собой Восток для западного человека, и Восток ли это на самом деле. Основной тезис его работы состоит в том, что западные представления о Востоке – это искусственные конструкции. Ориентализм – это подход, образ мысли западного человека, его представления о *Другом*. Восток для него – неточная, субъективная и далекая от реальности репрезентация со всеми свойственными ей упрощениями и культурной апроприацией. Для начала стоит отметить, что «ориентальная музыка» в западной интерпретации часто не имеет ничего общего с Востоком. Преобладающая точка зрения на ориентализм – это не «восточное», а просто «иное». Создаваемый ориентальный образ опирается на уже существующие традиции изображения Востока, а не на этнокультурные особенности восточного мира.

«Восточных миров» множество, они отличаются друг от друга, хотя способы их изображения в музыкальном творчестве бывают сходные. Композитор, пишущий о Востоке, конструирует своей музыкой отвлеченное квазивосточное пространство, в рамках которого по одним только музыкальным характеристикам образ конкретной культуры определить невозможно. Например, в «Галантной Индии» Рамо условный персидский восток с музыкальной точки зрения мало отличается от столь же условного перуанского востока [Scott, 1998, p. 24].

Джоэп Леерсен в своей статье «Имагология: об использовании этничности для насыщения мира смыслами» определяет представление о «национальном характере» как *этностереотип* [Leerssen, 2016, p. 14]. По своему содержанию этностереотип оппозиционен: он описывает национальный характер через противопоставление. Восток экзотичен, сказочен, страстен и полон эмоций, он противопоставляется строгому рационализму Запада. Примером может служить героиня оперы Дж. Пуччини – чистая и наивная Чио-Чио-Сан, чьи чувства разбиваются о западную расчетливость. Впрочем, если оппозиция сохраняется, то она может быть и перевернутой: Восток нередко изображается чрезвычайно скупым на эмоции. В данном случае уже европеец проявляется как эмоциональный герой, противостоящий «без-

душному» восточному миру. Примером может служить холодная и гордая принцесса Турандот, чье сердце покоряется лишь полному чувств персу Калафу.

Композиторы давно поняли: для изображения Востока музыкальными средствами достаточно показать, что изображаемый материал не такой, как привычный европейский. Для изображения иного мира используются гармонические, инструментовочные и текстурные решения, а для уточнения места действия прибегают скорее к сюжетно-композиционным, а не к музыкальным средствам ввиду сложности включения неевропейской музыки в ткань западного музыкального произведения.

Одним из наиболее известных исследователей ориентализма в музыке является Дерек Скотт. В своей работе «Ориентализм и музыкальный стиль» он показал, что восточная музыка в западной музыкальной традиции не есть средство имитации каких-либо элементов восточной культуры. Музыка не отображает действительность, а лишь создает образ [Scott, 1998, p. 26]. Скотт сближается с Саидом не только в этом, но и в позиции касательно пространственного аспекта ориентализма – Восток выступает не местом, а *топосом*, абстрактным пространством с заданным набором характеристик. Репрезентация «работает», апеллируя к заданному конкретной музыкальной традицией (в его фокусе – европейской) набору маркирующих инаковость приемов.

Скотт приводит весьма обширный список такого рода черт [ibid, p. 20]. Из гармонических средств он выделяет разного рода эксперименты со структурой гаммы, например, использование диатонических натуральных ладов, особенно фригийского, дорийского и лидийского, а также частое использование характерных интервалов: увеличенных секунды и кварты. К аранжировочным средствам изображения Востока Скотт относит активное использование орнаментики, в том числе вокальных мелизмов, хроматически быстро нисходящих и восходящих пассажей, трелей и диссонантных форшлагов, быстрые проходы гамм в несимметричных размерах. Туда же относятся особого рода способы построения мелодии, например, с использованием резкой и внезапной смены длительности нот с длинных на очень короткие, что создает близкое соседство плавного и лирического течения музыкальной ткани с быстрым и энергичным. Характерным может оказаться

повторяющийся ритм как в мелодии, так и в сопровождении, часто этому сопутствуют бас и/или перкуссия оstinатного характера. Характерным может быть и знак *ad libitum*, дающий исполнителю свободу в выборе специфики исполняемого материала, с этим часто сочетается использование триолей и квинтолей. Одним из наиболее ярких средств изображения ориентальности, как считает Скотт, является метод голосоведения (использование параллельного движения квартами, квинтами и октавами, обилие пустых квинт и педальных нот). Наделить музыку восточным колоритом также способны некоторые инструментальные решения, например, использование деревянных духовых, особенно с двойной тростью, особого рода перкуссии – тамбурина, треугольника, цимбал, там-тама и гонга. Крупным исследователем ориентализма в музыке является Ральф Локке. Он главным образом известен по работе «Конструируя ориентальный восток». В ней Локке рассматривает стратегии репрезентации Востока в опере «Самсон и Далила» Камиля Сен-Санса. Исследователь выдвигает тезис о том, что изображения Востока часто ограничиваются использованием экзотических средств репрезентации [Locke, 2007, p. 492]. Проблема заключается в том, что европейский слушатель привык ощущать Восток как инородное, чуждое и далекое явление. Это вынуждает композитора рисовать его такими художественными средствами, которые эту удаленность подчеркивают, в противном же случае Восток просто не будет «распознан» аудиторией как таковой. Из этого следует, что композитор жестко ограничен в средствах выразительности, он не может создавать образ Востока, используя весь спектр красок европейской музыки. Ральф Локке пишет, что по этой причине в академическом поле исследования ориентализма в музыке образовалась лакуна. Исследователи часто не принимают во внимание произведения, рисующие Восток не маркирующими его средствами, к примеру, ряду барочных опер, в которых некоторые библейские и восточные сюжеты никак музыкально не выделяются [ibid, p. 493]. В живописи такого явления не наблюдается: в восточных сценах мысли о Востоке навевают сюжеты и визуальные детали образов. Художники эпохи романтизма прибегали в изображении Востока к обычным художественным приемам, их инструментарий не был экзотичным. В этом плане музыкальное искусство занимает совершенно особое место. В своем исследовании Локке ссылается на Д. Скотта и его парадигму

«экзотического стиля». В то же время Локке предложил новый исследовательский подход, который он назвал «парадигмой полного контекста». Речь идет о возможности исследовать применение неэкзотических средств для изображения ориентального *Другого*. В работе «Расширенный взгляд на музыкальную экзотику» он рассматривает применение этого подхода на примере симфонической поэмы Николая Римского-Корсакова «Шехерезада». Локке пишет, что существенная часть музыкального материала поэмы никак не подчеркивает восточность, и слушатель эту восточность опознает лишь в контексте других частей, которые подчеркивают ее более явно, а также в общей рамке текста программы, написанной самим композитором. Типология Локке делит исследования ориентализма на две большие категории – те, что относятся к парадигме экзотического, и те, что предполагают парадигму контекста. Большинство исследований относится к первому типу.

Интересный взгляд на проблему Востока и Запада в музыке представлен в работе Игоря Вишневецкого «Евразийское уклонение в музыке 1920–1930 гг.». Книга посвящена не музыкальному ориентализму как таковому, но теме отчасти сходной – проблеме евразийства в русской музыке. Одним из ключевых для Вишневецкого деятелей русского евразийства является Артур Лурье, в теоретических работах которого явно прослеживается идея о том, что в начале XX в. русская музыка претерпела существенное качественное изменение: начался отход от характерного для композиторов, входящих в объединение Могучая кучка, тяготения к фольклору. Русская музыка окончательно обрела музыкальную самостоятельность [Вишневецкий, 2005, с. 29]. Самостоятельность эта виделась Лурье в соединении западных и восточных музыкальных идей в сочетании с отходом от европейской музыкальной традиции немецкого образца.

Лурье был весьма ярким антигерманистом во всем, что касалось музыки. Он писал, что «в поздних гармониях Скрябина восточный лад отсвечивает уже чистый, без специфической примеси фольклора и этнографической экзотики. Поиски нового звукового лада смогут привести в будущем к созданию новой звуковой субстанции, уже чистой в порядке музыкально созерцательном, а не чувственно-эмоциональном». Скрябин, по его мнению, совершил гармоническую часть «евразийской революции», а Стравинский – ритмическую [там же, с. 30]. «В творче-

стве Стравинского “Весна” всегда была моментом наивысшего становления и одновременно моментом разрыва. Становлением было утверждение азийного духа России, и оно же было разрывом со всем, что этому духу было враждебным не только на Западе, но и в России» [Вишневецкий, 2005, с. 31], – писал композитор. Мелодическую же революцию еще только предстояло совершить, и ее предтечей Лурье считал Прокофьева. Три перечисленных выше элемента: мелодия, ритм и гармония, – должны были соединиться в форме, влияющей на внемузыкальный порядок.

Можно заметить, что музыка русская у Лурье противопоставляется не только западной, но и восточной традиции. Русское в его понимании конструируется как раз на стыке двух противостоящих друг другу музыкальных миров. Вишневецкий вписывает музыкальное евразийство в политический контекст. Его работа посвящена, по большей части, политике, а не музыке. Трансформация русской музыки вела к появлению альтернативы как культурной модернизации западного образца, так и модернизации коммунистической, которую евразийцы мыслили «провинциальным вариантом модернизации буржуазного типа».

Русский ориентализм в научном плане широко исследован. Внимания заслуживает работа Людмилы Рапацкой «Культурно-типологический подход к анализу ориентализма в курсе “История русской музыки”». В ней она предлагает цивилизационный подход к анализу, утверждая, что о русской музыке невозможно говорить вне контекстов и системы значений православной цивилизации, что было невозможно в советский период [Рапацкая, 2018, с. 76]. Рапацкая в своих выводах во многом близка идеям русского евразийства, по ее мнению, одна из основ русской музыки есть «открытость и диалогичность» – она заимствует черты и западной, и восточной музыкальных традиций, синтезируя из них нечто новое. Русская музыка существует в двух ипостасях: «русская европейскость» и ориентализм. В работе прослеживается исторический процесс смешения этих понятий [там же, с. 78]. Рапацкая пишет, что «два лица» русской музыки сформировались примерно в одно время – в музыке екатерининской эпохи, когда активно шло заимствование европейских жанров, в том числе комической оперы. Вместе с тем ориентализм при Екатерине служил способом воплощения нехристианских народов, и акцент, в первую

очередь, делался не на культурной специфике изображаемых «нехристей», а на ритмико-мелодических способах изобразить их инаковость. Одной из первых опер такого типа Рапацкая считает «Февею» В.А. Пашкевича [Рапацкая, 2018, с. 80]. В ней Русь противопоставляется собирательному образу Востока – Калмыкии. Уже в «Февее» были заложены многие экзотические средства выразительности, которые были позже развиты М.И. Глинкой и Н.И. Римским-Корсаковым.

В своей работе «Венгерский стиль в музыке западной Европы» Джонатан Беллман предлагает концепцию «стилей» ориенталистской музыки [Bellman, 1993, p. 42], культурно-географически ранжируя характерные приемы изображения иного мира. Например, одним из первых музыкально распознаваемых ориенталистских стилей стал «турецкий», имитирующий звучание турецкого военного оркестра, мехтера. Беллман пишет также о «венгерском» стиле, который характеризуется, например, применением цыганской гемольной гаммы. Оба этих стиля обладают четким набором характеристик, их применение рисует узнаваемый для европейского слушателя характер звучания. Автор статьи считает логичным предположение о существовании всех необходимых черт для концептуального формирования «русского» ориентального стиля.

Конструирование «русского» в музыке

Необходимо очертить концептуальные границы термина «русское». Под ним в данном случае понимается сконструированный набор характеристик, присущий репрезентации русской культуры, имеющий или не имеющий под собой какие-либо реальные исторические основания. «Русское» в контексте музыкального произведения низводится до того, что под таковым узнается. Возможность акта распознавания в данном случае является основополагающим при любых попытках очертить этот образ. Ориентализм конструирует инаковость, часто не заботясь о точности изображения и характере этой инаковости, она может быть как «квазивосточной», так и «квазирусской». Но какие-то черты этой инаковости могут отсылать к изображаемой культуре, лишь бы эти черты распознавались как принадлежащие к конкретной культуре в глазах принимающей семиотическое сообщение стороны. Так, например, доминантный фригийский лад европей-

ский слушатель ассоциирует с востоком арабским, благодаря малоазиатскому [Лосев, 2000, с. 204] происхождению фригийского лада и его связи с арабскими микротональными ладовыми структурами. Но тот же фригийский может быть контекстуально адаптирован таким образом, что *восток* арабский станет *востоком* испанским. Впрочем, это, грубо говоря, один и тот же восток, благодаря Конкисте. А вот мажорная пентатоника является маркером Востока Дальнего – Китая или Японии. Раз существуют средства музыкальной репрезентации *востока* китайского, *востока* испанского или *востока*, например, индийского, то разве не могут существовать таковые, относящиеся к *востоку* «русскому»?

Музыкальный ориентализм, как мы смогли в этом убедиться, взаимодействует с механизмами репрезентации, которая далеко не всегда соответствует действительным музыкальным и прочим характеристикам изображаемой культуры. Но даже самые отвлеченные образы в корне своем содержат некоторые данные об имитируемом стиле. Русская музыка обладает весьма специфичным набором характеристик, легко схватываемых и поддающихся имитации. Попытаемся очертить примерный набор черт, формирующих ядро «русскости» в музыке.

В основах русской музыкальной традиции лежит музыка церковная [Мещерина, 2007, с. 33]. Это оставило отпечаток и на гармонических, и на голосоведенческих её свойствах. В силу религиозных догматов, русская церковная музыка не приемлет аккомпанирующего инструмента, что укрепило традиции пения а капелла. Русская народная песня также имеет древние многоголосые корни, представляя собой так называемую *подголосочную полифонию*. Русская церковная музыка пришла к полифонии во времена патриарха Никона, закрепилась же полифоническая традиция акапельного пения с гармонизацией композиторами-классиками древних одноголосых попевок. Вместе с тем голосоведенческие правила классического европейского образца накладываются на русские мелодические формулы, что приводит к появлению гармонического своеобразия, оказавшего в дальнейшем влияние на всю русскую романтическую музыкальную традицию. Одно из самых главных свойств этой традиции – сдвиг ладовой приоритетности с мажора на минор, как пишет А.Н. Мясоедов в работе «О гармонии русской музыки» [Мясоедов, 2012, с. 14]. Это свойство приводит к еще одному фундаментальному отличию русской музыки

от европейской – тяготению к плагальности, субдоминантовости. Мясоедов утверждает, что в натуральном мажоре наиболее сильная неустойчивость проявляется в доминантовой группе аккордов, так как она задействует тяготение натурально-высокого для мажора вводного тона, тяготение высокой седьмой ступени в первую. Следовательно, мажор проявляется характернее всего в автентическом обороте и его разновидностях. Натуральный минор же представляет обратную ситуацию, восходящая на тон низкая седьмая ступень обеспечивает более слабое тяготение в первую, чем нисходящая на полтона низкая шестая в пятую, что характерно для плагального оборота. Такое усиление плагальности повлияло на то, что функциональным образцом в русской традиции является именно минор, и он оказывает влияние на мажор, диктуя «моду» на характерные для минора гармонические обороты, а вовсе не наоборот, как это работает в условной западной классике.

Также Мясоедов утверждает, что из простейших диатонических образований сохранившихся монодийных мелодий можно вывести характерные ступени звукоряда. Построенные от этих ступеней аккорды составляют характерные «прагармонии» русской музыки [Мясоедов, 2012, с. 18]. Также для этих древних мелодических попевок характерна тоническая неоднозначность, любая из этих ступеней может быть контекстуализирована как тоническая. Для мажора это I, II, V и VI, а для минора I, III, IV и VII. Такой логикой можно объяснить различие русской и европейской систем функциональной гармонии в вопросах частоты использования оборота I-V-IV-I. Европейская классическая гармония не легитимизирует его использование, нарушение принципов тяготения посредством его ослабления перед приходом в тонику. Но в русской традиции, с ее тяготением к минору, субдоминанта тяготеет в тонику сильнее, чем доминанта, следовательно, такой оборот является не ослаблением тяготения, а его усилением.

Помимо тяготения к плагальности, русская музыка обладает еще одним кардинально отличающимся от голосоведенческих устоев западной музыки свойством. Одно из главных правил русской церковной музыки – максимальное снижение числа диссонансов. Из-за этого образовался обиходный звукоряд, позволяющий гармонизировать любую одноголосую мелодию квинтами таким образом, что тритон между голосами не образуется ни в одном месте. Параллельное движение квинт, оборот, строго запрещенный европейской полифонической

традицией, составляет одну из основ русской музыки. Помимо квинт допускается и параллелизм в других интервалах [Мясоедов, 2012, с. 15].

Анализ музыкального материала иллюстрирует подход европейского композитора к конструированию образа «русского».

Опера Умберто Джордано «Сибирь»: ориенталистский образ «русского»

«Сибирь» Умберто Джордано представляет собой позднеромантическую веристскую оперу. Действие, как следует из названия, происходит в России. Кратко рассмотрим сюжет. Опера начинается в особняке куртизанки Стефаны. Дом полон гостей, но хозяйка к ним не выходит, так что их вынужден развлекать ее сутенер Глеб. Он развлекает гостей карточной игрой. Стефана возвращается. Героиня счастлива, она влюблена в простого солдата Василия, который считает ее простой вышивальщицей. Появляется Глеб и насильно утаскивает ее в дом, обвиняя в неблагодарности и требуя от нее внимания к князю Алексею, который их содержит. В дом входит Василий, влюбленные встречаются, но ненадолго, их встречу прерывает появляющийся Алексей. Василий убивает его, и за содеянное отправляется на каторгу. Второй акт начинается на тракте, где люди ждут появления колонны каторжан. Появляется Стефана и бросается в объятия Василия, на каторгу они отправляются вместе. Действие последнего акта происходит на каторге. Василий и Стефана счастливы, несмотря на тяжелую жизнь в Сибири. Появляется Глеб, предлагающий Стефане бежать. Она отказывается, за что Глеб рассказывает всем о ее прошлом куртизанки. Василий прощает ее, Стефана предлагает возлюбленному бежать. Опера заканчивается сценой смерти Стефаны на руках Василия.

Действие начинается с хора каторжников, которые находятся за сценой. То, что это каторжники, понятно только из партитурной приписки. Хор мужской, с довольно низкой средней тесситурой, но сольные партии исполняет высокий тенор фальцетом, в некоторых постановках заменяющийся альтom. И это очень примечательный контраст. Оксана Булгакова в своей работе «Голос как культурный феномен» отмечает, что для иностранца особенно ярко выделялись русские басы и русские высокие тенора [Булгакова, 2015, с. 13]. Русский бас, осо-

бенно бас-профундо, хтонический, архаичный, неразрывно связанный с литургическими практиками, европейскому композитору не был знаком в качестве инструмента, который можно использовать в опере. От этого столкновение с ним поражало так сильно. Ролан Барт пишет в работе «Зерно голоса» о телесном характере профундового звука: «Из глубины полости, мышц, слизистой оболочки и хряща, из глубин славянского языка, вторгается в ухо, как будто натягивая через внутреннюю плоть исполнителя и исполняемой им музыки на одну и ту же кожу. Этот голос внеличен, он не выражает ничего от певца или его души, он не оригинален, но одновременно он индивидуален, позволяя услышать тело» [Барт, 2017, с. 77].

Несмотря на уникальный характер русского баса, критики отмечали его технические несовершенства, разительно выделяющие русский бас на фоне привычных для европейца голосов. То же можно сказать и о высоком русском теноре, плоском, связочном, «белом», с очень натуральным звуком, не носящим следов итальянских технических новшеств. Звук казался европейцу неприятным и резким, в нем не хватало округлости и полноты раскрываемого объема резонаторов, которое дает итальянское бельканто. Кестинг описывал русский теноровый регистр как «сладковатый и андрогинный», и утверждал, что он «требуется привычки». Русский тенор заунывен и протяжен, элегичен, поэтому его контраст с русским басом так заметен [Булгакова, 2015, с. 15].

Джордано конструирует специфический русский звук именно связкой басов и высокого тенора. Октависта в опере нет, но это объясняется техническими причинами, за пределами России они встречаются очень редко. Структурно вступительная сцена устроена таким образом: высокий тенор поет на достаточно низком для себя диапазоне, имитируя тем самым звук женщины-альта. Партия действительно невысокая, наверху всего лишь ми, что для высокого тенора еще даже не начало самой важной части диапазона. Он пропевает фразу соло, затем ему отвечает хор, после первого повторения в чистые квинты, а затем и полноценным четырехголосием. Мужской акапельный хор, являясь одним из столпов русской певческой традиции, вступает в резкий контраст с начинающим звучать оркестром, создающим в струнных характерную для Европы контрапунктную текстуру. Ор-

кестр подчеркивает особенность русского звука, его заунывность и протяжность.

Музыкально хор вновь отсылает к русской православной певческой традиции. Мелодика гармонизированной части копирует православные традиции с многократным повторением одной и той же ноты. Ходы с параллельными квинтами также весьма характерны, что контрастирует с дальнейшим идеально-правильным европейским голосоведением. Хорал начинается в мажоре, в очень типичном для русской литургической практики голосоведении, басы и тенора начинают в квинтах, альты и сопрано расположены по терциям, и в дальнейшем сохраняют этот параллелизм. Соответственно, гармонически главным голосом становится альт. Это характерно не только для православной традиции в голосоведении, но и для народной подголосочной полифонии, где голоса импровизируются и сверху и снизу лидирующего. Впрочем, имеются некоторые расхождения, выдающие в этом хорале ориенталистскую имитацию, – обильное использование аккордов доминантовой группы с последующим разрешением в мажорную тонику.

Из большей части постановок вырезана весьма любопытная часть хорала – аккорд пятой ступени на словах «tua che, se Dio» переходит в аккорд третьей ступени, которым иногда заменяют доминанту, но последовательность не разрешается в мажорную тонику, а переходит в минорный септаккорд третьей ступени и разрешается в тонику параллельного минора – очень характерная для русской музыки последовательность. Доминантсептаккорд здесь имеет натуральную терцию, подчеркивая ладовую логику, а не тональную. Заканчивается же хорал двухголосием, из которого убрали терцию, тенор спускается из второй в первую, а бас спускается из пятой в первую. Гармонико-мелодическое устройство хорала позволяет сделать вывод, что он написан в попытке скопировать часть православной литургии, и попытка эта весьма точная и успешная, хоть и с некоторыми огрехами, выдающими в нем европейского композитора.

Как уже было сказано выше, сразу после хорового вступления начинается европейская оркестровая часть, которая и составляет основное тело оперы. «Русскость» Умберто Джордано подает не фоновое, скрупулезно копируя стиль русских композиторов, а во внезапных вкраплениях как малых, так и больших. Например, в этой вступитель-

ной части есть примечательный момент, инструментальная перебивка после фразы «Ah come sono in repo». Фрагмент начинается в ля-мажоре, но уже в следующем такте переходит в параллельный фадиез-минор, образуя резкий скачок к субмедианте. Флейта, поддерживаемая гобоем, альтерирует третью ступень в мелодическом движении $c\sharp-d-c\sharp-c\flat-c\sharp-d$, образуя временно существующий переменный мажоро-минорный лад. Это весьма частый [Вахромеев, 1968, с. 85] для русских народных песен прием, создающий небольшой акцент «русскости» в европейском музыкальном фоне. Столь же внезапно начинается мужской хор «O bella mia». Литургические коннотации возникают из-за использования статичной мелодики. Фраза «O bella mia» повторяется трижды, и каждый раз мелодии всех голосов полностью статичны и неизменны.

Такие тонкости периодически проскальзывают, но являются маркером «русскости» лишь для специалиста, располагающего специфическими знаниями для их понимания. Гораздо более ярким и четким, легко узнаваемым маркером является использование в опере мотивов русских песен. Звучат и «Камаринская», и «Боже, царя храни», и «У ворот, ворот батюшкиных». Несмотря на большую известность, которую приобрела в Европе «Камаринская», она отходит на второй план, появляясь эпизодически. Центральная тема оперы – мотив «Эй, ухнем». Его след можно проследить и в гармонии открывающего оперу хора, и в начале второго акта, им же опера и заканчивается. Наиболее разработанным является проведение мотива во втором акте. Первый раз он слышится в кларионе и в английском рожке, создающийся тембр напоминает русские гудки и рожки. Потом мотив теряется и растворяется, чтобы в следующий раз появиться в хоре каторжников.

Гармонизирован он первоначально лишь параллельными терциями, в басу какое-то время поддерживается виолончелями и контрабасом, но они затихают через несколько тактов, опять оставляя «голый» хор а капелла, который раскладывается на полноценные четыре голоса, с подчеркнуто грубым голосоведением, с массой ошибок, перечений, параллелизмов и однонаправленного движения голосов. «Русское» маркируется как грубое и чуждое европейскому слуху, активным использованием этого приема известен «турецкий» ориенталистский стиль, изображение звуков мехтера тоже подчеркнуто грубое и неправильное. Гармонически хор вполне типичен, часто происходит

усиление субдоминантовой группы, например, на слогах «Im-pre-ca-re po-o-te-di» последовательность аккордов такова: III-VI-i-iv-i-ii-VII-i. Внетональных нот нет, чистый натуральный минор. Хор сохраняет религиозные коннотации, так как вводится так же, как и религиозные фрагменты ранее в опере. Слушатель, не знакомый с песней «Эй, ух-нем», вполне может принять мотив за часть православной литургии, настолько они схожи.

Заунывная русская песня, мужской полифонический хор, очень ярко выраженное тяготение к плагальности, каторга, холодная Сибирь, Стефана, последовавшая за возлюбленным в ссылку, как настоящая жена декабриста. По совокупности признаков как музыкальных, так и сюжетно-композиционных, это самое «русское» место в опере. Репрезентация составлена из самых известных за рубежом элементов русской культуры. Почти каждый элемент из вышестоящего списка противопоставлен европейской части оперы, русский ладовый золийский – европейскому тональному мажору, и далее: каторга – свободе, холод Сибири – теплу европейских стран, кривое голосоведение – идеально четким европейским правилам, религиозность – светскости. Стефана, куртизанка, под аккомпанемент европейской музыки следует, вопреки ожиданиям, за возлюбленным в Сибирь под звуки русской песни.

Русское – инвертированное обратное. По Леерсону, этностереотип всегда основывается на выворачивании наизнанку, на противопоставлении «Я-Другой» [Leerssen, 2016, p. 14]. И русский тут *Другой*, что подчеркивается как музыкальными, так и сюжетными средствами.

Ориенталистские техники полностью применимы к русскому материалу, механизм изображения *Другого* функционирует тем же способом. Композитор рисует Россию без этнологической точности, яркие музыкальные характеристики русского звука перерабатываются, дабы подчеркнуть его *не-европейскость*. Да, «русское» все-таки изображается несколько отличным набором техник и приемов, в сравнении, например, с «китайским» у Пуччини или «цыганским» у Бизе, но все эти образы сохраняют ориенталистскую вольность трактовки этнографически-корректного музыкального материала, на котором они основываются.

Список литературы

- Булгакова О. Голос как культурный феномен. – Москва : НЛО, 2015. – 567 с.
- Барт Р. Зерно голоса // НЛО. – 2017. – № 6. – С. 77–84.
- Вишневецкий И.Г. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930 годов. – Москва : НЛО, 2005. – 358 с.
- Вахромеев В.А. Ладовая структура РНП. – Москва : Музыка, 1968. – 104 с.
- Лосев. А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / худож. офор. Б.Ф. Бублик. – Харьков : Фолио ; Москва : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.
- Мещерина. Е.Г. Музыкальная культура средневековой Руси. – Москва : Православная литература, 2007. – 316 с. – формат PDF.
- Мясоедов А.Н. О гармонии русской музыки. – Москва : Издательство ПСТГУ, 2012. – 100 с.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. – Санкт-Петербург : Русский мир, 2006. – 636 с.
- Рапацкая Л.А. Культурно-типологический подход к анализу ориентализма в курсе «История русской музыки» // Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни. – 2018. – № 22. – С. 76–92. – URL: <http://musart-edu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Music2-2018.pdf>
- Человенко Т.Г. Лосев А.Ф. О религии как субстанционально телесном феномене // Ученые записки ОГУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 107–110.
- Leerssen J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world: Monographie // Revue d'études ibériques et ibéro-américaines. Institut d'Etudes Hispaniques Université Paris-Sorbonne. – Paris IV, 2016. – P. 13–29.
- Bellman J. The Style Hongrois in the Music of Western Europe. – Boston : Northeastern University Press, 1993. – 261 p.
- Locke R.P. “Constructing the Oriental ‘Other’: Saint-Saëns’s Samson et Dalila” // Cambridge Opera Journal 3. – 1991. – N 3.
- Locke R.P. A Broader View of Musical Exoticism // Journal of Musicology. – 2007. – N 24. – P. 477–521. – URL: <https://www.esm.rochester.edu/uploads/“A-Broader-View-of-Musical-Exoticism”>.pdf
- Scott D.B. Orientalism and Musical Style // The Musical Quarterly. – 1998. – N 82/2. – P. 309–335. – URL: https://www.academia.edu/594259/Orientalism_and_Musical_Style

References

- Bulgakova, O. *Golos kak kul'turnyj fenomen* [The voice as a cultural phenomenon]. Moscow, NLO Publ., 2015. 567 p. (In Russ.)
- Bart, R. Zerno golosa [The grain of the voice]. In *NLO*. no 6, 2017, pp. 77–84. (In Russ.)
- Vishneveckij, I.G. *Evrazijskoe ukloenie v muzyke 1920–1930 godov* [Eurasian deviation in the music of the 1920s and 1930s.] Moscow, NLO Publ., 2005. 358 p. (In Russ.)

Vahromeev, V.A. Ladovaya struktura RNP [The mode structure of the RNP]. Moscow, Muzyka Publ., 1968. 104 p. (In Russ.)

Losev, A.F. *Istoriya antichnoj estetiki. Rannij ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Early Hellenism], artistic design by B.F. Bublik. Har'kov, Folio Publ.; Moscow OOO «Izdatel'stvo ACT» Publ., 2000. 960 p. (In Russ.)

Meshcherina, E.G. *Muzykal'naya kul'tura srednevekovoj Rusi* [The musical culture of medieval Russia]. Moscow. Pravoslavnaya literature Publ., 2007. 316 p. (format PDF). (In Russ.)

Myasoedov, A.N. *O garmonii russkoj muzyki* [About the harmony of Russian music]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ.. 2012. 100 p. (In Russ.)

Said, E.V. *Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], translated from the English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg, Russkij mir Publ., 2006. 636 p. (In Russ.)

Rapackaya, L.A. Kul'turno-tipologicheskij podhod k analizu orientalizma v kurse «Istoriya russkoj muzyki» [A cultural-typological approach to the analysis of orientalism in the course “History of Russian Music”]. In *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie na protyazhenii zhizni*, no 22, 2018. pp. 76–92. URL: <http://musart-edu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Music2-2018.pdf> (In Russ.)

Chelovenko, T.G. Losev A.F. O religii kak substancional'no telesnom fenomene [Losev A.F. About religion as a substantial bodily phenomenon]. In *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no 3, 2008, pp. 107–110. (In Russ.)

Leerssen, J. Imagology: On using ethnicity to make sense of the world: Monographique. In *Revue d'études ibériques et ibéro-américaines*. Institut d'Études Hispaniques Université Paris-Sorbonne Paris IV, 2016, pp. 13–29.

Bellman, J. *The Style Hongrois in the Music of Western Europe*. Boston, Northeastern University Press Publ., 1993. 261 p.

Locke, R.P. “Constructing the Oriental ‘Other’: Saint-Sains’s *Samson et Dalila*”. *Cambridge Opera Journal* 3, no 3. 1991. 267 p.

Locke, R.P. A Broader View of Musical Exoticism. In *Journal of Musicology*, no 24, 2007. pp. 477–521. URL:https://www.esm.rochester.edu/uploads/*A-Broader-View-of-Musical-Exoticism*.pdf

Scott, D.B. Orientalism and Musical Style. In *The Musical Quarterly*, no 82/2, 1998. pp. 309–335. URL:https://www.academia.edu/594259/Orientalism_and_Musical_Style

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

УДК 347.782

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

Коданева С.И.*

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНВЕНЦИЯ В БРИТАНСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Конституционная система любой страны является формой ее материального и нематериального культурного наследия, поскольку отражает исторические традиции, принятые в обществе, а также особенности его правовой культуры. Настоящая статья посвящена анализу особенностей британской конституционной системы, важной частью которой являются неписанные политические конвенции. Показано, что ни в одной другой стране мира система, подобная британской, не смогла бы обеспечить необходимую стабильность и надежность, сохранение демократического режима и защиту прав человека. Причина заключается в особой правовой культуре, являющейся одним из элементов общечеловеческой культуры британской политической элиты.

---

* *Коданева Светлана Игоревна* – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kodanevas@gmail.com

Kodaneva Svetlana Igorevna – PhD in Law, Leading Researcher of the Department of Law at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kodanevas@gmail.com

Ключевые слова: конституционная конвенция; политическая культура; культурное наследие; конституционные традиции и обычаи.

Поступила: 22.01.2024

Принята к печати: 28.02.2024

Для цитирования: Коданева С.И. Конституционная конвенция в британской правовой культуре // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 168–191. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

Kodaneva S.I.

Constitutional convention in British legal culture

Abstract. The constitutional system of any country is a form of its tangible and intangible cultural heritage, since it reflects the historical traditions accepted in society, as well as the peculiarities of its legal culture. This article is devoted to the analysis of the features of the British constitutional system, an important part of which are unwritten political conventions. It is shown that in no other country in the world would a system like the British one be able to ensure the necessary stability and reliability, the preservation of a democratic regime and the protection of human rights. The reason lies in the special legal culture, which is one of the elements of the universal culture of the British political elite.

Keywords: constitutional convention; political culture; cultural heritage; constitutional traditions and customs.

Received: 22.01.2024

Accepted: 28.02.2024

For quoting: Kodaneva S.I. Constitutional convention in British legal culture // Bulletin of Cultural Studies. – 2024. – No. 2(109). – P. 168–191. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.09

Введение

Культурное наследие, как известно, является понятием многогранным, включающим различные аспекты: антропологический, социологический, культурологический, правовой и др. Человечество накопило богатый арсенал материальных артефактов, а также традиций и обычаев, которые составляют материальное и нематериальное

культурное наследие. Однако, как совершенно верно отмечено в литературе, сегодня крайне мало научных исследований, посвященных таким элементам культурного наследия, как правовая культура (в качестве нематериального наследия) и юридические документы (являющиеся объектами и материального, и нематериального наследия) [Андреева, 2023, с. 167].

В связи с этим представляется крайне важным вывод автора о том, что конституции стран мира представляют собой образец и того и другого, а принятая конституция и даже ее проект сразу становятся артефактом, потому что отражают определенный этап развития общества и с этой точки зрения, т.е. с точки зрения превращения в артефакт и объект культурного наследия, не требуют проверки временем и нуждаются в сохранении, поскольку несут на себе позитивный или негативный отпечаток правовой культуры и отражают ценности, сложившиеся в обществе задолго до их появления.

В этой связи представляется важным задаться вопросами: а что собой представляет правовая культура и какую роль она играет в формировании конституций, а затем – их жизнеспособности, особенно если эти конституции сочетают в себе как писанные, так и неписанные источники, такие как конституционные конвенции? И вообще, для чего нужны конвенции, какую конституционную функцию они выполняют, почему сохраняются в конституционных системах некоторых стран и как это связано с культурной памятью соответствующих народов и их правовой культурой?

Настоящая статья представляет собой попытку дать ответ на эти вопросы посредством анализа понятия «конституционная конвенция», являющегося уникальным примером исторического и культурного наследия Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Королевство).

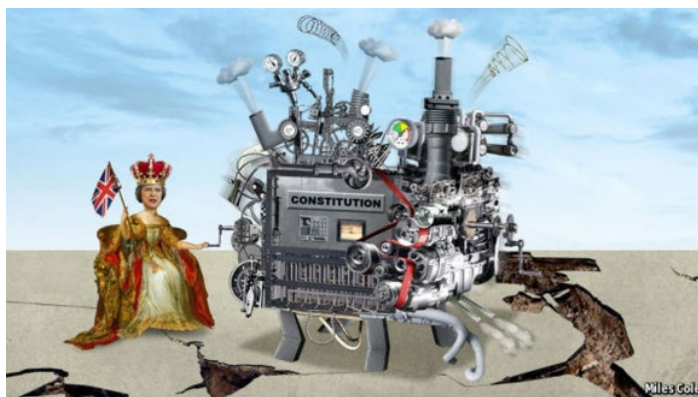
Великобритания – страна уникальная, поскольку в ней отсутствует писаная конституция. Ее заменяет множество источников, относящихся как к правовой, так и к политической конституции. Принято выделять пять видов норм британской конституции: статутное право, общее право, конституционные обычаи, конвенции и доктрину. Первые три группы образуют правовую конституцию страны, поскольку они имеют юридическую силу и подлежат судебной защите. Нормы статутного права содержатся в актах Парламента, но последние, по

сути, обобщают и кодифицируют прецедентное право (в рамках которого, в свою очередь, интерпретируются нормы статуты, что обеспечивает эволюционное развитие правовой системы Великобритании) [Андреева, 2021б]. Конституционные обычаи – это те обычаи, которые отвечают критериям, выработанным судебной практикой, основным из которых является «существование с незапамятных времен», т.е. с 1189 г. Такие обычаи признаются судами в качестве источника права, при условии, если удастся доказать их «старинность», а также то, что они постоянно используются жителями определенной местности [Кожевников, 2020].

Конвенции представляют собой конституцию политическую. Признанный теоретик-конституционалист А.В. Дайси (1835–1922) определял конституционную конвенцию как «обычаи, практики, максимы и предписания, которые не соблюдаются и не признаются судами», но являются конституционной моралью [Dicey, 1982, p. 277]. Соответственно, конвенции бывают двух видов, в зависимости от источника их появления: политические соглашения или политические обычаи. Так, потребовалось 70 лет, чтобы сформировалась традиция, согласно которой король должен действовать по совету своих министров. А сформулирована эта конвенция была в 1910 г., когда король пожелал проконсультироваться с лидером оппозиции в палате лордов, тогдашний премьер-министр Великобритании Г.Г. Асквит (1887–1969) напомнил ему, что вопрос о поведении Короны «к счастью, решен накопленными традициями и непрерывной практикой более чем за 70 лет». Напротив, Конвенция Солсбери / Аддисона (подробнее о ней – далее) – это результат соглашения [Bogdanor, 2004, p. 78].

Конвенции играют ключевую роль в конституционной системе страны, поскольку служат для подчинения юридического суверена (правительства страны) политическому (народу). Как писал А.В. Дайси, положения конституции состоят из обычаев, которые (независимо от их исторического происхождения) в настоящее время поддерживаются ради обеспечения верховенства палаты общин и в конечном счете через выборную палату общин – нации. Конвенции не могут быть признаны судами. Они являются частью неформальной «этики» политической системы, которая определяет, как ведут себя политические субъекты и что они обязаны делать [ibid, p. 392]. Наконец, важной составляющей британской конституции является доктрина

на, т.е. работы ученых-правоведов. Связано это с тем, что с течением времени источники юридической и политической конституции сформировали крайне сложное и запутанное, а иногда и противоречивое регулирование. Однако участники политического процесса не всегда готовы обращаться в суды для разрешения возникающих вопросов и противоречий, поскольку, как было отмечено, последние принимают решения опираясь на юридическую конституцию. Это значит, что в случае, когда конвенция противоречит существующему праву, она будет отклонена судом. Однако такой подход способен разрушить всю конституционную систему страны. Поэтому в подобных ситуациях принято обращаться к ученым, на чьи заключения затем парламент и правительство опираются в своей деятельности.

Рис. 1. Майлс Коул (Miles Cole). Конституции Великобритании [Андреева, 20216]

Таким образом, конституцию Великобритании можно представить в виде сложной машины, как это показано на рис. 1, где переплетено множество механизмов, дополняющих друг друга.

Правовая культура как элемент культуры общества

Следует отметить, что такое явление как «правовая культура» понимается в научной литературе по-разному, а его единое, общепризнанное определение отсутствует. Авторы предлагают свои трактовки,

вкладывая в них определенный сущностный аспект. В результате, как отмечает Е. А. Певцова, насчитывается около 250 различных научных позиций по вопросу ее определения [Певцова, 2004, с. 72]. Некоторые авторы обращают внимание на субъективные характеристики правовой культуры, выделяя правовую культуру общества (т.е. то, как в данном социуме принято относиться к правовым установлениям, каковы общепризнанные моральные и нравственные ценности) и личности (индивидуальное отношение к праву, уровень информированности и готовность к правомерному поведению). Другие обращают внимание на объективные составляющие правовой культуры (такие как уровень качественного состояния правовой системы, ее место в системе общественных регуляторов и др.).

Представляется, что ключевой характеристикой правовой культуры является уровень духовно-нравственного развития, которое формирует в отдельных людях и обществе в целом уважительное отношение к праву, стремление повышать уровень своих правовых знаний и готовность реализовывать их на практике. При этом показателем правовой культуры общества выступает уровень правосознания людей. Правосознание – это духовная основа, включающая общепринятые в обществе моральные установки, а также особенности правовой системы [Коданева, 2023б, с. 28].

Последнее представляется крайне важным, поскольку моральные установки и ценности в современном глобализованном мире все больше унифицируются, по крайней мере в части базовых ценностей, таких как личные права человека. Тем не менее, как показывает практика, конституции, закрепляющие эти ценности, далеко не всегда и не везде применяются одинаково, гарантируя защиту этих базовых ценностей. Прежде всего, это касается конституций современных постколониальных государств, которые, внешне восприняв ценности бывших метрополий, на практике продолжают существовать в собственном культурном пространстве, руководствуясь старинными неписаными традициями и обычаями.

Иными словами, такие конституции, являясь материальными артефактами, тем не менее не превращаются в нематериальное культурное наследие, обеспечивая единство культурного пространства и преемственность. Очевидно, это связано с различиями в правовых культурах как элементе культуры общества в целом.

С другой стороны, в странах, где правовая система в полной мере питала в себя культурный код нации, объективно отражает ее ценности и мораль, такая система будет достаточно устойчивой, нормально обеспечивая высокий уровень правосознания и соблюдения правовых предписаний правоприменителями, а следовательно, и нормальное функционирование всех общественных институтов.

«Конституционная конвенция» как уникальное культурное наследие Великобритании

Термин «конвенция» (convention) в конституционном контексте означает набор согласованных, предусмотренных или общепринятых стандартов, социальных норм или других критериев, часто принимающих форму обычая. Согласно Oxford English Dictionary, оно происходит от латинского слова *convenire* (собирать) и *convention* (имело два значения: собрание и договоренность). Затем этот термин использовался в старом французском языке, откуда в Средние века был заимствован англичанами. Первоначально он означал большое собрание или конференцию. Постепенно смысл термина стал меняться. Сначала он стал использоваться как синоним слова «соглашение» или «договоренность» (как результат собрания или конференции). Однако к концу XVIII в. термин приобретает второе значение, воспринимается как синоним слова «обычай» (Oxford English Dictionary).

Как известно, правовые системы большинства стран мира основаны на писаных конституциях, закрепляющих основные принципы построения общества и государства, а также права и обязанности граждан. Соответственно, при возникновении споров относительно правомерности действий власти, таковые всегда оцениваются исходя из их соответствия конституции, являющейся в современных обществах гарантом соблюдения демократических принципов, а также прав и свобод людей.

В этом смысле конституции выступают «краеугольным камнем» правовой системы, ее фундаментом, от правильной «закладки» которого зависит вся правовая система государства. Не случайно конституции принято представлять в виде различных архитектурных объектов в зависимости от отношения людей к конституции своей страны, бытования смысловых и культурных ассоциаций. Так, изображение

конституции в виде основательного и официозного здания говорит о власти и богатстве государства, изображение в виде сарая свидетельствует о непрочности и ненадежности, как ассоциация с картонным домиком. Сравнение с маяком свидетельствует о том, что конституция закладывает основы для будущего развития государства и т.д. Подробнее об этом см.: [Андреева, 2021a].

В Великобритании, как было показано выше, в отличие от большинства стран мира, основой конституционной системы является не кодифицированная конституция, в роли «краеугольного камня» которой выступает доктрина «парламентского суверенитета», сформулированная А.В. Дэйси. Она основана на презумпции свободы законодательства в любой области, при этом суды традиционно не имеют права оценивать законность и конституционность решений парламента [Goldsworthy, 2015, p. 17], поскольку судебная власть всегда рассматривалась как потенциально недемократическая [Tabarelli, 2013, p. 349]. Контроль над парламентом в Соединенном Королевстве традиционно осуществлялся самим парламентом через «власть свободного общественного мнения, представленного палатой общин» [Ryder, 2019, p. 394]. Иными словами, только парламент правомочен изменять или отменять свои акты, при этом он не связан решениями своих предшественников, т.е. в любой момент может пересмотреть любое ранее принятое законодательство.

В этой связи следует привести высказывание Дж. Пауэлла, для которого парламент был буквально душой нации: «...уберите парламент из истории Англии, и сама эта история станет бессмысленной... суверенитет нашего парламента является для нас чем-то иным, чем ваши собрания для вас» [цит. по: Frosini, Gilbert, 2020, p. 771].

Таким образом, возвращаясь к архитектурным ассоциациям, в Великобритании символом нации является место, где заседает парламент, – Вестминстерский дворец, который изображен на рис. 2, а конституционная система страны именуется Вестминстерской.

Рис. 2. Вид на Вестминстерский дворец¹

Эта конституционная система представляет очень гибкий и формировавшийся на протяжении веков в результате естественно-исторической эволюции набор древних обычаев и, соответственно, практик поведения политической элиты страны, т.е. многовековое нематериальное культурное наследие, создавшее особую правовую культуру Британии как части культурного кода этой нации, основу которого составляют:

1) гордость за свои историю, традиции и демократические институты, существующие на протяжении многих веков и ставшие образцом для всего мира. Не случайно во время кампании референдума по вопросу о членстве в ЕС, сторонники Брексита активно использовали в своей агитации образ «Глобальной Британии», как великой империи, распространившей свое влияние на все континенты. Подробнее см.: [Коданева 2021];

2) рациональность поступков, основанных, прежде всего на целесообразности. Не случайно именно Королевство – первая страна, где

---

¹ URL: <https://picryl.com/ru/media/north-east-view-of-westminster-abbey> (accessed 14.02.2024).

неолиберализм стал государственной политикой правительства (в период нахождения у власти консервативного большинства, возглавляемого М. Тэтчер). Основой идеологии неолиберализма является постулат о том, что экономические субъекты всегда действуют рационально, поэтому следует ограничить вмешательство государства в экономику необходимым минимумом, а участникам гражданских отношений предоставить полную свободу выбора поведения и проявления экономической инициативы. Этот постулат очень хорошо отражает культурную особенность британцев, обеспечивающую устойчивость конституционной системы страны;

3) признание репутации как важной ценности, которую следует беречь. Соответственно, нарушение соглашений или общепризнанных норм поведения рассматривается как недопустимое, поскольку может нанести удар по репутации;

4) стремление решать возникающие вопросы и противоречия путем закрытых (кулуарных) переговоров, заканчивающихся, как правило, заключением конвенций.

Таким образом, своеобразие конституционной системы Королевства во многом является отражением культурного кода его жителей. Например, большинство британских ученых конституционалистов, пытающихся объяснить, почему политики не нарушают конвенции, хотя и знают, что за это не последует юридической ответственности, приводят довод о том, что такое нарушение приведет к разрушению всей системы (т.е. будет нерациональным), а также нанесет удар по репутации (что в конечном итоге тоже будет нерациональным, поскольку подорвет доверие избирателей). Еще одним аргументом, апеллирующим к рациональности, является тезис о том, что важным преимуществом британской конституционной системы является предотвращение устаревания конституции, обеспечивающее ее развитие в соответствии с меняющимися условиями и адаптацией к конкретным потребностям [Nolan, Sedley, 1997, p. 96]. По мнению выдающегося британского конституционалиста А. Дженнинга, конституционные конвенции «обеспечивают плоть, которая облекает сухие кости закона; они заставляют юридическую конституцию работать; они поддерживают ее связь с развитием идей». Иными словами, он утверждает, что юридическая конституция не работала бы без конвенций [Jennings, 1938, p. 247]. Смысл этого довода заключается в том, что

конвенции, будучи неюридическим источником правил поведения британских политиков, позволяют, в случае необходимости (например, в условиях конституционного или политического кризиса, чрезвычайной ситуации), быстро находить гибкие и неординарные решения, не оглядываясь на жесткие предписания закона и не дожидаясь, когда они будут изменены. В этих ситуациях конвенции могут не соблюдаться, что не повлечет негативных политических и репутационных последствий, поскольку происходящее будет оправдано целесообразностью. Ярким примером подобной чрезвычайной ситуации является процесс Брекзита (подробнее об этом будет далее). Однако после разрешения кризиса властные институты возвращаются к соблюдению конвенций, если это возможно и если в процессе кризиса не будут сформулированы новые конвенции, которые будут регулировать отношения в изменившихся условиях. Точно так же конвенции могут «умирать» или трансформироваться вместе с изменениями социальных и культурных установок общества. Практики, которые когда-то считались уместными или желательными, могут оказаться несовершенными до такой степени, что они либо больше не считаются достойными соблюдения, либо требуют какой-то реакции со стороны политических субъектов для устранения любого предполагаемого отсутствия, поскольку именно неписанные правила, не имеющие обязательной юридической силы, как это ни парадоксально, обеспечивают соблюдение правящими элитами демократических принципов и подотчетности [Barber, 2021, p. 102].

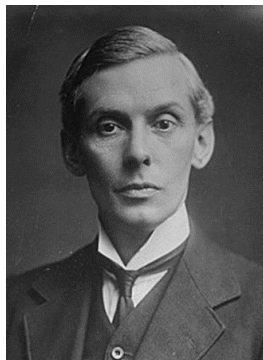
Так, например, формально Королевство до сих пор является абсолютной монархией, во главе которой стоит король, обладающий prerogативами в наиболее значимых областях – внешней политике, обороне и безопасности, а также по ряду конституционных вопросов, таких как роспуск парламента или назначение премьер-министра. Формально никто не может запретить королю воспользоваться своими prerogативами. Однако в современных условиях сложилась традиция, согласно которой все королевские prerogативы от имени короля осуществляет ответственное должностное лицо исполнительной власти. Также конституционной конвенцией является неучастие короля в партийной политике, в определении того, кто станет премьер-министром (правило, что это лидер партии, получившей большинство в палате общин, – это также конвенция), да и в политике вообще. Например, премьер-министр еженедельно обязан встречаться с королем для об-

суждения текущих дел, сообщая ему о том, какие решения Кабинет министров принял или планирует принять. При этом его величество не может обязывать премьер-министра принимать те или иные решения, но только предостерегать или рекомендовать, однако окончательное решение всегда остается за последним.

Еще одним ярким примером британской политической культуры является Конвенция Солсбери / Аддисона или «Доктрина Солсбери», в соответствии с которой палата лордов не препятствует принятию законов, реализующих обещания, данные в предвыборном манифесте победившей на выборах партии. Появление этой конвенции связано с тем, что вплоть до реформы 1999 г. абсолютное большинство в палате лордов составляли консерваторы, традиционно придерживающиеся либеральных взглядов на социально-экономическую политику. Однако после окончания Второй мировой войны победу на выборах 1945 г. в палату общин одержали лейбористы, обещавшие национализировать большинство отраслей промышленности, увеличить государственные социальные расходы (так появилась Национальная служба здравоохранения) и проводить политику государства всеобщего благосостояния. Тогда лидеры лейбористов (лорд Аддисон – рис. 3) и консерваторов (лорд Солсбери – рис. 4) сформулировали указанное соглашение, которое соблюдается по сей день.

*Рис.3. Лорд Солсбери*¹

*Рис.4. Лорд Аддисон*²

---

¹ URL: <https://www.npg.org.uk/collections/serch/portrait/mw76022/Robert-Arthur-James-Gascoyne-Cecil-5th-Marquess-of-Salisbury> (accessed 14.02.2024)

² URL: https://www.flickr.com/photos/library_of_congress/16027831872/ (accessed 14.02.2024)

Большая часть парламентских процедур развивалась в результате постоянного использования на протяжении веков и не прописана в регламенте. Иногда это называют «обычай и практика», которые относятся к широкому кругу вопросов, начиная от рассадки и цветов интерьера двух палат парламента и заканчивая регламентными процедурами, такими как рассмотрение законопроекта в трех чтениях или правило о том, что одно и то же по существу предложение не может рассматриваться на одной сессии парламента дважды.

Например, в здании британского парламента два церемониальных жезла (булавы) символизируют власть монарха в двух палатах. Монарха называют «третьей частью парламента», и он подписывает законопроекты, придающие им силу. Парламент не может законно заседать, обсуждать или принимать какие-либо законы без присутствия в палатах королевского жезла. Его вносят процессией в начале и в конце каждого дня заседания, как это показано на рис. 5. Без жезла заседание палат считается недействительным. С этим жезлом связано много событий. Например, он не раз использовался в качестве оружия (например, в 1976 г. М. Хезелтайн, член Консервативной партии, захватил жезл и размахивал им перед противостоящими членами лейбористской партии во время горячего спора по биллю об авиационной и судостроительной промышленности), его пытались выносить из помещения (в 1930 г. Джон Беккет, член лейбористской партии, был временно отстранен от Палаты общин за проявление непочтительности к жезлу, пытаясь вынести его из парламента, выступая против временного отстранения другого участника) и т.д.

Зеленый является основным цветом мебели и тканей во всех помещениях, используемых палатой общин. Он олицетворяет христианские идеалы веры, надежды, милосердия, победы жизни над смертью и омоложения души добрыми делами. Изначально декор палаты общин не имел какого-то определенного цвета, однако с середины XVII в., когда помещение в часовне Св. Стефана, где палата заседала, было декорировано зеленым, и по сей день принято использовать именно этот цвет, что имеет два возможных объяснения. Первое – религиозная подоплека, второе заключается в том, что, в отличие от лордов, которые являются богатыми людьми, общины представляют простой народ, который не может позволить себе использовать дорогие ткани и цвета [House of Commons Green ... , 2010].

Рис. 5. Церемония внесения церемониального жезла¹

Цвет кресел – зеленый, министры сидят на первом ряду справа от спикера, секретари парламента – сразу за своим министром; официальное руководство оппозиции сидит в первом ряду слева от спикера. Члены партии меньшинства сидят в задних рядах под проходом слева.

Члены должны обращаться к палате через председателя (обычно «господин / госпожа спикер / заместитель спикера»), а друг к другу – от третьего лица и по должности («Лорд-канцлер утверждает» или «Достопочтенный член утверждал...») или избирательному округу («На прошлой неделе член от Харроу-Ист сказал в этой палате...»). Эту конвенцию часто нарушают новые члены палаты, но спикер объясняет им, что «она существует на протяжении многих лет для того, чтобы <парламентарии> не теряли самообладания и не увлекались» [Sharpe, 2020, p. 10]. Этой же цели служит правило о «красных линиях»: членам палаты запрещено выступать, находясь между двумя красными линиями. Как было показано выше, члены правящей партии и оппозиции сидят по разные стороны красных линий, которые находятся друг от друга на расстоянии скрещенных шпаг. Таким образом, конвенция была направлена на недопущение кровопролития в парламенте во время чересчур жарких дебатов. На рис. 6 представлен фотомонтаж – зал палаты общин и спортивные фехтовальщицы, которые стоят на красных линиях. Это позволяет наглядно представить смысл

---

¹ URL: <https://www.parliament.uk/business/news/2021/may/coming-up-in-the-commons-10-14-may-2021/> (accessed 14.02.2024).

древней традиции, хотя следует учитывать, что в те времена, когда она появилась, основным оружием был меч, одним взмахом которого можно было убить оппонента, поэтому конвенция имела важное практическое значение. Сегодня же она скорее является формой парламентской вежливости.

Рис. 6. Красные линии в Палате общин¹

Еще одним правилом вежливости является конвенция о том, что член палаты, желающий выступить, должен присутствовать с начала дебатов и как минимум на двух выступлениях после собственного. Желающий выступить должен «поймать взгляд» спикера, т.е. встать. Спикер дает слово представителям партии большинства и оппозиции по очереди, отдавая приоритет тем, кто присутствовал на большей части выступлений. Если член палаты не соблюдает это правило, то ему слово может быть вообще не предоставлено. Смысл данных конвенций очень прост: парламент – это место для дискуссии и поиска компромиссного решения, поэтому тем, кто желает просто «показать себя», не слушая других, слово не должно предоставляться. Подробнее об этом см.: [Sharpe, 2020, p. 10]. Существует множество и других конвенций, касающихся регламентных процедур, таких как количество чтений законопроекта, рассмотрение неотложных ходатайств, обязанность короля подписать билль, принятый в двух чтениях обеими палатами, даже если он сам или правительство с ним не согласны, и т.д.

---

¹ URL: https://pikabu.ru/story/chto_u_nikh_tam_na_stole_6428461?cid=131094026 (accessed 14.02.2024)

Рис. 7. Палата лордов¹

Палата лордов оформлена в красной цветовой гамме (как показано на рис. 7), что объясняется просто: красный цвет – это цвет короля, а палата лордов – это то место, где король встречался со своим двором и знатью. Лорд-спикер сидит на «шерстяном мешке» – большой подушке или сиденье с шерстяной набивкой, покрытых красной тканью. Этот обычай вышел из Средних веков, когда Англия была главным экспортером шерсти и шерстяных изделий в Западную Европу и считалась ведущим производителем как по качеству, так и по количеству материала.

Члены палаты должны обращаться друг к другу по титулу или должности. Речи свои они не имеют права зачитывать, хотя можно использовать заметки. Члены должны присутствовать на большей части дебатов и по крайней мере на вступительных и заключительных речах, а также на двух выступлениях после собственного. Подробнее об этом см.: [Sharpe, 2020, p. 12].

Деятельность правительства страны также строится на многочисленных конвенциях. Так, само существование Кабинета министров как комитета Тайного совета является старинной традицией, возникшей еще во времена Георга I, который недостаточно хорошо владел английским языком, не был знаком с британской политикой и поэтому в значительной степени полагался на избранную группу советников.

---

¹ URL: <https://www.flickr.com/photos/ukhouseoflords/51902242747/> (accessed 14.02.2024)

Тогда часть наиболее доверенных лиц, составлявших Исполнительный комитет Тайного совета, стала собираться в отсутствие государя, сообщая ему свои решения постфактум. Таким образом, существование и круг полномочий этого основного органа исполнительной власти никак не регулируется, но полностью основан на конвенциях, соблюдение которых зависит от правовой культуры политической элиты страны. Как показано в карикатуре на рис. 8, король опирается на Великую хартию вольностей 1215 г., появившуюся в результате восстания баронов против короля Иоанна Безземельного (1199–1216), и законы, «написанные кровью» предков, чьи черепа находятся под тронном. Но, принимая решения, он прислушивается к мнению своего окружения (Тайного совета). Таким образом, здесь снова находит отражение особенность британской правовой культуры – сочетание писаного и неписаного права, уважение к традициям и необходимость достижения соглашений по возникающим вопросам.

Рис. 8. Т. Роулэндсон. Тайный совет короля¹

Яркий пример того, как эта правовая культура трансформируется под влиянием времени и экстраординарных ситуаций, – процесс выхода Великобритании из состава ЕС. Деятельность Кабинета министров зиждется на двух краеугольных камнях: солидарности и коллек-

¹ URL: <https://artsandculture.google.com/asset/yAEmHlolugOokA> (accessed 14.02.2024).

тивной ответственности. Изначально это означало, что образующие кабинет высшие должностные лица правительства коллективно обсуждают текущие вопросы, при этом они могут свободно отстаивать собственные взгляды, поскольку все заседания Кабинета проходят в закрытом режиме и никогда не становятся достоянием общественности. Однако после того, как кабинет приходит к единому решению, все его члены обязаны отстаивать и реализовывать это решение, даже если были с ним не согласны. Если кто-то из министров к этому не готов, он должен уйти в отставку. Однако традиция солидарности оказалась под угрозой в условиях дебатов по вопросу о Брекзите. Тогда часть Кабинета министров консерваторов выступала за выход из ЕС, в то время как премьер-министр и большинство кабинета – за сохранение членства. В результате премьер-министр Д. Кэмерон приостановил действие конвенции о коллективной ответственности кабинета министров на время кампании референдума 2016 г. После того как премьер-министром стала Т. Мэй, министры в ее кабинете продолжили публично озвучивать свое отношение к Брекзиту, не согласующееся с позицией Кабинета. Это дало основание для некоторых исследователей утверждать, что не только сама конвенция перестала существовать, но произошло изменение традиционной культуры поведения членов правительства Великобритании [Russell, Cowley, 2018, p. 24].

Однако такие утверждения оказались преждевременными, поскольку с приходом Б. Джонсона, инициировавшего досрочные выборы и сформировавшего лояльный ему кабинет, конвенция возобновилась, хотя и не в полной мере, поскольку все ключевые решения он принимал лично без обсуждения с членами своего кабинета. Впрочем, нельзя сказать, что это означает трансформацию конвенции, поскольку подобные прецеденты случались и в прошлом при сильных лидерах, таких как У. Черчилль. Иными словами, в данном случае следует говорить не об изменении традиций или культуры, а о стиле управления конкретного премьер-министра, который отражается не только в том, кто и как принимает решения, но даже в том, в какой день проходит заседание Кабинета и сколько времени оно длится. Таким образом, Брекзит оказался не более чем кратковременным шоком, который не смог разрушить политическую систему страны [Baldini, Bressanelli, Massetti, 2022, p. 339], поскольку культурные традиции и нарративы

уходят корнями слишком глубоко в историю и потому устойчивы к временным потрясениям.

Еще одним ярким примером, демонстрирующим особенности правовой культуры британской политической элиты, является региональная политика. Начиная с 1997 г. в Королевстве началась реформа, направленная на постепенное расширение автономии регионов (Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии). Однако на первых порах постоянно возникали сомнения относительно того, кому принадлежат те или иные полномочия (центральному или региональному правительству). Принятой практикой разрешения этих вопросов стали неформальные совещания государственных служащих, иногда с привлечением генерального прокурора для юридических консультаций. Таким образом, здесь снова проявилась традиционная британская культура приверженности «кулуарным» переговорам. Характерно, что в данном случае эту практику применяли именно государственные служащие без привлечения соответствующих министров [Коданева, 2023а, с. 254].

Затем лорд Сьюэл сформулировал правило, согласно которому парламент страны не будет принимать законы по делегированным регионам вопросам без согласия регионального законодательного органа. Однако в процессе выхода Великобритании из состава ЕС эта конвенция была нарушена, а Верховный суд в деле Миллер 2017 г.¹ прямо указал на то, что она не является юридически обязательной и не подлежит судебной защите. Эта ситуация имела куда более серьезные последствия, чем нарушение конвенции о коллективной ответственности, поскольку затрагивала интересы регионов, побуждая их поднимать вопрос о сецессии. Тем не менее традиционная британская культура восторжествовала и на сей раз: правительство создало механизм согласования интересов (Объединенный министерский комитет по передаче полномочий). В задачи комитета входит обсуждение с привлечением экспертов вопросов и разграничении полномочий между центром и регионами и выработки «Общих рамок» правового регули-

---

¹ JUDGMENT R (on the application of Miller and another) (Respondents) v Secretary of State for Exiting the European Union (Appellant) // The Supreme Court. – 2017. – 24.01. – URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf> (date of access: 11.02.2023).

рования, подробнее об этом см.: [Коданева, 2023в]. Но, что важно, в результате работы комитета было принято только три новых закона. Все остальные решения обрели форму соглашений – конкордатов (аналог конституционных конвенций, но только заключенных между центральным и региональным правительствами).

Заключение

Подводя итог, следует признать, что британская конституционная система, построенная на сочетании жестких писанных источников права и гибких неформальных соглашений, является довольно специфичной для современного мира. Подобные системы можно встретить только в странах англосаксонской правовой семьи, преимущественно бывших колониях Британской империи. Но и в них основу и стержень конституционной системы всегда образует кодифицированная конституция. Представляется, что ни в одной другой стране мира система, подобная британской, не смогла бы обеспечить необходимую стабильность и надежность, сохранение демократического режима и защиту прав человека. Причина такого своеобразия британской конституционной системы заключается в особой правовой культуре, являющейся одним из элементов общечеловеческой культуры британской политической элиты, сочетающей рассмотренные выше ключевые элементы: гордость за свою историю и традиции, рациональность, ценность сохранения хорошей репутации и приверженность к неформальным переговорам и соглашениям для разрешения любых возникающих вопросов и противоречий.

Список литературы

Андреева Г.Н. Архитектурные образы конституции: созидать, реконструировать или разрушать? // Вестник культурологии. – 2021а. – № 2(97). – С. 8–31. – DOI: 10.31249/hoc/2021.02.01

Андреева Г.Н. Конституционный механизм в зеркале зарубежной карикатуры // Вестник культурологии. – 2021б. – № 4(99). – С. 179–200. – DOI: 10.31249/hoc/2021.04.10

Андреева Г.Н. Конституция как важная составная часть культурного наследия // Вестник культурологии. – 2023. – № 4(107). – С. 163–178. – DOI: 10.31249/hoc/2023.04.09

Коданева С.И. Брекзит: сепаратизм, популизм и социальная трансформация британского общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 98–117. – URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-5> (дата обращения 14.02.2024).

Коданева С.И. Политика управления регионами в Британии: история и современность // Россия и современный мир. – 2023а. – № 3. – С. 242–260. – DOI: 10.31249/rsm/2023.03.15

Коданева С.И. Роль экологического правосознания в формировании экологической культуры населения России // Московский юридический журнал. – 2023б. – № 3. – С. 24–32. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54936436>.

Коданева С.И. Брекзит: причины, предпосылки и правовые последствия : монография / РАН, ИНИОН, Отд. правоведения ; отв. ред. к.и.н. Т.Г. Пархалина. – Москва : ИНИОН РАН, 2023в. – 182 с. – ISBN: 978-5-248-01069-1. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54215125>

Кожевников В.В. Правовой обычай как юридический источник семьи общего (прецедентного) права // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 35. – С. 56–75. – DOI: 10.17223/22253513/35/5

Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 70–81.

Baldini G., Bressanelli E., Massetti E. Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system // International Political Science Review. – 2022. – Vol. 43, N 3. – P. 329–344. – URL: <https://doi.org/10.1177/0192512120967375> (date of access 14.02.2024).

Barber N.W. The Political Constitution: Constitutional Conventions Get access Arrow // The United Kingdom Constitution: An Introduction. – Oxford, 2021. – P. 93–113. – URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198852315.003.0006> (date of access 14.02.2024).

Bogdanor V. The British Constitution in the Twentieth Century. – London, 2004. – 770 p. – URL: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263198.001.0001> (date of access 14.02.2024).

Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution. – Roger E. Michener, North Shadeland, Indianapolis, Indiana, 1982. – 392 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-17968-8> (date of access: 14.02.2024).

Frosini J.O., Gilbert M.F. The Brexit car crash: using E.H. Carr to explain Britain's choice to leave the European Union in 2016 // Journal of European Public Policy. – 2020. – Vol. 27, N 5. – P. 771. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20> (date of access: 14.02.2024).

Goldsworthy J. Losing faith in democracy: why judicial supremacy is rising and what to do about it. Launch of policy exchange judicial power project 2015 // Judicial power project. – 2015. – 29 p. – URL: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf> (date of access: 14.02.2024).

House of Commons Green // House of Commons Information Office Factsheet G10. – 2010. – URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-information-office/g10.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Jennings I. The Law and the Constitution. – London : University of London Press, 1938. – 322 p.

Nolan L., Sedley S. The Making and Remaking of the British Constitution. – Blackstone Press Limited, 1997. – 113 p.

Russell M., Cowley Ph. Modes of UK Executive-Legislative Relations Revisited // The Political Quarterly. – 2018. – Vol. 89, N 1. – P. 24. – URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12463> (date of access: 14.02.2024).

Ryder E. Improving the delivery of justice // Family Court Review. – 2019. – Vol. 57, Issue 3. – P. 394. – URL: <https://doi.org/10.1111/fcre.12431> (date of access: 14.02.2024).

Sharpe J. Parliamentary Conventions. – London : The Constitution Society, 2020. – 68 p. – URL: <https://consoc.org.uk/wp-content/uploads/2020/06/Jacqy-Sharpe-FINAL.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Tabarelli M. The influence of the EU and the ECHR on 'parliamentary sovereignty regimes': Assessing the impact of European integration on the British and Swedish Judiciaries // European Law Journal. – 2013. – Vol. 19, N 3. – P. 349. – URL: <https://doi.org/10.1111/eulj.12027> (date of access: 14.02.2024).

References

Andreeva, G.N. Arhitekturnye obrazy konstitucii: sozidat', rekonstruirovat' ili razrushat'? [Architectural images of the constitution: to create, reconstruct or destroy?] In *Vestnik kul'turologii*, no 2 (97), 2021a, pp. 8–31. DOI: 10.31249/hoc/2021.02.01 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Konstitucionnyj mekhanizm v zerkale zarubezhnoj karikatury [The constitutional mechanism in the mirror of foreign caricature]. In *Vestnik kul'turologii*, no 4(99), 2021b, pp. 179–200. DOI: 10.31249/hoc/2021.04.10 (In Russ.)

Andreeva, G.N. Konstituciya kak vazhnaya sostavnaya chast' kul'turnogo naslediya [The Constitution as an important part of the cultural heritage]. In *Vestnik kul'turologii*, no 4(107), 2023, pp. 163–178. DOI: 10.31249/hoc/2023.04.09 (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Brekzit: separatizm, populizm i social'naya transformaciya britanskogo obshchestva [Brexit: separatism, populism and the social transformation of British society]. In *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], V. 14, no 1, 2021, pp. 98–117. URL: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-5> (data obrashcheniya 14.02.2024). (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Politika upravleniya regionami v Britanii: istoriya i sovremennost' [Regional Governance Policy in Britain: History and Modernity]. In *Rossiya i sovremennyy mir*, no 3, 2023a, pp. 242–260. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54936436>. (In Russ.)

Kodaneva, S.I. Rol' ekologicheskogo pravosoznaniya v formirovanii ekologicheskoy kul'tury naseleniya Rossii [The role of environmental awareness in the formation of the ecological culture of the Russian population]. In *Moskovskij yuridicheskij zhurnal*, no 3, 2023b, pp. 24–32. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54215125> (In Russ.)

Kodaneva, S.I. *Brekzit: prichiny, predposylki i pravovye posledstviya : monografiya* / RAN, INION, Otd. pravovedeniya; otv. red. k.i.n.T.G. Parhalina [Brexit: causes, prerequisites and legal consequences : monograph / RAS, INION, Department of Jurisprudence; ed. by Candidate of Historical Sciences T.G. Parkhalin]. Moscow, INION RAN Publ., 2023v. 182 p. ISBN: 978-5-248-01069-1 DOI: 10.31249/brexit/2023.00.00 (In Russ.)

Kozhevnikov, V.V. Pravovoj obyčaj kak yuridicheskij istochnik sem'i obshchego (precedentnogo) prava [Legal custom as a legal source of the family of general (case law)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, no 35, 2020, pp. 56–75. DOI: 10.17223/22253513/35/5 (In Russ.)

Pevcova, E. A. Sovremennye definitivnye podhody k pravovoj kul'ture i pravovomu soznaniyu [Modern definitive approaches to legal culture and legal consciousness]. In *Zhurnal rossijskogo prava*, no 3, 2004, pp. 70–81. (In Russ.)

Baldini, G., Bressanelli, E., Massetti, E. Back to the Westminster model? The Brexit process and the UK political system. In *International Political Science Review*. Vol. 43, no 3, 2022, pp. 329–344. URL: <https://doi.org/10.1177/0192512120967375> (date of access 14.02.2024).

Barber, N.W. The Political Constitution: Constitutional Conventions Get access Arrow. In *The United Kingdom Constitution: An Introduction*. Oxford, 2021, P. 93–113. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198852315.003.0006> (date of access 14.02.2024).

Bogdanor, V. *The British Constitution in the Twentieth Century*. London, 2004. 770 p. URL: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263198.001.0001> (date of access 14.02.2024).

Dicey, A.V. *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Roger E. Michener, North Shadeland, Indianapolis, Indiana, 1982. 392 p. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-1-349-17968-8> (date of access: 14.02.2024).

Frosini, J.O., Gilbert, M.F. The Brexit car crash: using E.H. Carr to explain Britain's choice to leave the European Union in 2016. In *Journal of European Public Policy*, Vol. 27, no 5, 2020, p. 771. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2019.1676820?journalCode=rjpp20> (date of access: 14.02.2024).

Goldsworthy, J. Losing faith in democracy: why judicial supremacy is rising and what to do about it. Launch of policy exchange judicial power project 2015. In *Judicial power project*. 29 p. URL: <http://judicialpowerproject.org.uk/wp-content/uploads/2016/10/Losing-Faith-in-Democracy-Lecture.pdf> (date of access: 14.02.2024).

House of Commons Green. In *House of Commons Information Office Factsheet G10*. 2010. URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-information-office/g10.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Jennings, I. *The Law and the Constitution*. London, University of London Press Publ., 1938. 322 p.

Nolan, L., Sedley, S. *The Making and Remaking of the British Constitution*. Blackstone, Blackstone Press Limited Publ., 1997. 113 p.

Russell, M., Cowley, Ph. Modes of UK Executive-Legislative Relations Revisited. In *The Political Quarterly*, Vol. 89, no 1, 2018, p. 24. URL: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12463> (date of access: 14.02.2024).

Ryder, E. Improving the delivery of justice. In *Family Court Review*, Vol. 57, Issue 3, 2019, p. 394. URL: <https://doi.org/10.1111/fcre.12431> (date of access: 14.02.2024).

Sharpe, J. *Parliamentary Conventions*. London, The Constitution Society Publ., 2020. 68 p. URL: <https://consoc.org.uk/wp-content/uploads/2020/06/Jacqy-Sharpe-FINAL.pdf> (date of access: 14.02.2024).

Tabarelli, M. The influence of the EU and the ECHR on ‘parliamentary sovereignty regimes’: Assessing the impact of European integration on the British and Swedish Judiciaries. In *European Law Journal*, Vol. 19, no 3, 2013, p. 349. URL: <https://doi.org/10.1111/eulj.12027> (date of access: 14.02.2024).

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-3; 159.923.2

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Комалова Л.Р.^{*1}, Сергеев С.С.^{*2}

КОЛОМЕЙСКИЙ ДОН ЖУАН: НАБРОСКИ К МНИМОЙ ОТНОШЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. В статье предпринята попытка описания отношенческой идентичности с опорой на текст новеллы Леопольда фон Захера-Мазоха «Коломейский Дон Жуан». Новелла представляется текстом,

---

^{*1} **Комалова Лилия Ряшитовна** – доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук; профессор Кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета; Москва, Россия, komalova@inion.ru

Komalova Liliya Ryashitovna – DSc in Philology Habil. (Linguistics), Associate Professor, Head and Leading Research Fellow of the Centre of Emerging Practices at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Applied and Experimental Linguistics at Moscow State Linguistic University; Moscow, Russia, komalova@inion.ru

^{*2} **Сергеев Сергей Сергеевич** – ведущий специалист Центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия, inioncepsss@mail.ru

Sergeev Sergey Sergeevich – Leading Specialist of the Centre of Emerging Practices at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, inioncepsss@mail.ru

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

иллюстрирующим один из частных художественных взглядов автора на тему «любовь». Отношенческая идентичность рассматривается нами как общий термин для разнородного поля процессов, протекающих в отношениях в паре. Применительно к этому в рассказе героя новеллы Деметриуса разворачивается нарратив, формирующий отношенческую идентичность, но ее морфология, кажется, скрыта от самого рассказчика, он застревает в представлениях о романтической влюбленности как обязательном требовании к партнеру и отказывается от развития себя в отношениях и от развития отношений.

Ключевые слова: отношения в паре; Захер-Мазох; идентичность; отношенческая идентичность; новелла; рассказ; нарратив.

Получена: 05.02.2024

Принята к печати: 01.03.2024

Для цитирования: Комалова Л.Р., Сергеев С.С. Коломейский Дон Жуан: наброски к мнимой отношенческой идентичности // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 192–207. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Komalova L.R., Sergeev S.S.

Don Juan of Kolomea: outlines for an imaginary relational identity¹

Abstract. The paper attempts to describe relational identity based on the novella by Leopold von Sacher-Masoch “Don Juan of Kolomea”. The novella appears to be a text illustrating one of the author’s private artistic views on the topic of “love.” We consider relational identity as a general term for a heterogeneous field of processes occurring in couple relationships. According to this, in the story of the hero Demetrius, the unfolding narrative forms a relational identity, but its morphology seems to be hidden from the narrator himself: he gets stuck in the idea of romantic falling in love as a mandatory requirement for a partner and refuses to develop himself in relationships and from the development of relationships themselves.

---

¹ The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «The latest trends in the development of humanitarian thought in Russia and the West: philosophical movements, the development of Cultural Studies and the spiritual life of society in the digital era».

Keywords: couple relations; Sacher-Masoch; identity; relational identity; novella; narration; narrative.

Received: 05.02.2024

Accepted: 01.03.2024

For quoting: Komalova L.R., Sergeev S.S. Don Juan of Kolomea: outlines for an imaginary relational identity // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 192–207. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.10

Введение

С конца XIX в. в науках о человеке начала складываться практика, в основе которой лежит исследовательская и аналитическая работа с различными произведениями художественной литературы. В частности, в психоанализе многие специализированные номинации были сконструированы на основе художественных текстов (см., например, комплекс Электры, эдипов комплекс). В современной гуманитарной науке художественные произведения также нередко становятся источником самостоятельных аналитико-исследовательских работ, в результате которых порождаются разного рода языковые конструкты, которые могут в дальнейшем служить для обозначения различных исследуемых феноменов действительности. Так, историческим фактом является то, что творческая работа исследователей над текстами Л. фон Захер-Мазоха породила термин «мазохизм», получивший широкое распространение не только в узкоспециализированных источниках, но и во множестве популярных изданий.

Творчество Леопольда фон Захер-Мазоха вызывает бурные дискуссии и неоднозначные толкования, по-прежнему привлекая внимание как академического сообщества, так и простого обывателя. В частности, Л.Н. Полубояринова рассматривает интертекстуальность работ Л. фон Захер-Мазоха, находя множественные отсылки к произведениям Т. Манна, работам А. Шопенгауэра, диалогам Платона, схожесть тематик в работах Л. фон Захер-Мазоха и И.С. Тургенева (см., например: [Полубояринова, 2007; Полубояринова, Кулишкина,

Сидорченко, 2020])). В массовой культуре произведения автора представлены в семи известных нам киноэкранизациях¹ «Венеры в мехах».

Новелла «Коломейский Дон Жуан» (впервые опубликована в 1866 г.) открывает том «Любовь», состоящий из шести новелл. Л.Н. Полубояринова с опорой на письмо самого Л. фон Захер-Мазоха подчеркивает, что «соотношение новелл внутри отдельных томов <...> должно отвечать следующей закономерности: первые пять произведений “освещают саму проблему в различных ее нюансах, шестая же новелла содержит ответ, решение и вариант примирения” противоречия» [Полубояринова, 2006, с. 5]. Предварительный вывод состоит в том, что новеллу «Коломейский Дон Жуана», по замыслу Л. фон Захер-Мазоха, стоит рассматривать как текст, иллюстрирующий один из частных художественных взглядов автора на общую тему «любовь», освещаемую им в целом в одноименном томе.

В предисловии к тому «Любовь» Л.Н. Полубояринова пишет о новеллах как о способе представить различные аспекты любовных отношений [Полубояринова, 2006, с. 5]. По нашему мнению, применительно к произведениям Л. фон Захер-Мазоха преждевременно говорить об отношениях, так как концептуализация этого аспекта человеческого бытия в художественной литературе стала наблюдаться лишь в начале XX в. Простым наглядным свидетельством тому служит обращение к коллекции литературы Google Books². На рисунках 1–4 представлено частотное распределение источников по ключевым словам «любовь» и «отношения в паре» для немецкого, испанского, английского и русского языков. По рисункам видно, что по сравнению с «любовью» «отношения в паре» в период с 1800 по 2019 г. практически не номинированы в художественной литературе на соответствующих языках. При этом в литературе на немецком языке первое употребление слова «Paarbeziehung» в данной коллекции датиру-

---

¹ La Vénus à la fourrure (2013) – режиссер Роман Полански (Франция, Польша), Mpireul ireun bineoseu (2012) – режиссер Сон Е-сон (Южная Корея), Venus in Furs (1994) – режиссеры Виктор Ньяенхейс и Мартъе Сейферт (Нидерланды), Verführung: Die grausame Frau (1985) – режиссеры Эльфи Мишек и Моника Тройт (Германия), Venus in Bont (1974) – режиссер Джон Хартнет (Нидерланды), Le malizie di Venere (1969) – режиссер Массимо Делламанно (ФРГ, Швейцария, Италия), Venus in Furs (1967) – режиссер Джозеф Мардзано (США).

² URL: <https://books.google.com/ngrams/>

ется 1919 г., на испанском языке словосочетание «relación de pareja» появляется в 1920 г., на английском языке «couple relations» – в 1950 г., на русском языке «отношения в паре» – в 1957 г. (рис. 5–8).

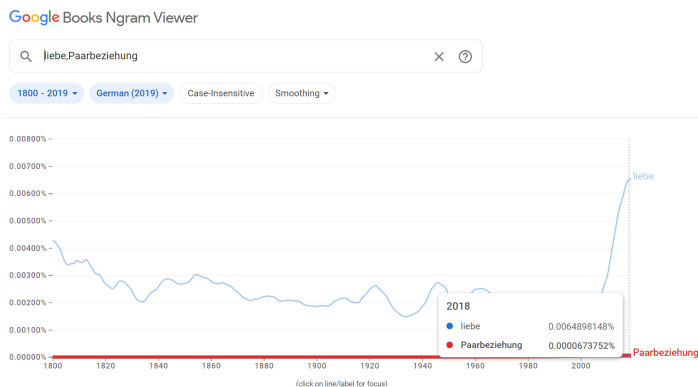

Рис. 1. Частотное распределение слов по запросу «Liebe, Paarbeziehung»

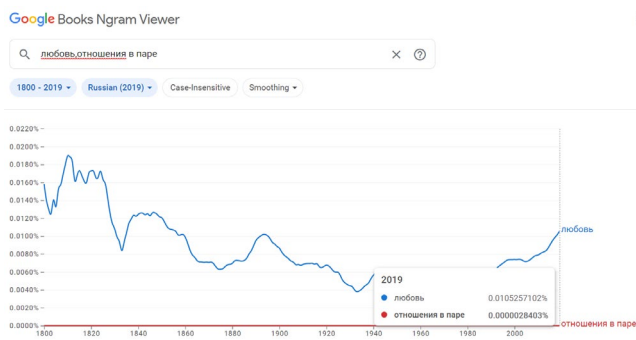

Рис. 2. Частотное распределение слов по запросу «любовь, отношения в паре»

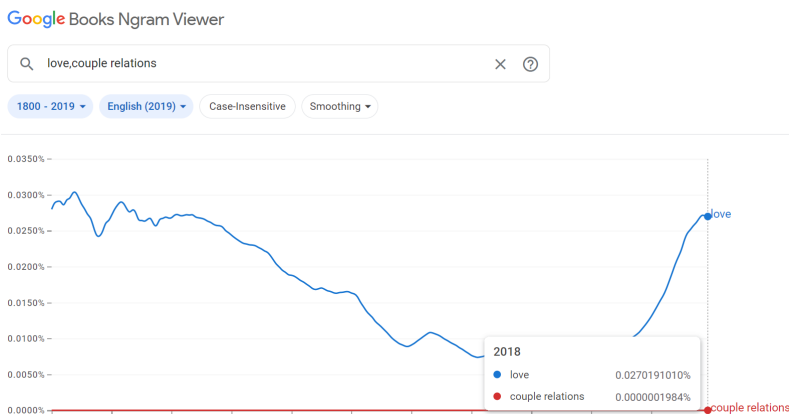

Рис. 3. Частотное распределение слов по запросу «love, couple relations»

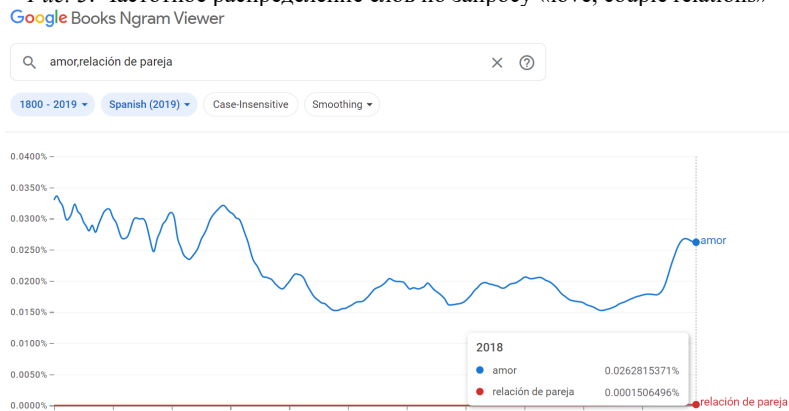

Рис. 4. Частотное распределение слов по запросу «amor, relación de pareja»

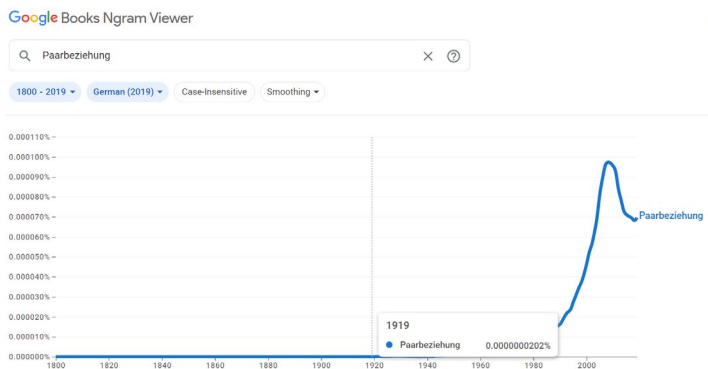

Рис. 5. Первое употребление слова «Paarbeziehung»

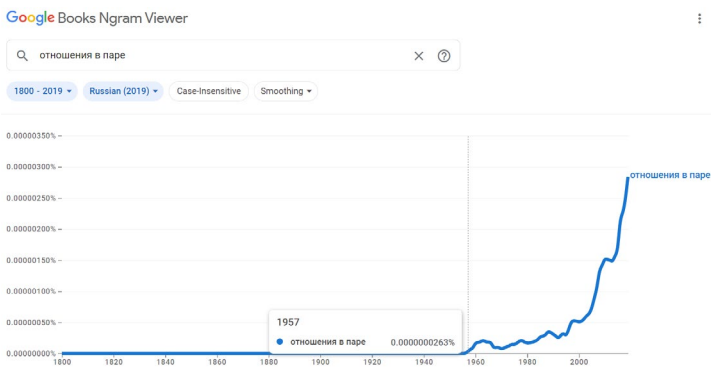

Рис. 6. Первое употребление словосочетания «отношения в паре»

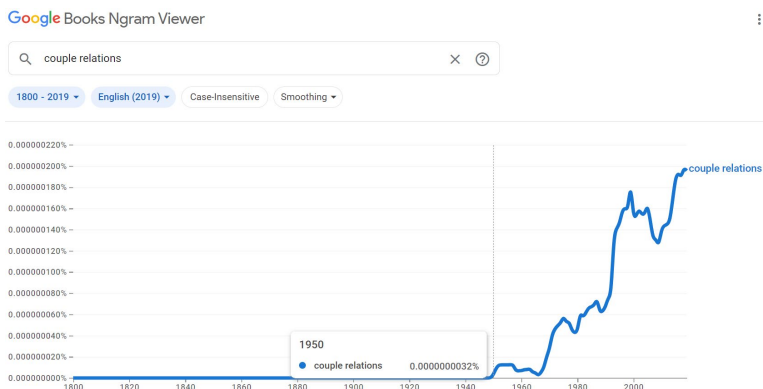

Рис. 7. Первое употребление словосочетания «couple relations»

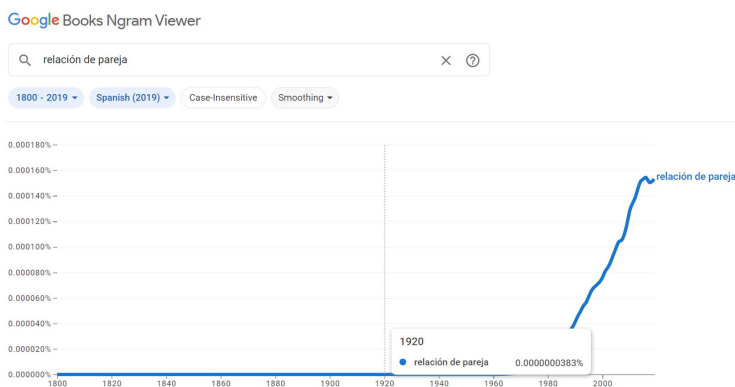

Рис. 8. Первое употребление словосочетания «relación de pareja»

Отношенческая идентичность как становящееся явление

Развивая исследовательское направление «дискурс отношений в паре»¹, при работе с различными текстовыми источниками мы часто встречаем словосочетание *relational identity*, которым авторы помечают некие процессы и феномены, проявляющиеся в практике взаимоотношений в паре. При этом номинация *relational identity* остается

¹ Работа в этом направлении ведется авторами статьи с 2006 года.

аморфной, не оформленной в устойчивое понятие. Во многих источниках при переводе на русский язык это словосочетание обозначается как «отношенческая идентичность».

Дэвид Сласс и Блэйк Эшфорс видят истоки отношенческой идентичности в природе ролевых отношений: отношенческая идентичность – это то, как люди разыгрывают свои роли по отношению друг к другу [Sluss, Ashforth, 2007, p. 11]. Отношенческая идентичность, по их мнению, отвечает на вопрос «Какова природа наших отношений?» Авторы выдвигают ряд предположений, в том числе и то, что, реализуя свои роли и индивидуально-личностные особенности, партнеры взаимно созидают отношенческую идентичность так, что она является нечто большим, чем суммой личностных и ролевых особенностей каждого из партнеров. Отношенческая идентичность описывает ситуацию, когда взаимодействие с разными людьми как будто вызывает к жизни разные версии нас самих [Хачатрян, 2015]. Добавим, что отношенческая идентичность «обитает» в паре, а не распределена между партнерами. Как пишет Карл Витакер, «то, что супруги вложили друг в друга, нельзя забрать назад» [Витакер, 1998, с. 47].

Следуя Эрику Эриксону, можно констатировать, что «термины “идентичность” и “кризис идентичности” и в широком, и в научном употреблении описывают нечто столь широкое и на первый взгляд самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придирается; в то же время иногда они применяются столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой. <...> Иными словами, многозначный термин стал употребляться ритуально» [Эриксон, 1996, с. 24]. Следовательно, словосочетание «отношенческая идентичность» может пониматься как общий термин для разнородного поля процессов, происходящих в отношениях в паре.

Построение идентичности сквозь фабулу произведения

Сюжетный центр новеллы «Коломейский Дон Жуан» составляет рассказ о себе боярина Деметриуса. Стечение обстоятельств сводит его в кабаке с незнакомцем и дает повод озвучить свою историю «несчастливого супружества» (так Деметриус сам называет свое душевное состояние). Боярин предстает фольклористом, «популяризирую-

щим» свое бытие среди случайных встречных. Однако этот рассказ, по первому прочтению приглашающий к пониманию, у чуткого к отношениям человека вызывает больше отторжение, чем принятие.

С первых строк Деметриус описывается как человек, вызывающий всеобщее внимание: то своим поведением и манерами (...*приезжий входил в корчму задом; ...попросил позволения набить свою трубку. Курили мужики, дьячок, курила печь, а он все-таки просил позволения!*), то привлекательной внешностью (*Этот мужчина должен был нравиться женщинам. ...благороден, строен и прекрасен, а энергичная гибкость и прочность сложения проглядывали в малейшем движении... ...мне самому доставляло удовольствие глядеть на него*). Он как бы «ищет» благодарной публики и с легкостью рассказывает о своих «любовных похождениях», не раскрывая при этом своей души, будто прячась за ширмой условно мужской идентичности ловеласа, покорителя женских сердец, вырисовывая образ желанного избранника для женщин и ненавистного противника для мужчин (*Это опасный человек, – шепнул мне Мошку через стол, – очень опасный. <...> Мошку имел в виду женщин. Видели, как он поспешил удалить свою жену? Этот элемент так легко воспламеняется*). Интересно и то, что такое поведение Деметриуса можно интерпретировать как вербализацию проблематичной ситуации, своего рода «крик о помощи», просьбу выслушать его, исходя из другой позиции, отличной от позиции незнакомца с большой дороги, которому безразлична личная «трагедия» рассказчика; брошенной любовницы, которая жаждет воссоединиться с объектом обожания и поэтому внемлет любому его слову; обманутого мужа, обуреваемого яростью и вынужденного избегать обидчика, не имея возможности ему отомстить. Он и сам как бы иронизирует над собой: *...такой ловелас, как я, он ведь лишь наполовину ловелас из сладострастия, наполовину же – из тщеславия. Если б мои похождения никому не были известны, я считал бы себя несчастнейшим человеком на свете*. Будь это реальный разговор, специалист по душевным недугам истолковал бы его как поиск запроса на сопровождение отношений или на индивидуальную терапию души.

Отметим, что большая часть текста новеллы (80,4%) – это рассказ (прямая речь) от лица Деметриуса. Полагаем, что беседу Деметриуса и рассказчика можно рассматривать как прототип ситуации консультации одного из супругов, в рамках которой консультант выступает по

большей части слушателем истории, рассказываемой клиентом. Что же описывается этой прямой речью? В практике психотерапии (в частности в рамках нарративной практики) предполагается, что в определенном типе консультативных бесед посредством прямой речи рассказчиков описывается то, что рядом исследователей называется «отношенческой идентичностью» [White, 2007, p. 261].

Внешне социально устроенный взрослый мужчина – владелец поместья, отец троих детей, охотник, делец – в психологическом развитии предстает перед нами в роли юноши (*Он был уже не первой молодости, но его веселые голубые глаза напоминали глаза беззаботного мальчика*), застрявшего на этапе первой влюбленности (*Так жили мы между собой, как две ласточки, сидели вдвоем и щебетали*), не желающего от нее отказываться (это особенно явственно читается в том, как ревностно Деметриус описывает поведение жены по отношению к нему и ребенку: *...Я стою на крыльце; на горизонте зарево; мимо забора едет крестьянин верхом и кричит мне: “Революция!” – и гонит свою тощую лошаденку далее. В деревне быют тревогу. <...> Целая толпа собирается на мой двор: “Барин! Мы пришли к тебе – поляки идут”. Я заряжаю свой пистолет, вешу наточить саблю, вбегаю к жене и говорю: “Дай мне ленточку или хоть тряпку какую для фуражки, только темно-желтую”. Уа-уа! бай-бай! И поверите ли? “Убирайся отсюда, – кричит она, – ребенок плачет, умирает, скорей поезжай в деревню, прикажи прекратить набат, иди же – скорее”. – “О! Теперь извини, я прикажу бить набат по всем деревням, пусть твой баловень кричит, знай, что отечество в опасности”.*), можно даже сказать, по-детски требующего от внешнего мира в лице женщин каждый раз воспроизводить сцены юношеской влюбленности и первой страсти.

Его метафора счастья как аренды недвижимого имущества указывает на представление о конечности любовной тяги, которую ничем не восполнить. Решение, которое он видит наиболее приемлемым, – это развод. Так же и с арендатором: при завершении срока аренды, арендатор оставляет помещение «истощенным» (у любви есть срок жизни, психологи помечают кризисы супружеских отношений на этапе первого, третьего, седьмого года брака / совместной жизни). Он и сам в метафорическом описании счастья говорит об этом: *Арендатор выпахает поле, вырубит лес, испортит луга, не заботится о дорогах,*

равнодушно смотрит, как валятся сараи, как ежеминутно может завалиться и конюшня, наконец, и барский дом грозит падением – отлично! превосходно! Такой арендатор пожил, наслаждался. Вот вам и счастье! Интересно, что в этом описании просматривается некоторый пространственно-инфраструктурный абрис модели отношений: поле, лес, луга, дороги как внешняя социальная канва – представленность партнеров и пары вовне, связь с социальным окружением; сараи, конюшня, барский дом – внутренний мир пары, элементы, формирующие целостность приватной жизни пары. И собственник выступает тем, кто создает и поддерживает эту отношенческую инфраструктуру (см., например: [Сергеев, Комалова, 2017]). Однако в отношениях с супругой Деметриус не реализует себя как «собственник» (*Собственник, рассчитывающий навсегда остаться в имении, смотрит за порядком, удобряет поле, бережет старый лес, заказывает молодой, исправляет дороги – ему надо же заботиться о будущем, о своих детях*). Вместо того чтобы проявить агентивность, работать над отношениями, Деметриус приписывает вину за завершение счастливой семейной жизни внешним обстоятельствам – появлению ребёнка (*...отчего супружества несчастливы? <...> Что причиной? Дети!*). А неопытность в отношениях объясняет отсутствием полового воспитания (образования) (*...как всё делается у нас... даже прислуга никогда не говорила о таких вещах; вырастешь, показывается пушок на бороде, и не понимаешь, отчего так сердце бьется, как увидишь женщину*).

Такое представление указывает на незрелость Деметриуса в вопросах отношений между мужчиной и женщиной, на отсутствие представлений о развитии и преобразовании отношений, о взаимном изменении партнеров. В терминологии Эллин Байдер и Питера Пирсона, судя по описанию, он не желает покидать стадию симбиоза, в то время как их отношения с супругой переходят на стадию дифференциации. Партнер на стадии симбиоза чувствует угрозу и предательство (*Но жена – она ежеминутно может бросить меня; Но не осталось все как было...*), его требования практически не встречают эмпатию со стороны другого партнера (*Хотелось бы поговорить. С кем? С женой? Как бы не так. Залог любви [ребенок] ревет что есть сил из-за того, что муха села ему на нос; «Прошу тебя, пожалей меня, возьми кормилицу к своему ребенку»*). Она отрицательно качает головой).

гнев, печаль и отчаяние воспринимаются как разочарование в романтических иллюзиях (*Нрав мой, видимо, изменился. Что же делать, нрав поневоле испортится; ...с самого начала мужчина и женщина, собственно, созданы для обоюдной вражды. <...> Природа поставила себе задачей продолжить человеческий род, а по свойственному нам тщеславию и легковерию мы воображаем себе, что она только заботится о нашем счастье. Как бы не так! Едва появится на свет божий ребенок, как конец и счастьем, конец и любви*); стадия дифференциации в отношениях проявляется в том, что супруги учатся выражать свои чувства открыто и ясно (*...она начала скучать в моем обществе*), происходит смещение к внутреннему определению себя как личности с независимыми чувствами, мыслями и желаниями (*«Ты только ночью вспоминаешь обо мне, – вскрикивает она, – за любовницами более ухаживают, а я – я требую любви!»*), устанавливаются ограничения (*Кровать ее стоит в детской, я сплю себе один*). По сюжету новеллы супруги не переходят к конструктивным действиям этой стадии динамики отношений, когда развивается способность мириться с различиями в партнере, супруги научаются не бояться говорить о своих особенностях, четко определяется поле ответственности и прав каждого [Байдер, Пирсон, 2008, с. 279]. По тексту новеллы читается, что жена Деметриуса перешла на этап дифференциации, а он остался на этапе симбиоза.

Интересно, что в рассказе Деметриуса лишь малая часть (всего несколько абзацев текста) уделена тому, что можно было бы действительно назвать похождениями Дон Жуана: *«Вы думаете: вот у старого дурака дома жена и дети, а он собирается развлекать меня рассказом о своих романах, свиданиях и любовных записках!»* И действительно, о «романах, свиданиях и любовных записках» места в его рассказе почти не находится. Речь идет все время о чем-то ином...

По завершении рассказа на вопрос незнакомца *«А в каких отношениях находитесь вы с женой?»* Деметриус отвечает: *«Мы вежливы друг с другом»*, констатируя взаимосвязь супругов на уровне формальностей: у каждого своя жизнь, свой быт, они лишь живут на одной территории. Деметриус полностью переключается на безусловную любовь младшей дочери – ребенка его супруги от другого мужчины (*...девочка понимала, что я ненавижу ее, а между тем я даже не умею выразить вам, как она любила меня. <...> Мало-помалу мы*

стали лучшими друзьями. <...> Она боялась только за меня. <...> И как мы понимали друг друга!) При этом мысли о текущих отношениях с супругой вызывают у него неприятные соматические проявления: *Случается, когда я вспомню то время, ее ...то начинает болеть голова, да, голова болит тогда...*

Заключение

Согласно ряду исследователей, в основе новеллистического цикла «Любовь» Л. фон Захер-Мазоха лежит философия пессимизма Артура Шопенгауэра [Полубояринова, 2006, с. 7]. Можно представить, что текст новеллы есть «сконструированная творческим воображением» [Зильберман, 2015, с. 20] писателя «попытка художественного комментария, иллюстрации к мрачной философии Шопенгауэра» [Михайловский, 1897, с. 229], в которой обнаруживается получившая признание в широкой общественности идея «борьбы полов». При прочтении новеллы складывается впечатление, что Деметриус берет за основу эту идею и выстраивает свой рассказ вокруг доказательства и иллюстрации идеи «борьбы полов», делая ее главным и неоспоримым аргументом в тезисе о «несчастливом супружестве». Он делает это с такой уверенностью и настойчивостью, что поневоле задаешься вопросом, насколько идея «борьбы полов» тотально поглотила Деметриуса, что не дает ему возможности увидеть иные исходы его отношений с супругой. И тогда рамочная тема «несчастливого супружества» оказывается согласованной с иллюстративным авторским замыслом Л. фон Захер-Мазоха. А словосочетание «мнимая отношенческая идентичность», вынесенное нами в название статьи, есть обозначение того эффекта, который возникает как естественный результат и продукт считывания этого возможного авторского замысла.

Рассматривая новеллу «Коломейский Дон Жуан» с позиций отношенческой идентичности персонажа Деметриуса, мы не обнаруживаем ее как таковую. Персонаж оперирует кажущимися образами отношений, застревая в представлениях о романтической влюбленности как обязательном требовании к партнеру и отказываясь от развития себя в отношениях и от развития отношений. В новелле мы обнаруживаем множество описаний, подтверждающих данный тезис и наглядно представляющих необходимость формирования отношенческой иден-

тичности для поддержания здоровых отношений между романтическими партнерами – для достижения «супружеского счастья».

Список литературы

Байдер Э., Пирсон П. В поисках мифической пары: эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар / пер. с англ. и ред. Н.А. Цветковой. – 2-е изд. стереотип. – Москва : Московский психолого-социальный институт, 2008. – 302 с.

Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта / пер. с англ. М.И. Завалова. – Москва : Класс, 1998. – 208 с.

фон Захер-Мазох Л. Коломейский Дон Жуан // *фон Захер-Мазох Л.* Наследие Каина : романы, повести : пер. с нем. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – С. 55–105.

Зильберман Д.Б. К пониманию культурной традиции / отв. ред. О.И. Генисаретский. – Москва : Институт развития им. Г.П. Щедровицкого ; Политическая энциклопедия, 2015. – 623 с.

Михайловский Н.К. Палка о двух концах. [Рец. на:] «Завещание Каина» Л. фон. Захер-Мазоха (1877) // Михайловский Н.К. Сочинения. – Санкт-Петербург, 1897. – Т. 6. – URL: http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_1877_palka_oldorfo.shtml?ysclid=ls0ec9a7ep680952401

Полубояринова Л. «Великие проблемы» Леопольда фон Захер-Мазоха // *фон Захер-Мазох Л.* Наследие Каина : романы, повести / пер. с нем. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – С. 5–30.

Полубояринова Л. Новеллистический цикл Леопольда фон Захер-Мазоха «Наследие Каина»: к семантике заглавия // Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 1 (1). – С. 19–25. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113480>

Полубояринова Л., Кулишкина О.Н., Сидорченко Л.В. Томас Манн и Леопольд фон Захер-Мазох // Литература народов стран зарубежья. – 2020. – № 13(6). – С. 101–105. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17>

Сергеев С.С., Комалова Л.Р. Образы гуманитарных отношений в произведении Антуана де Сент Экзюпери «Маленький принц» // Языковой образ в коммуникации. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 69–84.

Хачатрян М. В поисках автора: субъект в нарративной практике // Журнал практического психолога. – 2015. – № 2 : Нарративная терапия и работа с сообществами: теория и практика. – URL: https://kraidotonline.files.wordpress.com/2018/10/d185d0b0d187d0b0d182d180d18fd0bd-d0bc-d0b0-d0b2-d0bfd0bed0b8d181d0bad0b0d185-d0b0d0b2d182d0bed180d0b0_pdf.pdf

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. Толстых А.В. – Москва : Прогресс, 1996. – 244 с.

Sluss D., Ashforth B. Relational identity and identification: defining ourselves through work relationships // Academy of Management Review. – 2007. – Vol. 32, N 1. – P. 9–32. DOI: 10.5465/AMR.2007.23463672

White M. Maps of narrative practice. – New York ; London : W.W. Norton & Company, 2007. – 304 p.

References

Bajder, E., Pirson, P. *V poiskah mificheskoy pary: evolyucionnyy podhod k diagnostike i psihoterapii par* [In search for mythic pair: evolutionary approach towards diagnosis and couple therapy], trnsl from Engl. & ed. by N.A. Cvetkova. 2nd edition Stereotype. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institute Publ., 2008. 302 p. (In Russ.)

Whitaker, C. *Polnochnye razmyshleniya semejnogo terapevta* [Midnight musing of a family therapist], trnsl from Engl. by M.I. Zavalova. Moscow: Klass Publ., 1998. 208 p. (In Russ.)

von Sacher-Masoch, L. Kolomejskij Don Zhuan [Don Juan of Kolomea]. In: von Sacher-Masoch, L. *Nasledie Kaina: romany, povesti* [Cain's heritage: romans, novels], trnsl. from Germ., Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006, pp. 55–105. (In Russ.)

Zilberman, D.B. *K ponimaniyu kul'turnoj tradicii* [Towards an understanding of cultural tradition], ed. O.I. Genisaretskij. Moscow, G.P. Shhedrovitsky's Development Institute; Political Encyclopedia Publ., 2015. 623 p. (In Russ.)

Mihajlovskij, N.K. Palka o dvuh koncah [A double-edged sword]. [Rev. on:] «Zaveshchanie Kaina» L. fon. Zaher-Mazoha [Cain's heritage: romans, novels by L. von. Sacher-Masoch]. In: Mihajlovskij, N.K. *Sotchineniya. Volume 6* [Works. Vol. 6]. Saint Petersburg, 1897. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlovskij_n_k/text_1877_palka_oldorfo.shtml?ysclid=ls0ec9a7ep680952401 (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N. «Velikie problemy» Leopold'a fon Saher-Mazoha [Leopold von Sacher-Masoch's "Great issues"]. In: von Sacher-Masoch, L. *Nasledie Kaina: romany, povesti* [Cain's heritage: romans, novels], trnsl. from Germ. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ.. 2006, pp. 5–30. (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N. Novellisticheskij cikl Leopold'a fon Saher-Mazoha «Nasledie Kaina»: k semantike zaglaviya [Leopold von Sacher-Masoch's cycle of short stories "Cain's heritage": on the meaning of the title]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, no 1(1), 2007, pp. 19–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113480> (In Russ.)

Poluboyarinova, L.N., Kulishkina, O.N., Sidorchenko, L.V. Tomas Mann i Leopold' fon Saher-Mazoh [Thomas Mann and Leopold von Sacher-Masoch]. *Philology. Theory and Practice*, no 13(6), 2020, pp. 101–105. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.17> (In Russ.)

Sergeev, S.S., Komalova, L.R. Obrazy gumanitarnyh otnoshenij v proizvedenii Antuana de Sent Ekzyuperi «Malen'kij princ» [Human relations' images in "The little prince" story by Antoine de Saint-Exupéry]. In: *Yazykovoje obraz v kommunikatsii* [Language image in communication]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 69–84. (In Russ.)

Khachatryan, M. V poiskakh avtora: subject v narrativnoj praktike [In search of the author: the subject in narrative practice]. In *Zhurnal prakticheskogo psihologa*, no 2, 2015. URL:

<https://kraidotonline.files.wordpress.com/2018/10/d185d0b0d187d0b0d182d180d18fd0bd->

d0bc-d0b0-d0b2-d0bfd0bed0b8d181d0bad0b0d185-d0b0d0b2d182d0bed180d0b0_pdf.pdf
(In Russ.)

Erikson, E. (1996). *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: youth and crisis], transl. from Engl.; general ed. and preface. Tolstykh A.V. Moscow, Progress Publ., 1996. 244 p. (In Russ.)

Sluss, D., Ashforth, B. (2007). Relational identity and identification: defining ourselves through work relationships. In *Academy of Management Review*, no 32(1), 2007. pp. 9–32. DOI: 10.5465/AMR.2007.23463672

White, M. *Maps of narrative practice*. New York; London, W.W. Norton & Company Publ., 2007. 304 p.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 308

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.11

Белянин С.В.*

ОТ ЛЕГЕНДЫ К АНЕКДОТУ И ОБРАТНО: ЛЕГЕНДОЗАВИСИМЫЕ АНЕКДОТЫ О ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Аннотация. С января 2020 по сентябрь 2021 г. автор этой статьи в составе исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» изучал особенности инфодемии – волны слухов и городских легенд, связанных с эпидемией COVID-19. В этом исследовании я предлагаю своеобразную археологию фольклорных текстов (слухов, городских легенд и анекдотов), которые помогали пользователям русскоязычного сегмента интернета переживать пандемию. Я сконцентрируюсь на анализе двух жанров «коронавирусного» фольклора – шутках и городских легендах. Цель исследования заключается в описании причин появления легендозависимых анекдотов и их структурных изменений, необходимых для перехода текста в другой жанр. Для

---

* Белянин Сергей Владимирович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; robispre10@gmail.com

Belyanin Sergei Vladimirovich – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Research Scientist at the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; robispre10@gmail.com

¹ Публикация подготовлена в рамках НИР ЛТФ ИОН ШАГИ РАНХиГС.

реализации исследования мною была составлена база шуток о коронавирусе (603 текста). База содержит тексты шуток, распространявшиеся в социальных сетях с января 2020 по сентябрь 2021 г. Также в исследовании была использована база отобранных с помощью сервиса «Медialogия» слухов и городских легенд из российских социальных сетей (167 сюжетов), подготовленная участниками исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора».

На основе количественного и качественного анализа текстов инфодемии я описал, как устроен легендозависимый анекдот и какие условия необходимы для перехода текста в другой жанр.

Ключевые слова: инфодемия; коронавирус; COVID-19; городские легенды; анекдоты; цифровая антропология.

Поступила: 01.02.2024

Принята к печати: 29.02.2024

Для цитирования: Белянин С.В. От легенды к анекдоту и обратно: легендозависимые анекдоты о пандемии COVID-19 // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 209–228. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.11

Belyanin S.V.

From legend to joke and back: urban legends and jokes about the COVID-19 pandemic

Abstract. From January 2020 to September 2021, the author of the article, as a part of the research group Folklore Monitoring Research Team studied the features of the infodemic – a wave of rumors and urban legends related to the COVID-19 epidemic. In this article, I propose a kind of archeology of folklore texts (rumors, urban legends and anecdotes) that allowed users of the Russian-speaking segment of the Internet to survive the pandemic. I will focus on analyzing two genres of “coronavirus” folklore – jokes and urban legends. The purpose of the study is to describe the reasons for the appearance of legend-dependent anecdotes and the structural changes that are necessary for the text to transition to another genre. To achieve the goals of the study, a database of jokes about coronavirus was compiled (603 texts), which was collected by the author of this study. The database contains joke texts that were distributed on social networks from January 2020 to September 2021. Also I used a database of texts of rumors and urban legends from Russian social networks selected using the “Medialogy”

service (167 stories), prepared by members of the Folklore Monitoring Research Team. Based on a quantitative and qualitative analysis of infodemic texts, the author described how a legend-dependent joke is structured and what conditions are necessary for the text to transition to another genre.

Keywords: Infodemic; coronavirus; COVID-19; urban legend; joke; digital anthropology.

Received: 01.02.2024

Accepted: 29.02.2024

For quoting: Belyanin S.V. From legend to joke and back: urban legends and jokes about the COVID-19 pandemic // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 209–228. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.11

Эта статья имеет, по сути, исторический характер – она построена на наблюдениях 2020–2021 гг. за онлайн-реакцией пользователей соцмедиа на пандемию коронавируса и анализе порожденных ей текстов – городских легенд и анекдотов. За прошедшие с начала пандемии годы российский ландшафт для онлайн-взаимодействий серьезно изменился: например, на территории России был ограничен доступ к сервисам компании Meta (Facebook и Instagram¹) и X (ранее Twitter).

За прошедшие три года было опубликовано множество работ, посвященных социальным последствиям эпидемии коронавируса (см., напр. [Архипова*², 2020; Bruns, Harrington, Hurcombe, 2020; Misinformation During a Pandemic, 2020]).

В статье я предлагаю своеобразную археологию фольклорных текстов (слухов, городских легенд и анекдотов), которые позволяли пользователям русскоязычного сегмента интернета переживать пандемию.

Я сконцентрируюсь на анализе двух жанров «коронавирусного» фольклора – шутках и городских легендах, – чтобы показать, как порой их сюжеты переплетаются до неразличимости. Ретроспективный анализ актуального фольклора (анекдотов, слухов) полезен тем, что в

---

¹ Запрещены на территории Российской Федерации.

² Настоящий материал (информация) произведен, распространен и (или) направлен иностранным агентом Архиповой Александрой Сергеевной либо касается деятельности иностранного агента Архиповой Александры Сергеевны.

ситуации сходных проблем – например, новой эпидемии, природной или техногенной катастрофы известные распространителям фольклорные тексты становятся моделью для осмысления новой проблемы (см. напр.: [Lee, 2014]).

От пандемии к инфодемии

31 декабря 2019 г. в СМИ появилась информация о том, что в китайском городе Ухань, где за пару недель до этого произошла вспышка пневмонии неизвестной природы, появилась новая форма коронавируса. Скоро стало понятно, что болезнь чрезвычайно заразна и может привести к смерти. Китайские власти закрыли Ухань на карантин. Эти меры не остановили вирус, и локальная вспышка переросла в эпидемию с сотнями больных в Азии, Европе, Америке и Австралии.

Если в декабре-январе заразиться за пределами Китая было практически невозможно, то к марту коронавирус начал бурно распространяться по планете, и уже к осени вирус зафиксировали в 192 странах, включая Россию, а количество жертв болезни составило 2,5 миллиона человек¹.

Пандемия вынудила большинство государств ввести беспрецедентные ограничения, которые должны были уменьшить скорость распространения болезни. Власти вводили запреты на передвижения граждан – закрывали границы и объявляли комендантский час.

В России в начале эпидемии вирус распространялся медленно. Первый случай COVID-19 зафиксировали в феврале 2020 г.: больными оказались туристы из Китая. Только 1 марта выявили первый случай заражения внутри страны. Однако 30 марта в России насчитывалось уже 1836 больных коронавирусом. Большинство случаев приходилось на Москву и Санкт-Петербург². Власти сочли болезнь серьезной угрозой, и 25 марта Владимир Путин объявил режим нерабочих дней³, продлившийся в Москве до середины июня 2020 г. На карантин за-

---

¹ Первый год пандемии COVID-19 в цифрах и графиках // Настоящее время. – 2021. – 11.03. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/31145308.html>

² Глава Роспотребнадзора назвала дату первого случая заражения коронавирусом в России // Интерфакс. – 2020. – 22.05. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/709883>

³ Указ президента РФ от 25.03.2020N 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63065> /

крылись школы, университеты и большинство предприятий. Запреты ограничивали и свободу передвижения граждан – в большинстве городов запрещалось выходить на улицу без необходимости, а приезжих из Москвы и Санкт-Петербурга помещали на обязательную «самоизоляцию». Самые строгие противоэпидемические меры ввели в Москве – в городе действовала система электронных пропусков, необходимых для поездок на транспорте, в общественных местах необходимо было носить медицинскую маску. За соблюдением правил следили, а нарушителей санитарного режима штрафовали. Противоэпидемические меры оказались эффективными для сдерживания болезни, но повлекли негативные социально-экономические последствия, поэтому в начале июня часть ограничений отменили.

Восстановление социальной жизни ускорило распространение болезни, и в середине октября в России вновь ввели санитарные ограничения, на этот раз более мягкие¹.

К апрелю 2021 г. тон официальных спикеров и СМИ, пишущих об эпидемии, изменился – они стали сообщать о появлении нового штамма коронавируса и вызванном им росте заболеваемости. Власти стали настойчиво продвигать программу обязательной вакцинации от COVID-19², однако она вызвала волну недовольства россиян, которые активно протестовали против прививок. Саботаж вакцинации привел к тому, что в конце сентября 2021 г. в России начался новый пик заболеваемости коронавирусом, который сопровождался новыми ограничениями³. Общественное недовольство вынудило российские власти отказаться от санитарных ограничений, и в декабре 2021 г. противоэпидемические меры приобрели рекомендательный характер.

В результате этих колебаний государственной политики и медийного дискурса в течение года сохранялась ситуация неопределенности, когда россиянам не было ясно, существует ли угроза, и если существует, как от нее защищаться. Доступным для них способом справиться с тревогой стало распространение фольклорных текстов, которые объясняли причины появления вируса и предлагали простой спо-

---

¹ Козловский С. Итоги 2020: как развивалась пандемия коронавируса в России в графиках // Русская служба BBC. – 2020. – 24.12. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-55429344>

² URL: <https://www.rbc.ru/society/18/01/2021/60023dd99a79476fd437dd45>

³ URL: <https://www.rbc.ru/society/28/04/2022/6267cced9a7947fd8c710dff>

соб профилактики и лечения болезни. Аналитики медиа изучали каскады или «сетевые карты» трансмиссии коронавирусных фейков в Twitter. Они построили модель, которая позволила сравнить скорость распространения недостоверной информации и медицинской статистики. [A first look at COVID-19 ... , 2020].

В российских соцсетях с января по май 2020 г. исследовательская группа «Мониторинг актуального фольклора» зафиксировала два миллиона репостов слухов и городских легенд о коронавирусе [Пути российской инфодемии ... , 2020]. Вал недостоверной информации о болезни заставил «Всемирную организацию здравоохранения» объявить слухи и городские легенды опасностью, способной дискредитировать борьбу с пандемией.

По оценке исследователей, слухи о болезни снижают восприимчивость людей к медицинской пропаганде и повышают риск распространения инфекции (см., напр.: [Goldstein, 2004]).

Взрывное распространение недостоверной информации о болезни стало частью социального кризиса, спровоцированного эпидемией COVID-19¹. Постепенно слухи, городские легенды и псевдомедицинские советы, которые вначале помогали символически защититься от болезни, стали дополнительным источником стресса. Пользователи оказались в ситуации серьезного информационного давления и были вынуждены адаптироваться. В ответ на это давление они выработали «фольклорные антитела» – нарративы, опровергающие или высмеивающие содержание слухов.

«Фольклорным антителам», или «антилегендам», посвящена эта статья. Материалами исследования стала база слухов и городских легенд (167 микросюжетов), собранная участниками исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора», и база шуток о коронавирусе (603 текста), которую собрал автор настоящего исследования.

---

¹ Совместное заявление ВОЗ, ООН, ЮНИСЕФ, ПРООН, ЮНЕСКО, ЮНЭЙДС, МСЭ, инициативы ООН «Глобальный пульс» и МФКК от 23 сентября 2020 «Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации». – URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation/>

База содержит тексты шуток, распространявшихся в социальных сетях с января по сентябрь 2021 г.

«Вирус» городской легенды

В России фольклористика традиционно занималась изучением устного народного творчества – песен, частушек и сказок, бытовавших преимущественно среди необразованного сельского населения. Такие образцы народного творчества считались отражением национальной культуры и достойным предметом изучения. Однако урбанизация и последовавшее за ней исчезновение традиционных форм сельской жизни привели к тому, что в поле исследовательского интереса попали тексты, не характерные для деревенской традиции, но имеющие все признаки фольклора. Такие тексты бытуют устно, имеют устойчивую структуру и, как правило, анонимны. В 1995 г. Сергей Неклюдов предложил термин *постфольклор* в качестве общего обозначения для текстов, существующих по фольклорным моделям, но не подпадающих под формальное определение фольклора [Неклюдов, 1995]. К постфольклору относятся разнообразные письменные формы – например, девичьи или дембельские альбомы и интернет-фольклор.

Одним из жанров постфольклора являются слухи и городские легенды. В современной фольклористике городской легендой называют нарратив, сообщающий о каком-то аспекте современной жизни, правдоподобном для рассказчика, но на самом деле являющийся ложным [Ellis, 1997]. Городская легенда становится объектом академического интереса фольклористов и социальных антропологов в 1960-е годы.

Исследователи составляют первые коллекции городских легенд и пытаются объяснить причины популярности того или иного сюжета. В качестве интерпретативной модели они обращаются к психоанализу.

В рамках такого подхода предполагается, что слух или городская легенда содержат некоторое скрытое сообщение, выражающее тревоги аудитории [Дандес, 2003]. Психоаналитические интерпретации легенд зачастую оказываются произвольными и часто неверифицируемыми [Кирзюк, 2018; Архипова*, Кирзюк, 2020].

Проблематичность психоаналитических толкований городских легенд в 1990-е годы заставляет исследователей отказаться от поиска

социально-психологических причин популярности того или иного текста и сосредоточиться на поиске когнитивных механизмов, которые заставляют людей лучше запоминать и распространять тексты определенного содержания и структуры (см., напр.: [Буайе, 2019]). В рамках такого подхода фольклорные тексты представляются как своеобразный вирус, паразитирующий на когнитивных системах человека [Панченко, 2022; Архипова*, Кирзюк 2020]. Инфекционную метафору предложил биолог и популяризатор науки Ричард Докинз. Биолог назвал элементарную единицу культурной информации мемом – по аналогии с геном, элементарной единицей информации в живых организмах. Мемы, как и гены, передаются от человека к человеку, изменяясь под влиянием естественного отбора, и воспроизводят себя в бесконечном количестве копий [Докинз, 2013]. Согласно этой метафоре, городские легенды и слухи – это своеобразные «вирусы», чья цель – «заразить» новых хозяев, которые передадут легенду дальше, позволив ей выжить в культуре. Жан-Ноэль Капфирер показал, что часто люди передают городскую легенду, даже если сами не верят в содержание текста [Kapferer, 1993]. Для «меметического» подхода вера распространителя в содержание легенды не имеет значения, важен только факт передачи текста от одного носителя к другому. Главный фактор, определяющий, выживет ли тот или иной фольклорный нарратив – это способность текста вызывать эмоции у рассказчика.

Социальный психолог Крис Белл назвал такой механизм передачи текстов эмоциональным отбором. Проведя эксперименты, он показал, что самыми запоминающимися городскими легендами оказались тексты, которые вызвали сильные эмоции у распространителей [Bell, 2002].

Фольклористы указывают на размытость границ между слухами и юмором. Один и тот же сюжет может быть использован как для того, чтобы предупредить собеседника о реальной опасности, так и для того, чтобы развлечь его забавной историей. Линда Дэг отмечает, что слухи, городские легенды и анекдоты хорошо уживаются вместе и часто подпитывают друг друга [Dégh, 1995]. Таким образом, городская легенда и анекдот часто имеют общую коммуникативную функцию. Билл Эллис называет городские легенды, которые претерпели переход в другой жанр (анекдот), «антилегендами» или «фольклорными анти-телами». Переход в другой жанр позволяет тексту пройти эмоцио-

нальный отбор и выжить даже в том случае, когда конкретные распространители ставят содержание легенды под сомнение. Появление «фольклорных антител» становится возможным, когда текст легенды настолько широко распространился, что вызывал усталость аудитории [Ellis, 2002].

В качестве примера рассмотрим, как распространялась легенда о бананах, зараженных COVID-19¹, и юмористический ответ на нее. В январе-феврале, когда очаг болезни находился в Китае, пользователи соцмедиа подозревали китайцев в «инфекционном терроризме». Жителей Китая обвиняли в намеренном заражении посылок и фруктов. Популярным антикитайским нарративом стала легенда о бананах, зараженных коронавирусом (см., напр.: [Белянин, 2020]). Например, такой текст циркулировал в социальных сетях в январе 2020 г.

Филиал Чуньмин Больницы Синьхуа²: вчера в 02:13 погибли 23 человека, которые были заражены вирусом n7n9. Самому старшему было 35 лет, самому младшему год, врачи, имевшие с ними контакт, прошли карантин, по новостям главного канала сообщили: временно не употреблять бананы, особенно привезенные с юга. Как только получите это сообщение, сразу отправьте людям, за которых переживаете, еще лучше отправьте в групповые чаты. Для вашего же здоровья, пожалуйста, пересылайте. Все это наносит вред организму, уменьшите потребление бананов, берегите себя³.

За год легенда о «коронавирусных» бананах набрала в сумме 11 512 репостов, по данным сервиса «Медиалогия»⁴. Легенда о зараженных бананах в январе 2020 г. достигла пика своей популярности и набрала 10 812 репостов. Одновременно с этим появились первые тек-

---

¹Такие легенды принято называть food contamination stories – это тексты, которые рассказывают об опасной еде. К этой группе относятся городские легенды, повествующие о крысах в газированных напитках или зараженной еде в этническом ресторане, см., напр.: [Fine, 1980].

²Тексты городских легенд и анекдотов приведены с сохранением авторской пунктуации и орфографии.

³Пост в Twitter, от 06.03.20. – URL: https://twitter.com/kami_twt/status/1220715728627781635

⁴Были оформлены поисковые запросы в системе «Медиалогия» [<https://www.mlg.ru/>], в которой индексируется свыше 2500 источников. Данные представляют собой 100% репостов за период с 1.02.2020 по 16.04.2020, доступных системе.

сты, высмеивающие ее содержание – например, рекомендации «не закусывать бананами»:

Отец товарища работает в Минздраве. Сегодня вызвали на срочное совещание. Вернулся и сказал родным по секрету, что особым распоряжением Правительства РБ для борьбы с китайским коронавирусом всем мужчинам, которые, в отличие от женщин и детей, наиболее подвержены риску заражения 2019-нCoV, каждый вечер предписано выпивать не менее 250 граммов водки, виски или коньяка. Но лучше всего самогон. Именно он оказывает наиболее мощное, обеззараживающее действие против вируса 2019-нCoV. 0,5л в сутки способны оградить от беды! Опасность реальна, не пренебрегайте простыми правилами безопасности и вы избежите большой беды! Как только получите это сообщение, сразу отправьте людям, за которых переживаете, еще лучше отправьте в групповые чаты. И ни в коем случае нельзя закусывать бананами!!!¹.

В феврале 2020 г. сюжет о зараженных бананах полностью теряет популярность – он набирает всего 58 репостов за месяц.

Таким образом, легенда исчерпала себя и перестала «инфицировать» новых распространителей. Однако текст снова «мутировал» и превратился в анекдот, посвященный празднику 8 Марта.

Теперь «опасность» исходит не от зараженных фруктов, а от подорожавших перед праздниками цветов:

Ребят, короче, пришла новая информация из министерства здравоохранения. Про новый способ передачи коронавируса – передается он через цветы. Не вздумайте подходить к цветам, покупать их, нюхать их по крайней мере до 10 марта².

Эта мутация помогает пройти эмоциональный отбор и вновь набрать популярность – шутка о «зараженных» цветах набирает 135 репостов.

Изменение контекста и усталость распространителей, которая следует сразу за резким ростом популярности городской легенды, вы-

---

¹NanNikalos. Нас не победить! // Pikabu. – 2020. – 01.03. – URL: https://pikabu.ru/story/nas_ne_pobedit_7199658/author

² Личное сообщение от ж. 29 лет, Москва.

нудила текст «мутировать» – в этом случае превратиться в анекдот¹. В изменившихся условиях сюжета проще пройти эмоциональный отбор и распространиться. Это позволило сюжету легенды не исчезнуть полностью, а продолжить существовать в «спящем» виде. Распространение анекдотов взамен слухов позволяет сопротивляться медийному давлению, возникающему из-за какого-либо трагического события, нейтрализует неприятные сообщения и снижает тревожность. Появление таких антилегенд – признак возвращения к нормальной жизни. Их распространение говорит о снижении уровня тревожности и желании людей представить трагедию в качестве нелепой шутки [Ellis, 2005].

***От легенды к анекдоту и обратно:
структура фольклорного «антитела»***

В августе 2020 г. заболеваемость стала быстро расти, и эксперты-эпидемиологи констатировали начало второй волны коронавируса.

В СМИ развернулась дискуссия о необходимости нового карантина. Эти обсуждения спровоцировали в соцмедиа волну панических нарративов о новых ограничениях и введении «самоизоляции». Так, в конце августа – начале сентября пользователи мессенджеров рассылали друг другу паническое предупреждение о том, что 20 сентября² власти Москвы объявят карантин и введут систему электронных пропусков:

Моя врач рассказывала, что ее пациент, работающий в администрации одного из подмосковных городов, стремился к ней до 20 сентября, потому что снова будет изоляция, у них в администрации города готовятся³.

Слухи о том, что Москву «закроют» 20 сентября, распространялись со скоростью пожара в сухой траве: возможный карантин обсуж-

---

¹ Как замечает Ян Хованец, медийные катастрофы дают людям, которые могут быть физически или когнитивно далеки от самих событий, возможность рассказать о своей неудовлетворенности другими вещами [Chovanec, 2019].

² Подобные нарративы циркулировали и в самом начале пандемии, например, в конце февраля 2020 г. пользователи социальных сетей предупреждали друг друга о том, что после февраля сразу наступит март.

³ Рассылка в мессенджере WhatsApp, 12.08.2020.

дали на работе, в такси или в родительском чате. Массовое распространение легенды спровоцировало панику и заставило мэра Москвы и главу штаба по борьбе с коронавирусом, Сергея Собянина, опровергать слухи о пропусках и карантине¹. Однако одновременно с этим в соцмедиа начали циркулировать шуточные тексты, по форме похожие на слух о карантине, но предупреждающие пользователей об абсурдных вещах²:

В маршрутке двое мужчин разговаривали, я так наушник вытащил из уха и подслушал разговор их. У одного в общем теща работает в полиции, здесь у нас в Волгограде, и ей постоянно, ну поступают сигналы такие, и вот она услышала что у нее сестра мужа работает в Москве при штабе Собянина, там в Роспотребнадзоре, она там не на самой верхушке, но она айтишник и она там в общем подслушала тоже разговоры. И там прямо сразу сообщили, что мол, ребята, будьте готовы ко всему этому, что сразу же, прям сразу же после 20 сентября, сразу же будет 21 сентября³.

Таким образом, в соцсетях использовали структуру известной городской легенды как макет для создания нового текста – анекдота. Его можно назвать фольклорным «антителом» – нарративом, высмеивающим масштаб паники и ставящим под сомнение реальность самой угрозы. Антилегенда тщательно сохраняет структуру текста, но заменяет серьезное содержание на подчеркнуто тривиальное – «прям сразу же после 20 сентября, сразу же будет 21 сентября». Самые серьезные «мутации» затрагивают ключевой элемент, отличающий городскую легенду от других фольклорных жанров – установку на достоверность. Ощущение достоверности в слухах и городских легендах достигается с помощью ссылки на инсайдера внутри института власти – «друга моего друга». Наличие инсайдера делает сообщение более «достовер-

---

¹ URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/main/sobyanin-karantin-v-moskve-v-sentyabre-vvodit-ne-budut-situaciya-s-koronavirusom-stabilnaya>

² Билл Эллис, изучая реакции на атаки 11 сентября, описал группу антилегенд, появившуюся спустя месяц после атаки террористов. Такие тексты пародировали предупреждение о готовящихся терактах в торговых центрах, но предупреждали о маловероятных вещах – массовом выходе аллигаторов из канализации на Хэллоуин [Ellis, 2002].

³ Рассылка в мессенджере WhatsApp, 05.09.2020

ным» – мы получаем информацию от «своего» человека внутри враждебного по отношению к нам института власти.

Ссылка на «друга моего друга», «знакомого доктора» или «тещу, которая работает в полиции», выполняет еще одну важную функцию – позволяет рассказчику снять с себя ответственность в том случае, если сообщение окажется ложным [Brunvand, 1980; Кирзюк, 2018]. Именно эта формула претерпевает самую существенную трансформацию при переходе текста в другой жанр.

В большинстве анекдотов, пародирующих слухи, комический эффект достигается за счет того, что секретную информацию сообщает «инсайдер», не обладающий необходимым авторитетом.

Например, летом 2021 г. в соцмедиа циркулировал текст, в котором «друг-доктор» сообщал о вреде прививок. Одновременно появляются и пародии, подрывающие авторитет сообщения от «друга доктора»:

– У МЕНЯ ДРУГ ДОКТОР И ОН ЧТО [говорит] ВАКЦИНА НЕ ИССЛЕДОВАНА

– УТОЧНЯЕШЬ, ЧТО ЗА ДОКТОР

– ДОКТОР ПЕЙПЕР¹.

Пуант анекдота состоит в том, что доктором-инсайдером оказывается Dr. Перрег – сладкий газированный напиток, не имеющий отношения к медицине и прививкам. Таким образом, задача антилегенды – «взорвать» текст изнутри: вызвать комический эффект несоответствием формы сообщения его содержанию.

Однако юмористические тексты не всегда опровергают или высмеивают содержание слухов и городских легенд. Согласно концепции Марты Динелл, шутки делятся на те, которые не несут в себе никакой другой функции, кроме, собственно, юмористической (autotelic jokes), и те, которые несут дополнительный смысл (heterotelic jokes): форма анекдота здесь является только оболочкой для некоторого сообщения о реальности [Dyne1, 2017]. Часто сообщение, скрытое в анекдоте, отражает картину мира собеседника, в которой существует страх перед вирусом, ограничениями и вакцинацией. Именно поэтому

---

¹ Пост в Twitter, от 10.07.21.

зачастую невозможно четко провести границу между слухом и анекдотом.

Бывают ситуации, когда текст, задуманный как пародия на городскую легенду, воспринимается пользователями соцмедиа как реальное предупреждение об угрозе. Так, 8 мая 2020 г. агентство сатирических новостей «Панорама»¹ выпустило новость о том, что в официальный документооборот вводится термин «простолюдин»:

По инициативе Минюста российский официальный документооборот пополнится термином «простолюдин». Сделано это из-за невозможности быстро и четко обозначать большую категорию граждан страны, на которую распространяется действие подавляющего большинства законов и подзаконных актов.

Например, ранее почти к каждому законодательному акту приходилось добавлять громоздкую конструкцию: «закон распространяется на все категории граждан за исключением...» с длинным перечнем. Теперь же будет достаточно в преамбуле указать, что закон имеет действие в отношении единственной категории, без каких-либо исключений.

С 1 июня 2020 года простолюдинами будут считаться все граждане РФ, которые не имеют:

- чинов государственной службы;
- действующего мандата депутата любого уровня;
- офицерских званий МВД, МЧС, Росгвардии и ВС (за исключением офицеров запаса);
- церковных чинов РПЦ;
- научных званий не ниже кандидата наук;
- званий народного или заслуженного артиста РФ;
- спортивных званий не ниже мастера спорта.

С Выбор самого термина был сделан после длительных консультаций со специалистами в языкознании и истории русского делопроизводства.

«Термин “простолюдин” является производным от устойчивого выражения “простые люди”, которыми в нашей стране принято гордиться. Простые люди у нас, как правило, категорично противопоставляются именно тем категориям граждан, которые не попадают под содержание нового термина», – объяснили в пресс-службе Минюста.

---

¹ Информационное агентство «Панорама» – российский сайт сатирических «новостей», функционирующий с 2017 г. и известный обилием цитирований со стороны авторитетных и официальных СМИ.

В министерстве подчеркнули, что никакой особой дискриминации простолюдинов не будет, но появятся некоторые нюансы в регулировании их прав и свобод. В частности, одним из первых новшеств будет ограничение для простолюдинов перечня доступных к посещению зарубежных стран¹.

Авторы новости высмеивали разнообразные ограничительные меры, которые предлагали ввести российские политики и другие публичные спикеры. Однако вскоре после публикации шутка «вышла из-под контроля» – текст утратил авторство и начал активно циркулировать в соцмедиа как аннотация реального законопроекта:

Чиновники захотели ввести термин простолюдин"? А может проще подойти к аналогу цветовой дифференции штанов? Разделить общество на “взяточбратель”, “взятодатель” и “недовзяточник”. Взяткоблей сажать каждые 5 лет лет на 5. Взяткоблей пореже и поменьше. А с недовзков чего возьмешь?²

Почему пародийная новость легко обманула пользователей и стала восприниматься как реальное сообщение? Причина такой обманчивости – это формы, которую использовали авторы «Панорамы». Они использовали элементы, характерные для текстов этого жанра, – ссылки на «подзаконные акты» и набор характерных канцеляризмов. Пародия оказалась успешной, поскольку в «естественных» условиях существовала группа городских легенд, использовавших форму официального сообщения от органов власти. Как правило, такие тексты распространяются в форме фабrikата, имитирующего официальный документ или новостную заметку.

В феврале – марте такие легенды активно циркулировали в социальных сетях. Они имитировали сообщения от органов власти, например – приказ министра обороны о введении комендантского часа или приказ МВД об арестах за распространение шуток о пандемии³.

---

¹ В российское официальное делопроизводство введут термин «простолюдин» // Агентство сатирических новостей «Панорама». – 2020. – 08.05. – URL: <https://panorama.pub/37037-prostolyudin.html>].

² Пост в Twitter, от 14.05.20. – URL: <https://twitter.com/savl22/status/1260869742497316864>

³ Существовала группа текстов, которые копировали официальные сообщения властей – постановления минздрава, минобороны или Государственной думы. Участ-

Успех пародии обеспечили общественно-политические дискуссии, которые велись в тот момент в российском обществе. Карантин и другие ограничения воспринимались частью российских граждан как ограничение их прав. Поэтому «новости», случайно повторившей структуру городской легенды, удалось пройти эмоциональный отбор и распространиться значительно шире, чем изначально задумывали авторы. Причина популярности шутки о «простолюдинах» заключается в том, что она позволяет пользователям высказать собственное недовольство ограничениями и поделиться с другими некоторыми конспирологическими представлениями о реальности – например, усомниться в существовании коронавируса. «Новость» информантства «Панорама» – пример обратной «мутации» из шутки в слух.

Городские легенды и анекдоты содержат общее (часто конспирологическое) представление о реальности – например, страх перед новыми санитарными ограничениями и прививками или сомнение в существовании вируса. Эти мотивы могут быть реализованы в форме текстов разных жанров. Выбор жанра (городской легенды или анекдота) зависит от того, в какой «упаковке» сюжету лучше удастся преодолеть эмоциональный отбор. «Новость» «Панорамы», которая была задумана как шутка, не претерпела главного изменения, которое отличает городскую легенду от анекдота – утрату установки на достоверность.

Поэтому она была воспринята частью пользователей как достоверное сообщение о реальности.

Заключение

Коронавирусный кризис, растянувшийся на три года, сильно отличается от других медийных катастроф, ограниченных небольшим отрезком времени. Болезнь вызывала тревогу у пользователей социальных сетей и требовала незамедлительного ответа. В начале пандемии таким ответом стало массовое распространение слухов и городских легенд, которые объясняли причины появления вируса и предла-

---

ники исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора» называют такие тексты легендами-фабрикатами, см. подробнее: [Пути российской инфопандемии ... , 2020].

гали простой способ профилактики – например, не покупать «зараженные» бананы.

Однако вскоре вал противоречивой и пугающей информации о болезни стал таким, что слухи и городские легенды сами превратились в источник стресса. Для того чтобы справиться с обилием пугающей информации, пользователи стали «вырабатывать антитела» – нарративы, высмеивающие содержание слуха или легенды. Усталость распространителей текстов, которая последовала за взрывным ростом популярности коронавирусных легенд, спровоцировала «мутацию», которая позволяла сюжету слуха пройти эмоциональный отбор и продолжить свое существование даже в том случае, если пользователи ставили его правдивость под сомнение. «Мутация» затрагивала ключевой элемент, отличающий городскую легенду от других жанров современного фольклора, – установку на достоверность. Анекдоты точно воспроизводили структуру городской легенды, но предупреждали о подчёркнуто тривиальных вещах или высмеивали инсайдера.

Однако не стоит однозначно рассматривать легендозависимые анекдоты как способ сопротивления валу недостоверной информации. Часто такие анекдоты отражали конспирологическую картину мира распространителей и позволяли им утвердиться в собственных взглядах.

Это позволяло текстам, изначально задуманным как пародия, «мутировать» и восприниматься частью аудитории как предупреждение о реальной опасности. Переход текста между разными жанрами можно объяснить изменяющимися социальными условиями, в которых анекдоту проще пройти эмоциональный отбор и распространиться. Изменив жанр, сюжет продолжает существовать в культуре.

Автор статьи выражает благодарность за консультации и ценные советы Александре Архиповой*, Анне Кирзюк, Дарье Радченко, Ирине Козловой, Марии Гавриловой, Борису Пейгину, Екатерине Закровской.

Список литературы

- Архипова А.С.** Чем (не)опасна инфодемия: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии // *Фольклор и антропология города*. – 2020. – № 3(1/2). – С. 190–202.
- Архипова А.С.*, Кирзюк А.А.* Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. – Москва : НЛО, 2020. – 532 с.
- Белянин С.В.* Бойтесь бананов, болезнь приносящих: легенды о зараженных фруктах // *Фольклор и антропология города*. – 2020 – № 3(1/2). – С. 214–223.
- Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие. : пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. – 436 с.
- Дандес А.* Проекция в фольклоре. В защиту психоаналитической семиотики // *Фольклор. Семиотика и/или психоанализ : сб. статей / Архипова А. (сост.). – Москва : Восточная литература, 2003. – С. 72–107.*
- Докинз Р.* Эгоистичный ген : пер. с англ. – Москва : АСТ : CORPUS, 2013. – 509 с.
- Кирзюк А.А.* Сюжет – это симптом? как Фольклористы изучают городские легенды // *Фольклор и антропология города*. – 2018. – № 1(1). – С. 20–43.
- Неклюдов С.Ю.* После фольклора // *Живая старина*. – 1995 – № 1. – С. 2–4.
- Панченко А.А.* «Экосистемы сюжетов»: эмоциональные и когнитивные модели в современной фольклористике // *Журнал «Русская литература»*. – 2022 – № 1. – С. 16–29.
- Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / *Архипова А.С.*, Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В.* // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 6. – С. 231–265.
- A first look at COVID-19 information and misinformation sharing on Twitter / *Singh L., Bansal S., Bode L., Budak C., Chi G., Kawintiranon K., Padden C., Vanarsdall R., Vraga E., Wang Y.A.* // *ArXiv* : Preprint posted online on March 31, 2020.
- Bell C.* Cotional Selection in Memes: The Case of Urban Legends // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – N 81(6). – P. 1028–1041.
- Bruns A. Harrington S., Hurcombe E.* «Corona? 5G? or Both?»: The Dynamics of COVID-19/5G Conspiracy Theories on Facebook // *Media International Australia*. – 2020. – Vol. 177, N 1. – P. 12–29.
- Brunvand, J.H.* Urban legends: Folklore for today // *Psychology Today*. – 1980. – P. 50–62.
- Chovanec J.* Early Titanic Jokes: A disaster for the theory of disaster jokes? // *HUMOR*. – 2019. – N 32. – P. 201–225.
- Davies Ch.* Jokes that follow mass-mediated disaster in a Global Electronic Age // *Of Corpse: Death and Humor in Folklore and Popular Culture / By Peter Narváez, (ed.). – Boulder, Colorado : Utah State University Press, 2003. – P. 15–34.*
- Dégh L.* Symbiosis of Joke and Legend: A Case of Conversational Folklore // *In Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration / edited by Linda Kinsey Adams*. – 1995. – P. 285–305.
- Dynel M.* But Seriously: On Conversational Humour and (Un) Truthfulness // *Lingua*. – 2017. – N 197. – P. 83–102.

Ellis B. Making a Big Apple Crumble: The Role of Humor in Constructing a Global Response to Disaster // *New Directions in Folklore*. – 2002. – N 6. – P. 245.

Ellis B. Legend/anti-legend: humor as an integral part of the contemporary legend process // *Rumor Mills*. The social impact of rumor and legend / ed. by G.F.B. Campion-Vinsent, Ch. Heath. – New Brunswick, NJ : Aldine Transaction, 2005. – P. 1–18.

Ellis B. Legend, urban // In *Folklore: An encyclopedia of beliefs, customs, tales, music, and art* / T.A. Green (ed.). – Santa Barbara, CA : ABC-CLIO, 1997. – P. 495–497.

Fine G. The Kentucky fried rat: Legends and modern society // *Journal of the Folklore Institute*. – 1980. – N 17(2/3). – P. 222–243.

Goldstein D. Once upon a Virus: AIDS Legends and Vernacular Risk Perception. – Boulder, Colorado : Utah State University Press, 2004. – 228 p.

Kapferer J. The Persuasiveness of an Urban Legend: The Case of Mickey Mouse Acid // *Contemporary Legend*. – 1993. – Vol. 3. – P. 85–102.

Lee J. An Epidemic of Rumors: How Stories Shape Our Perception of Disease. – Boulder, Colorado : Utah State University Press, 2014. – 219 p.

Misinformation During a Pandemic / *Bursztyн L., Rao A., Roth C., Yanagizawa -Drott D.* – 2020. – (NBER Working Paper ; N 27417).

References

Arkhipova A.* Chem (ne)opasna infodemiya: kak i zachem issleduyut fejkovye soobshcheniya i sluhi vo vremya pandemii [(No) danger in the infodemic: how and why fake news and rumors are researched during the pandemic]. In *Urban Folklore & Anthropology*, no III(1–2), 2020, pp. 190–202. (In Russ.)

Arkhipova, A.*, Kirzyuk, A. *Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2020. 532 p. (In Russ.)

Belyanin, S.V. Bojtes' bananov, bolezni' prinosyashchih: legendy o zarazhennyh fruktah [Beware of bananas bearing disease: Legends about infected fruits]. In *Urban Folklore & anthropology*, no III(1–2), 2020, pp. 214–223. (In Russ.)

Bell, C. Cotional Selection in Memes: The Case of Urban Legends. In *Journal of Personality and Social Psychology*, no 81(6), 2002, pp. 1028–1041.

Boyer, P. Anatomiya chelovecheskih soobshchestv. Kak soznanie opredelyaet nashe bytie [Anatomy of Human Communities: How Consciousness Determines Our Being. Transl. from Engl.]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2019. 436 p. (In Russ.)

Bruns, A., Harrington, S., Hurcombe, E. «Corona? 5G? or Both?»: The Dynamics of COVID-19/5G Conspiracy Theories on Facebook. In *Media International Australia*, vol. (177), no 1, 2020, pp. 12–29.

Brunvand, J.H. Urban legends: Folklore for today. In *Psychology Today*, 1980, pp. 50–62.

Chovanec, J. Early Titanic Jokes: A disaster for the theory of disaster jokes? In *HUMOR*, no 32(2), 2019, pp. 201–225.

Davies, Ch. Jokes that follow mass-mediated disaster in a Global Electronic Age. In *Of Corpse: Death and Humor in Folklore and Popular Culture*. By Peter Narváez, (ed.). Boulder, Colorado, Utah State University Press Publ., 2003, P. 15–34.

Dégh, L. Symbiosis of Joke and Legend: A Case of Conversational Folklore. In *Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration*, edited by Linda Kinsey Adams, 1995, pp. 285–305.

Dawkins, R. *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene. Transl. from Engl. by N. Fomina]. Moscow, AST, CORPUS Publ., 2013. 509 p. (In Russ.)

Dandes, A. Proekciya v fol'klore. V zashchitu psihoanaliticheskoj semiotiki [Projection in Folklore: A Plea for Psychoanalytic Semiotics]. In *Fol'klor. Semiotika i/ili psihoanaliz. Sb. statej* [Folklore. Semiotics and/or psychoanalysis. Collection of articles], V Dandes A. (auth.), Arhipova A. (comp.). Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2003, pp. 72–107. (In Russ.)

Dynel, M. But Seriously: On Conversational Humour and (Un) Truthfulness. In *Lingua*, no 197. 2017, pp. 83–102.

Ellis, B. Making a Big Apple Crumble: The Role of Humor in Constructing a Global Response to Disaster. In *New Directions in Folklore*, no 6, 2002, pp. 245.

Ellis, B. Legend/anti-legend: humor as an integral part of the contemporary legend process. In *Rumor Mills. The social impact of rumor and legend*, ed. by G. F., B. Campion-Vincent, Ch. Heath. New Brunswick, NJ, Aldine Transaction Publ., 2005. pp. 1–18.

Ellis, B. Legend, urban. In *Folklore: An encyclopedia of beliefs, customs, tales, music, and art*, T.A. Green (ed.). Santa Barbara, CA, ABC-CLIO Publ., 1997, pp. 495–497.

Fine, G. The Kentucky fried rat: Legends and modern society. In *Journal of the Folklore Institute*, no 17(2/3), 1980, pp. 222–243.

Goldstein, D. *Once upon a Virus: AIDS Legends and Vernacular Risk Perception*. Logan, Utah, Utah State University Press Publ., 2004. 228 p.

Kapferer, J. The Persuasiveness of an Urban Legend: The Case of Mickey Mouse Acid. In *Contemporary Legend*, vol. 3. 1993, pp. 85–102.

Kirzyuk, A.A. Syuzhet – eto simptom? kak Fol'kloristy izuchayut gorodskie legendy [Is plot a symptom? How folklorists study urban legends]. In *Urban Folklore & Anthropology*, no 1(1), 2018, pp. 20–43. (In Russ.)

Lee, J. *An Epidemic of Rumors: How Stories Shape Our Perception of Disease*. Boulder, Colorado, Utah State University Press Publ., 2014. 219 p.

Misinformation During a Pandemic, (the team of authors) Bursztyn, L., Rao, A., Roth, C., Yanagizawa-Drott, D. In *NBER Working Paper*. no 27417, 2020. 114 p.

Neklyudov, S. YU. Posle folklore [After folklore]. In *Zhivaya starina*, no 1, 1995, p. 2–4. (In Russ.)

Panchenko, A. «Ekosistemy syuzhetov»: emocional'nye i kognitivnye modeliv sovremennoj fol'kloristike [Ecosystem of tales; emotional and cognitive models in today's folklore research]. In *Russkaia literature*, no 1, 2022, pp. 16–29. (In Russ.)

Puti rossijskoj infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee], (the team of authors) Arkhipova A., Radchenko D., Kozlova I., Peigin B., Gavrilova M., Petrov N. In *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, 2020, pp. 231–265. (In Russ.)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 327; 316.7

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.12

Аватков В.А.*¹, Рожкова З.П. *²

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ С УЗБЕКСКИМ НАРОДОМ

Аннотация. В последнее десятилетие Республика Узбекистан получает все больший вес на мировой арене. На это влияют многие факторы, как внутренние, так и внешние: выгодное географическое положение, наличие природных и трудовых ресурсов, последовательная внутренняя и внешняя политика правительства Узбекистана. Все это делает страну привлекательной для акторов международных отношений. Привлекательной для инвестиций, торговли и сотрудничества в

---

^{*1} *Аватков Владимир Алексеевич* – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия; v.avatkov@gmail.com

Avatkov Vladimir Alekseevich – DSc in Politics, Leading Researcher, Head of the Middle and Post-Soviet East Department at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; v.avatkov@gmail.com

^{*2} *Рожкова Злата Петровна* – старший лаборант Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия; z.p.rozhkova@gmail.com

Rozhkova Zlata Petrovna – Senior Laboratory Assistant of the Middle and Post-Soviet East Department at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; z.p.rozhkova@gmail.com

целом. По этой причине международному сообществу необходимо понимать особенности культуры и традиций узбекского народа, его устоев, привычек и норм поведения. Структуризация и анализ ценностных ориентиров общества важен, поскольку эти методы помогут лучшему ведению переговоров в разных сферах. В статье анализируются причины, условия и примеры поведения различных социальных групп, рассматриваются возможные барьеры в формировании российско-узбекского диалога, делаются выводы о том, как поступательное решение коммуникативных проблем между двумя народами будет способствовать расширению и углублению взаимосвязей на высшем уровне.

Ключевые слова: Республика Узбекистан; коммуникация; традиции; культурная идентичность; переговоры.

Поступила: 15.11.2023

Принята к печати: 26.01.2024

Для цитирования: Аватков В.А., Рожкова З.П. Особенности межкультурной коммуникации с узбекским народом // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 229–242. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.12

Avatkov V.A., Rozhkova Z.P.

Peculiarities of intercultural communication with Uzbek people

Abstract. In the last decade, the Republic of Uzbekistan has been gaining more and more weight on the world stage. This is influenced by many factors, both internal and external: a favourable geographical location, the availability of natural and labour resources, and the consistent domestic and foreign policy of the Uzbek government. All this makes the country attractive to actors in international relations. It is attractive for investment, trade and cooperation in general. For this reason, the international community needs to understand the specific characteristics of the culture and traditions of the Uzbek people, their foundations, habits and norms of behaviour. The structuring and analysis of society's values is important, as these methods will help to better negotiate in different spheres. The article analyzes the reasons, conditions and examples of behavior of different social groups, considers possible barriers in the formation of the Russian-Uzbek dialogue and draws conclusions about how the progressive resolution of communica-

tion problems between the two peoples will contribute to the expansion and deepening of high-level relations.

Keywords: Republic of Uzbekistan; communication; traditions; cultural identity; negotiations.

Received: 15.11.2023

Accepted: 26.01.2024

For quoting: Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Peculiarities of intercultural communication with Uzbek people // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 229–242. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.12

Республика Узбекистан исторически является многокультурной и многоэтнической страной. В Узбекистане проживают представители более 130 наций и народностей, принадлежащих к 16 конфессиям¹. По состоянию на 1 апреля 2023 г. население составляет 36 197 788 человек². При этом последние данные об этническом составе Республики приводятся за 2021 г.: узбеки – 29,2 млн человек; таджики – 1,7 млн человек; казахи – 821,2 тыс. человек; каракалпаки – 752,7 тыс. человек; русские – 720,3 тыс. человек; киргизы – 291,6 тыс. человек; туркмены – 206,2 тыс. человек; татары – 187 300 человек; корейцы – 174 200 человек; украинцы – 67,9 тыс. человек; азербайджанцы – 41,2 тыс. человек; белорусы – 18 500 человек; другие национальности – 426,4 тыс. человек³. Условием успешного развития общества является терпимость и уважение к особенностям разных контактирующих культур и религий, а также понимание необходимости преодоления барьеров.

Межкультурная коммуникация – это общение между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам. Важно помнить, что язык отражает культурные реалии того социума,

---

¹ Просвещение и религиозная терпимость основа мира и развития // Комитет по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан. – URL: <https://religions.uz/news/detail?id=1647> (дата обращения: 03.07.2021).

² Численность населения Республики Узбекистан // Агентство по статистике при Президенте Республики Узбекистан. – URL: <https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 03.07.2023).

³ Ўзбекистон Республикаси доимий аҳолисининг этник таркиби // Газета.uz. – URL: <https://www.gazeta.uz/oz/2021/08/19/population/> (дата обращения: 03.07.2023).

где он функционирует, и при этом адекватно обслуживает его культуру [Щерба, 1974, с. 315]. Коммуникация предполагает не только прямые контакты между людьми, но и косвенные (где источником информации выступают культура, искусство и СМИ). В последние годы непонимание особенностей коммуникации с узбекским народом обнаруживается на всех уровнях: от межличностного и социального взаимодействия до межгосударственных отношений. Все это доказывает необходимость формирования межкультурной компетентности, знания особенностей выстраивания диалога с узбекскими коллегами, понимания их ценностей и логики.

Основные обычаи и традиции узбекского народа

Выстраивая диалог с узбекским партнером, необходимо учитывать его картину мира. Под картиной мира понимается «совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов» [Сухих, Зеленская, 1998, с. 27]. Культура прививает индивиду определенные модели восприятия и поведения, принятые в обществе, к которому он принадлежит: «Поскольку запрограммированы культурой с момента своего рождения, мы всецело воспринимаем скрытую культурную программу, которая влияет на тот способ, как мы думаем, двигаемся, выражаем себя вербально и невербально» [Kim, 1988, p. 48].

Первое, что замечают люди, приезжающие в Узбекистан, – это **Mehmondo'stlik (гостеприимство)**. В культуре многих народов присутствует понятие гостеприимства, однако в узбекском обществе оно носит церемониальный, обязательный характер.

Не принять гостя или принять его плохо означает позор семьи, рода, махалли (уникальный институт самоорганизации общества, узбекский квартал). При этом не так ценится убранство, богатый дастархан (сервированный стол) и достаток семьи, на первый план выходит умение принять гостя. Как правило, уважаемый гость садится в конец стола, в угол, противоположный от двери. Это происходит потому, что у двери сидят молодые люди, которые находятся «на служении» у гостя, накрывают на стол и приносят блюда. В Узбекистане есть пословица «Ish paytida oyog'dan o't chiqsin» («Пусть огонь исходит из ваших ног во время работы»), то есть ухаживать за гостем нуж-

но ловко и быстро. Важно часто спрашивать у гостя, все ли ему нравится и все ли в достатке. Задача хозяина – показать свою щедрость, уважение и воспитание.

По традиции любое гостеприимство начинается с чая [Ахмедова, 2021, с. 108]. Прежде чем налить чай гостю, его нужно трижды вернуть в заварочный чайник, а затем разлить для всех гостей (это делается не только для быстрого остывания чая, но также этот жест показывает, что хозяева могут уделить гостю много времени и позаботятся о его комфорте). После этого тот, кто наливает чай, подает первую чашку самому старшему гостю. Как правило, всем разливают мало чая, для того чтобы показать, что хозяин дома готов доливать столько чая, сколько бы ни попросил гость.

Особым церемониальным смыслом обладает плов. Это обязательное блюдо во время приема гостей и других важных событий. Одним из давних и обязательных узбекских обрядов является *Nahor oshi* (утренний плов) [Файзуллаев, 2011, с. 85]. Плов на несколько сотен гостей обычно готовится при рождении ребенка, по случаю обрезания, в честь возвращения с армейской службы, утром накануне свадьбы, при достижении возраста пророка (63 года), в поминовение усопших и в других случаях. Узбекская пословица гласит: «*O'lish kerak bo'lsa, palovdan bo'lsin*» («Если придется умереть – пусть это будет от плова»), «*Kambag'al palov ueydi, boy faqat palov ueydi*» («Бедный человек ест плов, богатый человек ест только плов») [Батрак, 2015, с. 64].

Интересны традиции, связанные с браком. Например, когда семьи знакомятся, накрывается богатый дастархан (*dasturxon ochish* – «открытие» дастархана), при обсуждении сватовства или семейных дел происходит *non sindirdi* (преломление лепешки), украшение дома к приходу гостей и родственников называется *somsani yuborish* («отправление самсы»).

Важным ядром узбекского общества является **махалля** (самоуправляемая административная единица; узбекский квартал). Согласно Закону об органах самоуправления граждан Республики Узбекистан, «граждане реализуют свое конституционное право на самоуправление в поселках, кишлаках, аулах, а также в махаллях горо-

дов»¹. Функционирует махалля на основе демократических принципов. Решения, важные для жизни квартала, принимаются на сходе общины, председателем которой является глава махаллинского комитета (выборная должность).

Вся жизнь в махалле базируется на неписаных законах. К примеру, келин (невеста) встает на рассвете, надевает национальный костюм и выходит за ворота, чтобы подмести улицу. Двери в дом, как правило, остаются открытыми, так что соседи могут видеть, какую трудолюбивую девушку выбрал парень, как молодые люди заботятся о старших в семье, и как они ведут быт. Заходя в гости, необходимо оставлять обувь перед входом в дом. В Узбекистане ценится чистота в доме, в махалле, убранство и порядок. В семье существует строгая иерархия: у каждого члена семьи есть свое место, обязанности и нормы поведения.

Другим примером является правило звать соседей на праздники и приглашать их в гости. Людям важно, чтобы о них и их жизни хорошо отзывались. Приглашая гостей, узбекская семья формирует себе «имидж» достойных, воспитанных людей. Также махалля помогает жителям в организации свадеб, похорон, при строительстве или ремонте дома [Толипова, 2016, с. 23]. В месте, где собирается община (чаще всего дом председателя), празднуют национальные праздники: готовят национальные блюда (Сумаляк на Навруз), исполняют музыку на национальных инструментах (карнаи, сурнай) и надевают национальную одежду (для мужчин – чапан, кийикча, тюбетейка, куйлак, иштон; для женщин – платья из хан-атласа, шаровары, тюбетейка, платок, тюрбан).

Согласно Д. Вафаевой, к.ф.н., доценту Самаркандского государственного университета: «Достоинство для многих наших граждан – это мнение окружающих о человеке. И также многие уважают людей за их отношение к обычаям – обрядам: мебель подарили, кольца или еще что-то. Это значит – они уважаемые люди. Главное – всё сделали “как надо”. Люди боятся: что скажут соседи, близкие... Поэтому до-

---

¹ O'zbekiston Respublikasining qonuni «Fuqarolarning o'zini o'zi boshqarish organlari to'g'risida» // Lex.uz. – URL: <https://lex.uz/docs/-2156899?ONDATE=03.03.2022>

стоинство – это, что скажут люди»¹. Таким образом, скромность и вежливость – это норма поведения и не всегда истинные чувства.

Узбекское **общество патриархально и консервативно**. В последние годы правительство Республики Узбекистан предпринимает активные шаги на пути к достижению гендерного равенства. Законодательно это закреплено в 17-й статье Закона Республики Узбекистан «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин»². Однако на бытовом уровне все еще сохраняется традиционный подход: глава семьи – мужчина, женщина занимается бытовыми вопросами и воспитанием детей. Это проявляется также и в досуге. В среде мужчин принято собираться в чайхане, в то время как женщины же больше собираются во дворах. Встречается древняя практика разделения стола: для мужчин и женщин существуют отдельные столы.

Особое уважение – старшим в семье и роде. В том числе к родителям дети обращаются на «Вы», кладут руку на сердце и немного преклоняются, иногда целуют руки в знак почтения. Уважение старших – национальная норма поведения, которая своими корнями уходит в законы религии. Ислам абсорбировал и адаптировал местную культуру народа, поэтому наблюдается тесное переплетение национальных особенностей воспитания и веры.

Главное для молодых – показать свою скромность. Даже на *Nikoh To'yi* (свадьбе) все гости празднуют, в то время как невеста не выражает эмоций. После брака девушка осуществляет ритуал *Келин-салом* (поклоны перед родственниками и старшими). Рука на груди и небольшой поклон – невербальный способ выразить благодарность «от сердца» за то, что родственники или гости собрались вместе.

Интересно, что *To'y* (свадьба) имеет несколько другой смысл. Для узбекского народа *to'y* – это не бракосочетание, а важное событие. Свадьбой ее называют потому, что на мероприятие обычно собирается большое количество гостей и накрывается богатый *дастархан*:

- *Beshik to'y* (сороковой день со дня рождения ребенка);
- *Sunnat to'y* (обряд обрезания мальчиков);

---

¹ ПМА: Узбекистан, г. Самарканд, интервью 2021 г. с Джамилей Вафаевой.

² *Gender tengligi // O'zbekiston Respublikasi Kambag'allikni qisqartirish va bandlik vazirligi*. – URL: <https://mehnat.uz/ru/pages/gendernoe-ravenstvo> (дата обращения: 03.07.2023).

— Muchal to'y. По восточному календарю у узбеков отмечаются дни рождения по нескольким датам. Эти даты называются Muchal и повторяются каждые 12 лет. Когда ребенку исполнится 12 лет, он отмечает свой первый Muchal to'y. В 24, 36, 48, 60 лет и т. д. также отмечаются праздники. В народе придают особое значение дням рождения, когда исполняется 18, 25, 40, 50, 60, 62 и 80. Эти даты связаны с определенными периодами жизни человека;

— Fotiha to'yi (помолвка);

— Nikoh to'yi (бракосочетание), когда мулла читает свадебную молитву – никох.

— Chair to'y (молодожены впервые после заключения брака приходят в дом невесты).

Религия, как один из самых важных атрибутов культуры, является весьма сильным фактором, задающим ценностные нормы. На территории Узбекистана проживают люди разных религий и конфессий, поэтому важно уважительно и толерантно относиться к представителям других верований. Государство оказывает в этом ключевую поддержку, Конституция Республики Узбекистан гарантирует свободу совести для всех. По Основному Закону Республики каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (ст. 31 Конституции)¹. В одной махалле зачастую проживают мусульмане, христиане, иудеи; поздравляют друг друга с религиозными праздниками и иногда принимают участие в церемониях. К примеру, на праздник Beshik to'y (сороковой день со дня рождения ребенка) узбекская семья зовет всех родственников и соседей, вне зависимости от вероисповедания, гости приносят богато убранный beshik (кровать) и белые скатерти, в которые заворачивают лепешки и сладости в знак счастливой жизни.

Однако преобладающей религией Республики является ислам, преимущественно мусульмане – сунниты ханафитского мазхаба. И это вносит свои коррективы в образ жизни [Фарфиев, 2019, с. 23]: на улицах городов звучит азан – призыв на молитву, одежда как женщин, так и мужчин должна быть скромной. Все больше женщин в последнее время носят не национальные костюмы, а хиджабы, поскольку ноше-

---

¹ Конституция Республики Узбекистан // lex.uz. – URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 04.07.2023).

ние хиджаба в общественных местах разрешено указом Президента Республики Узбекистан лишь в 2021 г. Важно отметить, что религия очень тесно переплетена с традициями, поэтому многие люди совершают религиозные церемонии не с точки зрения веры, а с точки зрения традиций и норм поведения.

Принципы делового общения **Личное общение**

Учитывая традиции узбекского народа, вполне объяснимо, что живое общение – ключ к успеху на переговорах. Узбекским партнерам важно видеть реакцию человека, приглашать его к себе домой, знакомить с местной культурой и приглашать на мероприятия. Существует явление *Tanish bilish* [Khurramova, 2021, p. 274] («свои люди – сочтемся»). В Узбекистане развито сарафанное радио – люди делятся рекомендациями со своими знакомыми. Учитывая это и правильно используя, можно таким образом «настроить» бесплатную рекламу. Многое зависит от личных знакомств и связей.

Человек многое воспринимает, осознает и воспроизводит на бессознательном уровне. Символы, ценности, социальные структуры, вера, коммуникативные стили, невербальное общение, эмоции – это те неформальные и часто невидимые вещи, которые имеют большое значение в выстраивании диалога. В межкультурной коммуникации центральным является понятие культурной идентичности. Оно строится на соотношении понятий «Свой», «Чужой», «Иной», «Другой».

Izzat va hurmat (Почет и уважение)

Многогранной особенностью делового общения является уважение. Этот принцип проявляется и лично к человеку, к государству и культуре в целом [Ганиева, 2020, с. 42]. Узбекские партнеры стремятся рассказать об уникальности истории и традиций своей страны. Важно уважать и даже участвовать в обрядах. В узбекском обществе принято приглашать гостей не только в чайхону, но и на крупные мероприятия. Поэтому деловой аспект уходит на задний план; в первую очередь – неформальная часть.

Мужчины здороваются рукопожатием, при этом левую руку принято прикладывать к сердцу или к животу. Женщину мужчина приветствует словами «Assalomu alaykum!» («Здравствуйте!»), может также пожать руку. Неприемлемо целовать руку или щеку, обнимать – такие жесты противоречат восточному этикету. Приветствие должно произноситься четким голосом, с улыбкой, располагая к приятным и эффективным переговорам.

Культура приветствия очень развита в Узбекистане. Существует много синонимов слова «здравствуйте». Обычно приветствие состоит из нескольких фраз: «Assalomu alaykum! Qalaysan? Uydagilar yaxshimi?» («Здравствуйте! Как Ваши дела? Дома все в порядке?»), и произносятся они одновременно. Таким образом собеседник выражает интерес и уважение лично к человеку, его дому и работе. Детей приучают здороваться со всеми: знакомыми и незнакомыми людьми, выказывать свое почтение старшим.

Прощаются узбекские партнеры также набором фраз: «Ko'rishguncha xayr! Salomat bo'ling! Ko'rganimdan xursand bo'ldim! Uydagilarni so'rab qo'ying!» («До свидания! Будьте здоровы! Рад был (была) Вас видеть! Передайте домашним привет!»). Все фразы звучат на повышенной интонации, произносятся с улыбкой. Прощаясь, узбекские коллеги выражают удовольствие от общения со своими партнерами, желают успехов и здоровья собеседнику и его близким.

Отсутствие обязательности

Парадоксально говорить об отсутствии обязательности в ведении дел узбекских партнеров, однако что-то действительно обещать они могут только «своим», чаще всего родственникам. В остальных случаях важно учитывать, что узбекский коллега всегда отстаивает свои собственные интересы, он может менять условия договора, заключенные в устной форме. В Узбекистане плохо воспринимаются жесткие рамки, требования и дедлайны.

Патриотизм

Узбекский народ патриотичен. Это закладывается с детства: знание истории страны и особенностей культуры; пение гимна во время

мероприятий, ношение национальных костюмов и т.д. Государство активно содействует проведению политики патриотического воспитания [Орипова, 2020, с. 126]. Во время государственных и национальных праздников (например, Mustaqillik – день независимости Республики Узбекистан) организуются крупные мероприятия, на которых исполняются народные танцы и песни, проводятся курсы и мастер-классы по национальной истории и культуре.

Особенности территориальных групп страны

Развитие страны – неоднородное [Хазраткулова, 2020, с. 61], поэтому и переговоры в зависимости от территории будут иметь свои особенности. В крупных центрах (Ташкент, Самарканд) разработана технологическая, рабочая инфраструктура для ведения бизнеса, эти города привлекательны для инвестиций. Многие общаются на русском языке, а также здесь открыты многие иностранные компании. Иная ситуация – в других провинциях и западных территориях (Нукус, Каракалпакстан). Большинство населения говорит на узбекском, таджикском или фарси, мало корпораций и инфраструктуры для ведения переговоров.

Рабочий график

Узбекистан – восточная страна, поэтому, как и в большинстве восточных стран, прослеживается размеренный образ жизни народа. В стране плохо относятся к ненормированному рабочему графику. Многие работают не в офисе: переговоры могут проходить в чайхоне, дома или в махалле. Отказываться от неофициальных встреч нежелательно: узбекский партнер может посчитать отказ за неуважение, и, как следствие, это может оказать негативное влияние на ход переговоров. Рабочая и личная жизнь становятся нераздельно связанными. Сотрудники всегда угощают друг друга, это тоже часть этикета. Если кто-то принес с собой на работу еду – значит ею нужно поделиться.

Дресс-код

Готовясь к переговорам с узбекскими коллегами, важно помнить об особенностях дресс-кода. Как и в большинстве восточных стран, деловым людям культурная среда предписывает носить скромную одежду в сдержанных оттенках. Среди запрещенных предметов гардероба: рубашки без воротника и рукавов, юбки выше колена, высокий каблук, босоножки и открытая обувь у девушек. Молодым людям часто нельзя находиться на работе без галстука, а также запрещают носить бороду, особенно в государственных органах.

В последние годы девушки в Узбекистане вместо национальных костюмов начали все чаще носить хиджабы и паранджу (последнее вызвало широкую озабоченность общественности, и в сентябре 2023 г. в Узбекистане ввели административную ответственность за ношение одежды, закрывающей лицо, в том числе паранджи, и пропаганду многоженства). Раньше ношение религиозной одежды на работе не приветствовалось, однако в настоящий момент это допускается.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать **вывод** о том, что любое общение начинается со знания своего собеседника: его культурного и национального «бэкграунда», поскольку он укоренен в сознании людей и навязывает определенный образ мыслей. Задача межкультурной коммуникации – установление взаимопонимания между народами. Оно достижимо вследствие изучения иностранных языков, знакомства с историей и культурой других народов; понимания правил поведения в повседневной и профессиональной сферах. При выстраивании диалога с узбекскими коллегами важно учитывать местные традиции и нормы поведения. Помнить о консервативности и патриархальности общества, принимать во внимание ценность вежливости, почтения, тактичности и скромности. Общение должно быть спокойным и размеренным. Уважение государства, культуры и узбекского языка в разговоре станет ключом к успеху на переговорах. Ключевыми принципами взаимодействия должны быть: равноправие, уважение национальных и культурных особенностей, понимание необходимости укрепления и совершенствования дружбы народов.

Список литературы

Источники

Конституция Республики Узбекистан // lex.uz. – URL: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 04.07.2023).

Просвещение и религиозная терпимость основа мира и развития // Комитет по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан. – URL: <https://religions.uz/news/detail?id=1647> (дата обращения: 03.07.2021).

Численность населения Республики Узбекистан // Агентство статистике при Президенте Республики Узбекистан. – URL: <https://stat.uz/ru> (дата обращения: 03.07.2023).

Ўзбекистон Республикаси донмий аҳолисининг этник таркиби // Газета.uz. – URL: <https://www.gazeta.uz/oz/2021/08/19/population/> (дата обращения: 03.07.2023).

Gender tengligi // O‘zbekiston Respublikasi Kambag‘allikni qisqartirish va bandlik vazirligi. – URL: <https://mehnat.uz/ru/pages/gendernoe-ravenstvo> (дата обращения: 03.07.2023).

O‘zbekiston Respublikasining qonuni «Fuqarolarning o‘zini o‘zi boshqarish organlari to‘g‘risida» // Lex.uz. – URL: <https://lex.uz/docs/-2156899?ONDATE=03.03.2022>

Исследования

Ахмедова Ш.Ю. Чайная церемония как элемент культуры узбекского народа // Язык. Общество. Медицина : сборник материалов XX Республиканской студенческой конференции и XVII Республиканского научно-практического семинара «Формирование межкультурной компетентности в учреждениях высшего образования при обучении языкам», Гродно, 19 ноября 2020 года. – Гродно : Гродненский государственный медицинский университет, 2021. – С. 107–109.

Батрак Е., Сергеева Е., Новоселов Д. Традиционная узбекская кухня // Этнокультуры Российского Юга на Российском Севере: вопросы изучения в школе и вузе : сборник статей. Киров, 27 ноября 2015 года. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аверс», 2015. – С. 61–69.

Ганиева Г. Роль воспитания молодежи в духовно-экономическом развитии // Вестник науки и образования. – 2020. – № 3(81), ч. 2 – С. 41–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vospitaniya-molodezhi-v-duhovno-ekonomicheskom-razviti>

Орипова Ш.Ш. Роль Конституции в воспитании молодежи в духе уважения национальных ценностей // Мировая наука. – 2020, №11(44). – С. 125–128. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konstitutsii-v-vospitanii-molodezhi-v-duhe-uvazheniya-natsionalnyh-tsennostey>

Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1998. – 160 с. – С. 27.

Толипова Ш.Ш. Национальные традиции воспитания в махаллах Узбекистана // Социальное воспитание. – 2016. – № 1(7). – С. 21–25.

Файзуллаев А. Национальные традиции в современном Узбекистане // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 11. – С. 83–93.

Фарфиев Б.А. Влияние ценностей ислама на укрепление института семьи в Узбекистане // Экономика, социология и право. – 2019. – № 4. – С. 21–28.

Хазраткулова Л.Н. Тенденции развития и оценка эффективности системы межбюджетных отношений в Республике Узбекистан // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2020. – № 4. – С. 60–75. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-i-otsenka-effektivnosti-sistemy-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-respublike-uzbekistan>

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с. – С. 313–318.

Khurramova G. Phraseological units, proverbs as means of verbalizing concept "friendship" // Экономика и социум. – 2021. – № 12/1(91). – С. 274–277. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phraseological-units-proverbs-as-means-of-verbalizing-concept-friendship>

Kim Y.Y. Communication and cross-cultural adaptation: an integrative theory. – Clevedon : Multilingual Matters, 1988. – 223 p.

References

Ahmedova, SH. YU. Chajnaya ceremoniya kak ehlement kul'tury uzbekskogo naroda [The tea ceremony as an element of the culture of the Uzbek people]. In *Yazyk. Obshchestvo. Medicina: sbornik materialov XX Respublikanskoj studencheskoj konferencii XVII Respublikanskogo nauchno-prakticheskogo seminara «Formirovanie mezhkul'turnoj kompetentnosti v uchrezhdeniyakh vysshego obrazovaniya pri obuchenii yazyka»* [Language. Society. Medicine: collection of materials of the XX Republican Student Conference and the XVII Republican scientific and practical seminar "Formation of intercultural competence in higher education institutions in language teaching"], Grodno, 2021, pp. 107–109. (In Russ.).

Batrak, E. Tradicionnaya uzbekskaya kukhnya [Traditional Uzbek cuisine]. In *Ehtnokul'tury Rossijskogo Yuga na Rossijskom Severe: voprosy izucheniya v shkole i vuze: sbornik statej*, Kirov, 27 noyabrya 2015 goda [Ethnocultures of the Russian South in the Russian North: issues of study at school and university: collection of articles, Kirov, November 27, 2015]. Kirov, Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Izdatel'stvo «AverS» Publ., 2015, pp. 61–69. (In Russ.).

Fajzullaev, A. Nacional'nye tradicii v sovremennom Uzbekistane [National traditions in modern Uzbekistan]. In *Rossiya i musul'manskij mir*, no 11, 2011, pp. 83–93. (In Russ.).

Farfiev, B.A. Vliyanie cennostej islama na ukreplenie instituta sem'i v Uzbekistane [Impact of Islamic values on strengthening the institution of the family in Uzbekistan]. In *Ekonomika, sociologiya i pravo*, no 4, 2019, pp. 21–28. (In Russ.).

Ganieva, G. Rol' vospitaniya molodezhi v dukhovno-ehkonomicheskom razvitii [The role of youth education in spiritual and economic development]. In *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no 3(81), part. 2, 2020, pp. 41–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vospitaniya-molodezhi-v-duhovno-ekonomicheskom-razvitii> (In Russ.).

Hazratkulova, L. N. Tendencii razvitiya i ocenka ehffektivnosti sistemy mezhbyudzhethnykh otnoshenij v Respublike Uzbekistan [Development trends and assessment of the effectiveness of the system of inter-budgetary relations in the Republic of Uz-

bekistan]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Ehkonomika i upravlenie*, no 4, 2020, pp. 60–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-i-otsenka-effektivnosti-sistemy-mezhbyudzhethnyh-otnosheniy-v-respublike-uzbekistan> (In Russ.).

Oripova, SH.SH. Rol' Konstitucii v vospitanii molodezhi v dukhe uvazheniya nacional'nykh cennostej [The role of the Constitution in educating young people to respect national values]. In *Mirovaya nauka*. no 11 (44), 2020, pp. 125–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konstitutsii-v-vospitanii-molodezhi-v-duhe-uvazheniya-natsionalnyh-tsennostey> (In Russ.).

Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 428 p. (In Russ.).

Sukhikh, S.A., Zelenskaya V.V. *Pragmalingvisticheskoe modelirovanie kommunikativnogo processa* [Pragmalinguistic modelling of the communicative process]. Krasnodar, Izdatel'stvo Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 1998. 160 p. (In Russ.).

Tolipova, SH. SH. Nacional'nye tradicii vospitaniya v makhallyakh Uzbekistana [National traditions of upbringing in the makhallas of Uzbekistan]. In *Social'noe vospitanie*, no 1(7), 2016, pp. 21–25. (In Russ.).

Khurramova, G.. Phraseological units, proverbs as means of verbalizing concept "friendship". In *Экономика и социум*, no 12(91), part. 1, 2021, pp. 274–277. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phraseological-units-proverbs-as-means-of-verbalizing-concept-friendship>

Kim, Y.Y. *Communication and cross-cultural adaptation: an integrative theory*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 1988. 223 p.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

УДК 930.85

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13

Румянцев Е.Н.*

Рецензия на книгу:

Джонсон Я. Искры. Китайские подпольные историки и их битва за будущее. – Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2023. – 400 с.©

Получена: 01.03.2024

Принята к печати: 21.03.2024

Для цитирования: Румянцев Е.Н. [рецензия] // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 244–258. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13. – Рецензия на книгу: Джонсон Я. Искры. Китайские подпольные историки и их битва за будущее. – Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2023. – 400 с.

Rumyantsev E.N.

Book review:

Johnson I. Sparks: China's Underground Historians and Their Battle for the Future. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 400 p.

Received: 01.03.2024

Accepted: 21.03.2024

---

* Румянцев Евгений Николаевич – канд. филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; evgrum@yahoo.com

Rumyantsev Evgeny N. – PhD in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia; evgrum@yahoo.com

© Румянцев Е.Н., 2024

For quoting: // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 244–258. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13. – Book review: *Johnson I. Sparks: China's Underground Historians and Their Battle for the Future.* – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 400 p.

Рецензируемая монография является последней на данный момент работой известного китаеведа и журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Яна Джонсона. В течение почти 20 лет он учился, а затем работал в Китае в качестве корреспондента газет «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнал» и выходящего один раз в две недели журнала «Нью-Йорк ревью оф букс», публикующего «статьи по литературе, культуре, экономике, науке и современности».

Как видно уже из названия книги, автор рассматривает в ней те проблемы современного Китая, которые нередко называют «острыми», а также пишет о тех людях в Китае, которые изучают подобные проблемы, часто связанные с событиями периодов «большого скачка», «культурной революции» и другими трагическими страницами недавней китайской истории. Упоминание об «искрах» в названии работы у него ассоциируется с известным высказыванием Мао Цзэдуна о том, что «одна искра легко может вызвать пожар в степи» (星火燎原; на самом деле это старинный китайский фразеологизм – чэньюй) (с. 75). Отечественному читателю будет, видимо, ближе аналогия с известной пушкинской строкой об искре, из которой «возгорится пламя».

Обложку книги оформил китайский художник-эмигрант Ай Вэйвэй.

Самостоятельный интерес представляет библиографический аппарат издания.

По мнению Джонсона, с которым трудно спорить, люди обращаются к истории, то есть своему прошлому, чтобы оно помогло им понять современные события и, возможно, предвидеть нечто, что произойдет в будущем. Особенно это важно для Китая, люди которого в течение столетий «были очарованы процессами взаимодействия и взаимовлияния между прошлым, настоящим и будущим» (с. 8). Как он отмечает далее, «для современных руководителей Китая история легитимирует их пребывание у власти: она избрала Коммунистическую партию для того, чтобы спасти Китай, определила ее, партии, успех и

благословляет ее на дальнейшее удержание власти над страной» (с. 8). Конечно, говорит он, такая история пишется самой партией, которая использует для этой цели обширную армию писателей, изготовителей кино- и видеофильмов и журналистов. Через них партия контролирует содержание учебников, художественных и документальных фильмов, популярных исторических журналов и даже видеоигр военной тематики.

Однако, утверждает Джонсон далее, растущее число китайцев рассматривают монополию партии на прошлое как корень нынешних проблем их страны. В представлении этих людей «слишком многие неправильно понимают проблемы настоящего, так как Коммунистическая партия искажает прошлое» (там же). Поэтому, по его словам, «если люди вырастают в уверенности в том, что Коммунистическая партия сыграла ключевую роль в борьбе с японцами и возглавляется патриотами, занимающими свои посты в силу больших личных достоинств, которыми они обладают, то таким людям будет трудно понять, почему Китай подвержен чисткам, коррупции и политическому насилию» (с. 7–8).

Именно такие соображения лежат в основе движения подпольных историков, которое набрало силу за последние 20 лет. В эту категорию автор включает достаточно многочисленную и неоднородную по своему составу группу людей, некоторые из которых принадлежат, по его мнению, к числу «лучших умов Китая». Среди них университетские профессора, независимые кинематографисты, издатели подпольных журналов, писатели, художники и журналисты. Некоторые являются диссидентами-аутсайдерами, однако большинство – это люди, которые хотя бы наполовину находятся внутри системы, в которой они работают, владеют собственностью и имеют семьи. Но все они, подчеркивает автор, рискуют своей карьерой, будущим и свободой для того, чтобы публиковать самиздатовские журналы, запрещенные книги и снимать независимые документальные фильмы. Они стремятся «откорректировать искажаемое партией представление о прошлом Китая и остановить сползание своей страны к еще более жесткому авторитарному контролю» (с. 9). И они делают это, используя новейшие цифровые технологии для публикации информации о провалах режима, часто рассматривая современные проблемы в увязке с катастрофическими событиями прошлого.

Автор напоминает о существовании в Китае многовековой традиции обращения к истории. В стране издавна существовали летописцы, занимавшиеся написанием историй тех или иных императорских династий, содержание которых утверждалось властями. Однако, замечает он, всегда были и неофициальные историки. Их труды обычно объединяли под названием *е ши* (野史; в дословном переводе – *дикая*, то есть неофициальная, история). В настоящее время, сообщает Джонсон, наиболее распространенным названием для такого рода литературы является термин *народная*, то есть *неофициальная*, история (民间历史). В некоторых странах это явление обозначается термином *counter-history*, то есть, опять же дословно, *контристория*. На наш взгляд, возможен перевод этого термина на русский язык как *альтернативная история*. Сам Джонсон склоняется к тому, чтобы по-английски переводить этот термин как *underground history* (дословно – *подпольная история*). Он объясняет такой выбор тем, что данный термин наиболее адекватно «отражает неравную битву, которую ведут немногочисленные, нередко подвергающиеся преследованиям граждане, которым противостоит сильное, обладающее подавляющей мощью государство» (с. 9).

По словам автора, китайские подпольные историки вдохновляются еще одной идеей из традиционной культуры Китая. Речь идет о понятии, определяемом как *цзянху* (江湖). Оно состоит из двух иероглифов, первый из которых переводится как *река*, второй – *озеро*, и обозначает, как поясняет автор, некий особый мир, который существует вне императорского двора и торговых центров. В древности районы, определяемые двумя вышеуказанными иероглифами, представляли собой своего рода укрытия для бандитов и прочих людей, которые «были вне закона, но поведение которых определялось строгим кодексом чести». Эти иероглифы могут обозначать «анархическую свободу для всех», однако чаще под ними подразумевается некое «братство поклявшихся в верности друг другу мужчин и женщин, приверженных идеям правоты и справедливости» (с. 9–10).

В КНР, говорится далее, подпольные историки, придерживавшиеся идей *цзянху*, существовали на всем протяжении истории этого государства. При этом в течение первых 50 лет правления Компартии они были изолированными друг от друга и от общества индивидами.

Их статьи, книги, картины быстро изымались аппаратом безопасности. Мало кто знал об их существовании. Положение, однако, коренным образом изменилось в последние 20 лет, когда в результате распространения цифровых технологий подпольные историки стали частью общекайтайских компьютерных сетей и сумели выжить под неоднократными ударами властей.

Рецензируемая книга, как сообщает ее автор, «документирует подъем движения китайской подпольной истории в течение последних 20 лет» (с. 10). В ней проводится мысль о том, что он сохраняет свое значение в период правления Си Цзиньпина, а также анализируются последствия работы подпольных историков для будущего Китая. В ходе работы над книгой автор постоянно общался с этими людьми, читал их книги, смотрел их фильмы, следил за их деятельностью в социальных сетях.

Повествование, говорится далее, разворачивается в трех измерениях. Первое – географическое. В его рамках в книге прослеживается медленный, постепенный процесс смещения центра тяжести движения подпольных историков Китая с колыбели революции на северо-западе на юг страны, который Джонсон считает китайским «культурным хартлендом». В последние годы, пишет он, это движение на юг достигло Гонконга и «использует своих зарубежных союзников и цифровые платформы», которые находятся за пределами КНР.

Второе измерение – это измерение во времени: от прошлого к настоящему и далее к будущему. Эти три времени соответствуют трем основным разделам книги. В первом из них, посвященном прошлому, речь идет о событиях, происходивших в первые годы существования КНР. Автор определяет этот период как время «интенсивного насилия, которое оставило глубокие шрамы в национальном сознании» китайцев (с. 11). Во втором разделе рассматриваются события первого десятилетия правления Си Цзиньпина, в годы которого подпольные историки «бросили вызов доминированию над историей со стороны Компартии Китая» (там же).

Третье измерение, связанное с будущим, посвящено «восстанию» 2019 г. в Гонконге, положению в районах проживания национальных меньшинств и протестам конца 2022 г. Все это, по мнению автора, указывает на тенденции развития Китая в будущем и возможный «потенциал для политических изменений» в стране (там же).

Эти три измерения соединяются в единое целое личными историями героев книги и работами подпольных историков. Особо выделяются рассказ о концлагере в районе Цзябяньгоу на северо-западе КНР и история первого самиздатовского журнала КНР «Синхо» (Искра).

В книге ставятся некоторые нестандартные проблемы: история как оружие, история как миф, пределы исторической амнезии, историческая память и др. Повествование построено на фактах, большинство которых неизвестны или малоизвестны.

Значительное место уделяется яньаньскому периоду существования КПК, когда были заложены основы идеологии и практики маоизма, расцветшие пышным цветом после образования КНР. Автор замечает, что, например, организованное в Яньани в 1941–1944 гг. «движение за упорядочение стиля» до сих пор высоко оценивается руководством современной КПК. Согласно официальной версии, оно имело целью овладение партийными кадрами марксистско-ленинской теорией. В процессе «упорядочения» люди «прогрессивных» взглядов, приехавшие в Яньань со всех концов Китая, были сплочены в единую партию, которая, согласно версии КПК, выиграла Вторую мировую войну, нанесла поражение Гоминьдану в гражданской войне и ведет Китай по пути возвращения к величию.

На самом деле основным содержанием этой кампании была борьба за власть между Мао Цзэдуном и его главным тогда соперником Ван Мином (с. 103). Число ее жертв измеряется тысячами. Партийные инквизиторы, пишет Джонсон, в те годы стремились «сломать и переделать людей» (с. 104). Для описания этого процесса был разработан специальный жаргон: например, изоляция придерживавшихся других, чем требовали маоисты, взглядов, и борьба с ними проходили в рамках того, что официально именовалось «группами учебы»; борьба с сопротивлявшимися этой «учебе» называлась «собраниями борьбы»; итогом такой борьбы была «самокритика», которая фактически представляла собой вынужденные признания критикуемых во всех ошибках, которые они когда-либо совершали или не совершали, а конечной целью – «реформа идеологии» (там же).

Одним из важнейших итогов кампании стало принятие в 1945 г. Решения ЦК КПК «О некоторых вопросах истории партии». В нем история КПК излагалась в духе, угодном Мао Цзэду, и на несколько десятилетий вплоть до его смерти стала своеобразным «волшебным

талисманом» Мао, защищавшим «вождя» от его оппонентов (с. 105). Джонсон напоминает, что «утопические эксперименты» Мао стоили жизни 50 млн его соотечественников, из которых 45 млн человек умерли от голода в результате «большого скачка» 1959–1961 гг., а остальные стали жертвами политических кампаний, проводившихся по инициативе «великого кормчего». При этом даже в считающиеся спокойными 1950-е годы было убито несколько миллионов людей. Среди них плененные в ходе гражданской войны солдаты и офицеры гоминьдановской армии, зажиточные сельские жители, убитые в ходе земельной реформы начала 1950-х годов, жертвы кампании борьбы с «правыми», развернутой в 1957 г., и т. д. (с. 109).

Особое место в этом перечне занимают жертвы «культурной революции» второй половины 1960-х годов.

Смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. и приход к власти Дэн Сяопина потребовали нового документа по истории партии. Подобные документы, подчеркивает Джонсон, для Китая очень важны. Поясняя этот тезис, он пишет, что при демократическом строе жизнь общества регулируется, «по крайней мере, в теории», конституциями и законами, которые принимаются собраниями выбранных в них людей. В Китае дело обстоит по-другому. Компартия Китая управляет страной посредством «политики, основывающейся на издании документов» (documentary politics).

Это, поясняет Джонсон, означает, что группа руководителей утверждает и поддерживает свою власть путем издания документов, которые другие должны одобрить и руководствоваться ими в своей дальнейшей деятельности. Такие документы могут быть изданы в виде законов, принимаемых контролируемым партией парламентом. Именно так во все большей степени происходит в КНР в настоящее время (с. 109–110). Однако часто, особенно когда речь идет о важнейших вопросах идеологии, необходимые власти концепции оформляются в циркулярах, резолюциях или белых книгах. Разработка такого рода документов является затратным с точки зрения необходимого для этого времени процессом и требует достижения определенных компромиссов. Однако результатом их принятия является консенсус, который могут поддержать основные партийные фракции. После официальной публикации такого документа он становится для лидера партии ориентиром, следуя которому тот руководит страной.

Такова была цель Дэн Сяопина, когда в 1981 г. он организовал принятие «Решения ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР». Ему было нужно навязать партии свою волю путем принятия документа, который выполнял бы роль конституции или заявления с неким набором принципов, объясняющих, чем стала Коммунистическая партия и в каком направлении она идет (с. 110).

В период китайской истории, связанный с именем Дэн Сяопина, в Китае жил и работал историк Гао Хуа, которому Джонсон в своей книге уделяет особое внимание (с. 114 и далее). Гао потратил 22 года своей жизни на работу над книгой о кампании борьбы за «упорядочение стиля» 1940-х гг., о которой говорилось выше¹. Впервые издана в 2000 г. в Китайском университете Гонконга. С тех пор выдержала 22 переиздания. В КНР запрещена. Переведена на английский язык; на русский язык не переводилась.

Джонсон пишет о ней: «Не будет преувеличением сказать, что книга “Как поднималось красное солнце” является одной из самых важных книг по истории Китая периода коммунизма в этой стране» (с. 118). «Ее читают все, кто пишет об истории КПК, как в Китае, так и за его пределами» (там же).

К настоящему времени, сообщает он, район Большой Яньани превращен в важный центр «красного туризма» и используется для пропаганды «героической истории китайской революции». Он включает в себя 6 уездов. На их территории имеется 445 памятных мест. Построено 30 музеев. В 2019 г., последнем году перед пандемией коронавируса, Яньань посетили 40 млн 200 тыс. туристов со всего Китая. Годовой доход местной туристической индустрии составил 62 млрд долл. (с. 120).

«Красный туризм», замечает Джонсон, стал в КНР «феноменом общегосударственного значения», «пустил свои метастазы по всему Китаю». В стране имеется 36 тыс. «памятных мест», связанных с ис-

---

¹Китайское название: 高华. 红太阳是怎样升起的——延安整风运动的来龙去脉; Английское название: Gao Hua. How the Red Sun Rose: The Origin and Development of the Yan'an Rectification Movement, 1930–1945. Русское название: Гао Хуа. Как поднималось красное солнце. Истоки и развитие движения за упорядочение стиля в Яньани.

торией революции и гражданской войны. 1600 из них – это настоящие мемориальные залы или музеи, во многих из которых ведется активная пропагандистская работа: в примерно трети из них еженедельно организуются большое мероприятие или выставка, в основном в рамках кампании «патриотического воспитания». По официальным данным, в 2021 г. в этих рамках было проведено 840 тыс. разного рода мероприятий, в которых приняли участие 1 млн 400 тыс. «групп учеб-бы» (с. 120).

Организаторы всего этого исходят из взгляда, согласно которому созданная и продвигаемая КПК версия истории должна быть важна для всех, а не только для высших руководителей партии, как полагали Мао и Дэн. Си Цзиньпин, сообщает Джонсон, оказавшись у власти, пришел к выводу о том, что история критически важна для выживания партии (с. 120, с. 302). В июле 2010 г. было проведено Всекитайское совещание по работе в области истории, главную роль в котором сыграл Си (с. 120–121). Он выдвинул программу из пяти пунктов, которая требовала вести пропаганду истории партии, включая ее «великие победы и блестящие достижения», а также «историческую неизбежность» ее прихода к власти. Особенно надо повлиять на молодых людей, потребовал Си, с тем чтобы они могли «оценить великие традиции партии и героизм ее руководителей». Молодежь также «должна решительно выступать против любых ошибочных тенденций, искажающих или демонизирующих историю партии» (с. 121).

Си Цзиньпин, замечает Джонсон, говорил это не перед учеными, а перед представителями обширного аппарата правительственных писцов (*scribes*), чьей работой является написание истории. Размеры этой бюрократии сложно определить, однако, по консервативным оценкам, ее численность составляет десятки тысяч человек. В 2010-е годы, например, Институт политических исследований ЦК КПК курировал 2836 партийных и правительственных учреждений со штатом общей численностью в 17 тыс. человек (с. 123).

После прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпин воплотил установ-ки этого совещания в жизнь, в частности, посредством выдвижения лозунга «великого возрождения китайской нации» и издания так называемого Коммюнике о состоянии дел в сфере идеологии (Документ ЦК № 9 от 2013 г.). В числе опасных вещей, с которыми следовало вести борьбу и которые нельзя было обсуждать в университет-

ских аудиториях, оказались конституционное правление, гражданское общество, свобода прессы, общечеловеческие ценности, а также «исторический нигилизм». Под последним понимались «отрицание исторической неизбежности выбора Китаем социалистического пути», неприятие партийного взгляда на историю, непризнание «важности Мао» (с. 122–123).

В 2016 г., продолжает Джонсон, эти тезисы были дополнены утверждением журнала «Цюши», согласно которому иностранцы «ставят под сомнение историю партии, чтобы остановить подъем Китая». Одной из целей этой кампании был пекинский журнал «Яньхуан чуньцю», которому в свое время покровительствовал отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь. В том же 2016 г. руководители журнала были уволены, а его архив удален из интернета (с. 125–126).

Если раньше КПК позволяла определенную долю диссидентства в отношении к истории, то теперь, пишет Джонсон, она «стремилась к полному контролю над историей», то есть к тому, как история преподносится обществу (с. 125). В 2021 г. Си Цзиньпин выступил со своим Решением по истории партии, которое было третьим по счету¹. Две трети документа посвящено первому десятилетию его собственного правления, в течение которого, согласно официальной версии, «Китай шел от победы к победе».

Наилучшей иллюстрацией того, как КПК бесконечно манипулирует историей, отмечает Джонсон, является Государственный музей Китая, расположенный в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Он был построен в 1959 г. в разгар Великого голода в качестве одного из «Десяти великих проектов», создававшихся в честь десятилетия КНР. Изначально он состоял из двух музеев: китайской революции и исторического, которые в дальнейшем были объединены в одно целое. Музей был построен в 1959 г., однако открылся только два года спустя: необходимо было привести экспозицию в соответствие с необходимостью «показать, что политика – это командная сила», «опираясь при этом на правильные идеи Председателя Мао и революционную линию в качестве руководящего принципа» (с. 132).

---

¹Полное название этого документа: Чжунгуо чжунъян гуаньюй дан дэ байнянь фэньюдоу чжунда чэнцзю хэ лиши цзинъянь дэ цзюэи (Решение ЦК КПК о больших успехах столетней борьбы партии и историческом опыте).

С началом «культурной революции» в 1966 г. музеи вновь закрылись, возобновили работу в 1979 г. и в последующие 20 лет были чаще закрыты, чем открыты для свободного посещения. Причина состояла в маневрах партийной бюрократии, которая стремилась «интерпретировать историю так, чтобы это понравилось руководителям» (с. 132).

В 2001 г. музеи вновь закрылись, чтобы возобновить свою деятельность в связи с проведением Пекинской Олимпиады 2008 г., но уже в качестве единого учреждения, получившего название Государственного музея Китая (с. 132–133). Ядром его экспозиции стала выставка «Путь возрождения», при посещении которой сразу после прихода к власти Си Цзиньпин выступил с лозунгом «великого возрождения китайской нации».

Далее Джонсон обращается к теме исторической амнезии в китайском обществе. Он начинает с одноименного эссе известного китайского диссидента Фан Личжи, который, в частности, пишет, что КПК так тщательно «контролирует историю», что большинство китайцев не знакомы с историей «бесконечных циклов насилия», сопровождающих ее правление (с. 137). Людям известно только то, что они пережили лично. Например, если они жили в годы «культурной революции», то они знают об этом событии, но им ничего не известно о голоде конца 1950-х – начала 1960-х годов. Он вспоминает, что молодые люди, участвовавшие в 1989 г. году в событиях на площади Тяньаньмэнь, как правило, ничего не слышали о движении, ассоциируемом со «стеной демократии» конца 1970-х годов, не говоря уже о «культурной революции» или Великом голоде. Каждое новое поколение китайцев, утверждает Фан Личжи, «невежественно в отношении прошлого». Это делает их уязвимыми к «кампаниям индоктринации», проводимым КПК. Соответственно «раз в десятилетие истинное лицо истории стирается из памяти китайского общества». Это, утверждает Фан, является «целью проводимой Коммунистической партией политики забывания истории» (с. 147). В рамках этой политики ставится задача исключить упоминания в речах, книгах, документах и СМИ любых исторических фактов, если это не соответствует интересам Коммунистической партии Китая.

Фан Личжи писал свое эссе в период, когда контроль КПК над информацией был абсолютным (с. 138). Только люди с хорошими связями, возможно, несколько тысяч в стране с населением в более чем

миллиард человек, знали обо всех проблемах истории КНР. Партия, продолжает Джонсон, опубликовала кое-какую информацию о «культурной революции», которая, однако, носила выборочный характер и широко не распространялась. А информация о некоторых других событиях, например о Великом голоде или о том, что в начале 1950-х годов в ходе земельной реформы были убиты миллионы людей, была табуирована. Большинство знали только о том, чему сами были свидетелями, и почти ничего – обо всем другом. Именно таким и был план партии (с. 138).

На первый взгляд, пишет Джонсон, эссе Фан Личжи сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было. Контроль партии над историей поддерживается технически мощным государством. Во главе его стоит лидер, в полной мере нацеленный на обеление прошлого с помощью изобретения историй, которые многие люди будут считать событиями, имевшими место в действительности.

Создается впечатление, что Китай постигла полная историческая амнезия (там же).

Но это, заявляет Джонсон, не так. Фан Личжи описал Китай начала 1990-х годов. Однако в последующие годы возникла новая тенденция, которая подорвала монополию государства на историю. Это стало возможным благодаря появлению новых технологий, которые «создали коллективную память для многих из наиболее влиятельных мыслителей современного Китая».

В этой связи Джонсон обращается к исследованиям западных ученых, в которых был сформулирован тезис о двух видах коллективной памяти: культурной (cultural) и коммуникативной (communicative). Под культурной памятью понимаются «священные тексты и верования, которые скрепляют общество в качестве единого целого». От них обычно не ожидают того, что изложенное в них полностью соответствует действительности. Их записывают специально для этого отобранные люди: писцы, священнослужители или историки, назначенные для этой цели двором.

Что касается коммуникативной памяти, то она представляет собой воспоминания людей о реально произошедших событиях. Такие события обычно имеют место на протяжении жизни трех поколений. Это означает, что их наблюдали данный человек, его родители или родители родителей. Соответственно, информация о таких событиях может

быть передана от одного человека к другому, обычно в устной форме. Эти две формы памяти не находятся в конфликте между собой, поскольку одна из них содержит в себе истории, которые в своей совокупности создают цивилизацию, тогда как вторая представляет собой индивидуальные представления людей о событиях сегодняшнего дня (с. 138–139).

КПК, однако, считает Джонсон, смешивает эти два вида памяти, используя мифы для объяснения событий недавнего прошлого. Это вступает в противоречие с коммуникативной памятью людей, то есть, другими словами, с известной им реальностью. Раньше это не представляло для партии проблемы, поскольку по мере того как свидетели тех или иных исторических событий уходили из жизни, с ними уходила и память об истинной сути происходивших событий, оставалась только версия государства. Это и вело к состоянию амнезии, как его описал Фан Личжи.

С тех пор, отмечает Джонсон, изменились две вещи. Во-первых, сейчас даже после смерти человека его воспоминания могут быть сохранены и переданы новым поколениям. Во-вторых, группы, которые ранее существовали в изоляции друг от друга, теперь имеют возможность налаживать связи между собой (с. 139). Это стало возможным благодаря цифровым технологиям, которые, по словам Джонсона, дают людям возможность разделять с другими свои воспоминания такими способами, которых ранее не существовало. Технологические трансформации, продолжает он, дают некоторым китайцам возможность знать больше, чем позволяют государственные версии исторических событий. Правительственные пропагандисты, конечно, могут наводнить СМИ своей версией реальности или замедлить поток нежелательной информации. Эти утонченные формы цензуры приводят к тому, что подавляющее большинство людей по-прежнему соглашались с версией событий, предлагаемой государством. И тем не менее находится достаточное число людей, которые имеют доступ к «альтернативным интерпретациям прошлого». Подпольные историки КНР сформировали имеющую слабые внутренние связи и находящуюся в процессе постоянных трансформаций группу людей, которые пытаются переписать историю КНР. По словам Джонсона, их память, если

воспользоваться аналогией Алейды Ассман¹, в настоящее время представляет собой экспонаты, которые извлечены из музейных запасников и демонстрируются в составе экспозиции, хотя большинство китайцев все еще не имеют возможности с ней ознакомиться (с. 139–140).

В дальнейшем многое будет зависеть от самих людей – участников и свидетелей происходящих или происходивших ранее событий. Джонсон приводит пример из романа китайской писательницы, пишущей под псевдонимом Фан Фан. Главный герой романа решил изучить историю своей семьи, подвергшейся жестоким репрессиям в период земельной реформы начала 1950-х годов. Однако по мере углубления в события недавнего прошлого он принимает решение бросить это занятие, поскольку «должен жить в этом обществе» и «боится узнать слишком много» (с. 254). Но вскоре его друг сообщает герою, что он продолжил изучение этого вопроса самостоятельно. Таким образом, пишет Джонсон, этот молодой человек «выбрал память». И герой понимает: «Пути, который он выбрал, а именно забвения, больше не существует. Если кто-то помнит, тогда другие тоже не смогут это забыть. Памяти одного человека достаточно, чтобы бросить вызов амнезии» (с. 254–255).

Таким образом, в КНР произошел подъем «контристориков». Это, отмечает Джонсон, является значительным событием, поскольку бросает вызов легитимности КПК и происходит в стране, политическая жизнь которой жестко контролируется. С другой стороны, этот феномен является частью глобальной тенденции (с. 141).

Автор останавливается и на вопросе о значении своей книги. В-первых, указывает он, в ней говорится о людях, про которых всем было бы неплохо знать в принципе. Тем более что в определенных условиях их известность и влияние в обществе могут существенно возрасти. Во-вторых, жизнь и работа этих людей «бросают вызов общепринятым представлениям о том, как следует смотреть на Китай» (с. 13).

Развивая эту мысль, Я. Джонсон пишет, что после возвращения из КНР в ходе общения с коллегами из крупных синологических центров Запада он увидел, что, как правило, взгляд на современный Китай сводится в этой среде к тезисам о господстве там «всеобщей слежки,

---

¹ Немецкий антрополог, историк и культуролог.

культурного геноцида, бездумного национализма». Эти проблемы, продолжает он, реальны. Но реальны и люди Китая, имеющие другую точку зрения. Тех, кто выступает с критикой, заставить замолчать не удалось (с. 13). И это ставит вопрос о том, как другим странам следует взаимодействовать с Китаем.

Закревская Е.А.*

Рецензия на книгу:

Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 240 с.

Получена: 18.01.2024

Принята к печати: 21.02.2024

Для цитирования: Закревская Е.А. [рецензия] // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 259–268. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.14. – Рецензия на книгу: Конаков А. Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2022. – 240 с.

Zakrevskaya E.A.

Book review:

Konakov A. Waning World: A History of the “Incredible” in the Late USSR. – Moscow : Garage Museum of Contemporary Art, 2022. – 240 p.

---

* *Закревская Екатерина Алексеевна* – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, аспирантка Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; eazakrevskaya@gmail.com

Zakrevskaya Ekaterina Alekseevna – Junior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Post-Graduate Student of the Centre of Typological and Semiotic Folklore Studies of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; eazakrevskaya@gmail.com

Received: 18.01.2024

Accepted: 21.02.2024

For quoting: Zakrevskaya E.A. [review] // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 259–268. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.14. Book review: Konakov A. Waning World: A History of the “Incredible” in the Late USSR. – Moscow : Garage Museum of Contemporary Art, 2022. – 240 p.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song Traditions of the 20th–21st Centuries: Poetic Structures, Biographical Discourse and Historical Narrative” (contest “Student project scientific collectives RSUH”).

Алексей Конаков, автор книги «Убывающий мир: история «невероятного» в позднем СССР», обладает не самым обычным бэкграундом для исследователя. По своей основной профессии он поэт, литературный критик и литературовед, ранее уже писавший исследовательские работы – в 2017 г. вышла в свет его книга, посвященная неофициальной литературе в СССР. «Убывающий мир...» вышел в издательстве музея современного искусства «Гараж» в 2022 г. По словам автора, при работе над монографией он ставил задачу описать и проанализировать советский дискурс о «невероятном» – поисках НЛО, вере в телепортацию, чтение мыслей и волшебный эффект йоги, заряженную воду и множество других подобных феноменов. Материал, с которым работал Конаков, достаточно разнородный, понимая это, он шуточно спрашивает читателя, что общего у пришельцев, целительницы Джуньи и шаровой молнии. Возможность работы над таким широким рядом представлений и практик Конаков доказывает с помощью теории семейного сходства Витгенштейна: объекты его исследования связаны не конкретным общим признаком, а сложной сетью по-

добий. Они образуют единое дискурсивное поле, которое и является предметом исследования.

Книга состоит из введения, где автор рассказывает о более ранних исследованиях на эту тему и предлагает свое объяснение популярности «советского невероятного», и трех глав-«меридианов», которые «пересекают» ряды кейсов. Вокруг меридиана «А» (имени Матеста Агреста) собраны представления, связанные с космосом: идеи об обитаемых планетах, НЛО, поисках инопланетян, внеземном происхождении предметов и природных явлений. Меридиан «Б» (имени Василия Бродова) «пронизывает» идеи и практики, связанные с телом человека: это магические способы достижения долголетия и профилактики заболеваний. Меридиан «В» (имени Леонида Васильева) «проходит» через дискуссии о сверхъестественных способностях человека: телекинезе, телепатии, экстрасенсорике. В эпилоге речь идет о 1990-х годах: автор показывает, как меридианы сливаются, а затем популярность «советского невероятного» идет на спад. За счет такой структуры книги Конакову удалось не только успешно «жонглировать» множеством разнородных кейсов, но описать их хронологическое развитие и трансформацию. Дискурс о «невероятном» не был статичен: эти представления о невероятном появились в первые послевоенные годы, широко распространились в период «оттепели», достигли своего максимального развития и разнообразия во время застоя и перестройки и сошли на нет после распада Советского Союза.

Основным новшеством, которое содержит книга Конакова, является предложенное им объяснение популярности «советского невероятного». Ранее исследователи – к примеру, Александр Панченко¹ или Илья Кукулин² – связывали эти феномены с религиозными верованиями и определяли как советский нью-эйдж, развившийся в качестве компенсации запрещенной в Советском Союзе религии. Конаков спорит с этой идеей. Он отмечает, что дискурс о «советском невероятном» никогда не был дискурсом верующих – будь то люди, тайно продолжающие исповедовать христианство, сельские жители, которые

---

¹ Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 61–85.

² Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 300–317.

сохранили нетронутые «островки» традиционной культуры, или последователи мистических учений – теософы, антропософы, сатанисты и т.д. Дискурс о «советском невероятном» зародился и сформировался в среде ИТР (инженерно-технических работников) – светской и секулярной городской интеллигенции. То, что нам сейчас кажется «невероятным» – плодом магического мышления – для советских ИТР было объектом научного интереса. В дальнейшем дискурс о «советском невероятном» вышел за стены многочисленных КБ и НИИ, распространился и развился среди широких слоев населения из-за того, что отвечал *советским эпистемическим добродетелям*: культу науки и научному оптимизму. Практики, связанные с «невероятным», Конаков сравнивает с Паскалевским «пари»¹: к примеру, человек, который «заряжает» воду перед телевизором, не понесет никаких издержек, если вода не «зарядится», но получит пользу, если «зарядится». Этим «экспериментаторским» подходом советский человек отличался от носителя традиционной культуры, считающего действия, которые мы сейчас атрибутируем как магические, абсолютными рациональными и ведущими к достижению какого-либо результата.

Критерии демаркации научного знания зависимы от культуры и являются социальным конструктом. В современной эпистеме космонавтика является рациональным знанием, а уфология – лженаучным, но в середине XX в. полеты в космос и встречи с пришельцами виделись людям в равной степени вероятными. Конаков настаивает, что изучение советской науки в отрыве от – как мы сейчас понимаем – паранучных областей знания дает неполную картину свойственных советскому человеку представлений о мире. Основным «фамильным сходством» между всеми феноменами «советского невероятного», а также между рядом реальных научных вопросов из областей физики и биологии являлись загадочность и необходимость их разгадать. Здесь мы снова сталкиваемся с присущим советским людям научным оптимизмом: в годы своего появления теории о «невероятном» воспринимались как подлежащие проверке «нулевые гипотезы». С ходом времени одни гипотезы подтверждались и переходили в ведение «насто-

---

¹ Силлогизм, известный как «пари Паскаля», звучит так: «Если Бог существует и вы сделаете ставку на это, то вы выиграете все; если его нет, но вы верите в его существование, то вы не потеряете ничего».

ящей» науки, другие отвергались, но почти все оставляли в публичном дискурсе след в виде газетных передовиц, журнальных и самиздатовских статей, а также кружков энтузиастов.

В первой главе речь идет о связанных с космосом феноменах «невероятного». Тема космоса появилась в советской риторике еще в 1930-х годах, но популярной среди широкой аудитории стала уже в конце сороковых. В это время астроном Феликс Зигель провел в Московском планетарии цикл лекций, посвященных загадке Тунгусского метеорита, и пришел к выводу, что метеорит представляет собой упавший на землю корабль пришельцев. Другой важной темой в эти годы были исследования жизни на Марсе: здесь представляют интерес работы астронома Гавриила Тихова, который пытался установить, есть ли на Марсе растительность. К пятидесятым годам представления о том, что на Марсе существуют леса и он может быть колонизирован, стали общим местом, хотя официальная наука и пыталась с ними бороться. Таким же образом, несмотря на противодействие официальной науки, популяризовалась идея «палеовизита» – посещения Земли инопланетянами. Ее сторонники интерпретировали таким образом библейские и мифологические тексты. Именно тогда, когда гипотеза о внеземной жизни была проверена и отброшена советской наукой, она перешла в область массовой культуры.

Как показывает Конаков, дискурс о «невероятном» был связан с публичным дискурсом в целом и подстраивался под колебания государственной риторики и общественного мнения. Сталинская военная программа продолжалась и в пятидесятые годы, и технологии, необходимые для работы военной промышленности, во многом пересекались с технологиями освоения космоса. Дискурс о «невероятном» «отреагировал» на эту связь, порождая сюжеты, связанные с темами взрывов и гибели: к примеру, актуализировалась история Тунгусского метеорита. Однако теперь метеорит стали воспринимать не как корабль пришельцев, а как долетевший до Земли фрагмент погибшей в результате ядерной реакции планеты Фаэтон. Советский писатель-фантаст Александр Казанцев напрямую связывал «гибель Фаэтона» с ядерной войной, якобы погубившей «цивилизацию фаэтов», и проводил аналогии с занимавшей умы советских граждан холодной войной. Цитируя Маттиаса Шварца, Конаков отмечает, что популярность темы гибели, будь то динозавров или внеземных цивилизаций, была попу-

лярна в Советском Союзе из-за того, что была своеобразной «отдушиной» для негатива и пессимизма – открыто обсуждать возможность поражения в ядерной войне было нельзя¹.

В семидесятые годы происходит «рутинизация космоса» – новости о нем больше не шокируют. Увлечение уфологией из массового становится нишевым: интерес сохраняют только небольшие группы приверженцев этой идеи. К концу семидесятых годов советское общество становится гораздо более индивидуалистическим и ориентированным на потребительский успех. Советский гражданин эпохи застоя не заинтересован в поиске жизни на Марсе так, как был заинтересован коллективист сталинской эпохи или романтик и энтузиаст «оттепели». Однако именно в это время в Советском Союзе регистрируется наибольшее количество замеченных НЛО: это связано с тем, что фиксация таких случаев была поручена армии. Еще в конце 1960-х годов власти начали бороться с представлениями о пришельцах и НЛО, объясняя, что неопознанные летающие объекты – это оптические явления в атмосфере (например, гало) или военные приспособления – самолеты, ракеты, «шпионские зонды». К началу перестройки связь между необычными атмосферными явлениями и запусками ракет стала очевидной для широкой публики – не последнюю роль в этом сыграл произошедший в 1977 г. «Петрозаводский феномен» (необычные атмосферные явления, которые очевидцы приняли за НЛО, однако потом стало известно, что они были вызваны запуском ракеты с секретного космодрома «Плесецк»). Конаков отмечает, что именно в этот момент советским гражданам открылся масштаб милитаризации страны: в сочетании с потребительским дефицитом это произвело на общественное мнение резко негативный эффект.

Меридиан «Б», связанный с «невероятными» способами обеспечения долголетия, связан с произошедшим после смерти Сталина «открытием мира» советскому человеку: в это время происходит отказ от риторики «осажденной крепости». Особенный интерес в это время был направлен как на реальные, так и на воображаемых локусы: это Атлантида, открытие которой, по мысли исследователей того времени,

---

¹ *Schwartz M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. // Soviet Space Culture. – 2011. – P. 245.*

позволило бы узнать больше о происхождении человечества, и Гималаи, где, по утверждениям многочисленных свидетелей, скрывался снежный человек. Поисками йети занималась АН СССР: начиная с 1958 г. было проведено несколько экспедиций на Памир. Исследователи определяли снежного человека как «реликтового гоминида» – «боковую ветвь» развития человека. Вскоре экспедиции были признаны неудачными – несмотря на множество устных рассказов о встрече с йети, материальных свидетельств его существования обнаружить не удалось. Как и в случае с НЛО, в массовую культуру представления о йети проникли уже после того, как наука отбросила эту гипотезу: новым популяризатором йети стал приехавший в СССР из Индии мистик Юрий Рерих.

Другим увлечением Рериха была йога. Он настаивал на холистическом прочтении йоги как мистического учения, однако оно в Советском Союзе не прижилось. Йога как элемент индийской культуры стала известна в том числе благодаря политическому сближению Советского Союза с Индией, но быстро появившиеся в СССР приверженцы йоги подавали ее как экзотическую гимнастику – свободный от эзотерики комплекс упражнений, способных подарить человеку невиданное здоровье и долголетие. В советских журналах апелляция к йоге была еще одним поводом напомнить о том, что любой феномен может и должен быть объяснен с точки зрения науки: чудеса йогов (левитация, способность задерживать дыхание на долгий период времени или разбивать рукой кирпичи) осмыслялись как результат долгих тренировок.

В 1970-е годы получили широкое распространение самиздатовские пособия по йоге или подпольные курсы йоги. Эту ситуацию Конаков связывает с тем, что в семидесятые годы не было значимых исторических потрясений и существовал негласный запрет на занятия политикой. Таким образом, основной точкой «приложения сил» советского человека эпохи застоя становилось потребление, в том числе «потребление здоровья». Йога, в духе времени, превратилась из загадочной и эзотерической практики в буржуазный способ оздоровления. Другие способы оздоровления были связаны с поиском сулящих укрепление организма веществ. В качестве таких веществ виделись сода, аскорбиновая кислота, настой чайного гриба, но самым загадочным и потому популярным было мумиё. По версии Бориса Поршнева,

мумиё представляло собой топленый жир снежного человека. Таким образом, дискурс о йети из романтического и «первооткрывательского» тоже стал буржуазным. Одним из ключевых понятий, предложенных Конаковым, является термин «криптобуржуа» – это советский человек эпохи застоя, который «достает» не только дефицитные продукты или предметы интерьера, но и «магические» способы обеспечения здоровья и долголетия. Именно эта черта человека застоя заставляет его интересоваться гимнастикой и правильным дыханием и объясняет популярность полумистических систем оздоровления – к примеру, предложенных Порфирием Ивановым закаливания и обливания холодной водой.

Меридиан «В» проходит сквозь представления о «невероятных» способностях человека. Проблему «мысленного внушения» советские ученые начали изучать еще в 1930-е годы, однако достоянием широкой публики она стала в период «оттепели», а популярность сохраняла до самого распада СССР. В 1959 г. член-корреспондент АМН СССР Леонид Васильев опубликовал научно-популярную работу, посвященную деятельности мозга. В ней он обосновал возможность существования телепатии тем, что в процессе деятельности мозг человека создает электромагнитное поле, которое способно воздействовать на другой мозг (такой же нарочито материалистической риторикой позднее пользовались и «практики» телепатии, к примеру Вольф Мессинг).

Устойчивую популярность меридиана «В» можно объяснить тем, что представления о сверхъестественных способностях человека легко подстраивались под любую цель и картину мира. Государство спонсировало исследования телепатии из-за опасений, что она может быть использована в военных целях – как аналог традиционных систем связи. Частного человека больше привлекала «гипнопедия» – идея обучения человека во сне за счет гипноза – или мечта научиться «видеть» с закрытыми глазами.

В эпоху застоя интерес к оборонным технологиям и научным загадкам спал, но тема телепатии осталась актуальной из-за того, что она легко встроилась в криптобуржуазный дискурс о сохранении и приумножении здоровья. Идея об электромагнитных лучах и полях, за счет которых якобы происходит чтение мыслей, трансформировалась: к семидесятым годам эти лучи стали представляться как нечто вредоносное. По мысли публицистов того времени, электромагнитное излу-

чение, будучи универсальным медиумом, способно сообщать человеку вредоносную «клеточную информацию» – в том числе болезни и вирусы. Защитить себя от вредного излучения человек мог путем укрепления здоровья. Таким же образом изменилась и практика экстрасенсов. Они начали не просто «читать» мысли, но обрели «специализацию»: популярные в те годы Джуна и Анатолий Кашпировский были целителями.

В эпилоге речь идет о 1990-х годах. В это время из-за падения цензурных ограничений энтузиасты поиска НЛЮ, йоги или экстрасенсорики стали создавать многочисленные объединения и союзы и громко заявлять о себе. Именно широкая популярность «советского невероятного» стала одной из причин его «гибели». Публицисты и журналисты перехватили эту повестку у технической интеллигенции, и, спекулируя на ней, не смогли сохранить научную и рациональную атмосферу. «Советское невероятное» затерялось среди западной эзотерики, появившейся в открытом доступе в это же время. Немногие приверженцы теорий, которые в советское время были объектом научного интереса, стали полноценными мистиками. Постсоветские представления об НЛЮ или йети Конаков предлагает считать оккультными именно из-за смены дискурса. Они перестали быть загадкой, которую можно разгадать рационально, с опорой на науку, и превратились в предмет веры.

Помимо большой подборки интересных источников, это исследование предлагает ряд интересных терминов и объяснительных моделей: предложенная Конаковым новая трактовка причин популярности «советского невероятного» кажется на редкость убедительной. Разбросанные по тексту авторская ирония и игра слов не выглядят чужеродными в этой работе и не снижают ее аналитических достоинств. Вероятно, такой способ оформления исследования связан с не вполне академическим бэкграундом автора, однако он удачно вписывается в тренд последних лет: в русскоязычной среде исследовали совершили «экспансию» в сферу подкастов, научно-популярных блогов и экспертных комментариев для СМИ только недавно. Кажется, что эти «неформальные» стилистические вкрапления послужили на пользу книге: к примеру, нетипичная для научного труда «метафорическая» разбивка на главы позволила автору охватить большое количество на первый взгляд мало связанных феноменов. Таким образом, это исследо-

дование представляется исключительно удачным: занимательным и легким для чтения, но при этом вызывающим научный интерес и предлагающим новые исследовательские концепции.

Список литературы

Кукулин И. Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 61–85.

Панченко А. «Эра Водолея» для строителей коммунизма // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 300–317.

Schwartz M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. // *Soviet Space Culture*. – 2011. – P. 245.

References

Kukulin, I. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoy nauchno-tekhnicheskoy intelligencii [Periodicals for ITR: Soviet popular science magazines and modeling the interests of the Late Soviet scientific and technical intelligentsia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 3, 2017, pp. 61–85. (In Russ.)

Panchenko, A. «Era Vodoleyа» dlya stroitelej kommunizma [The “Age of Aquarius” for the builders of Communism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 1, 2018, pp. 300–317. (In Russ.)

Schwartz, M. A Dream Come True: Close Encounters with Outer Space in Soviet Popular Scientific Journals of the 1950s and 1960s. In *Soviet Space Culture*. 2011. – P. 245.

Юрченко Т.Г.*

«Найти в себе боль и научиться работать с ней».

Рецензия на книгу: *Крым Д.* Курс: Разговоры со студентами. – Москва : Новое лит. обозрение, 2023. – 272 с., ил. – («Театральная серия»)

Получена: 29.01.2024

Принята к печати: 01.03.2024

Для цитирования: Юрченко Т.Г. «Найти в себе боль и научиться работать с ней» [рец.] // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 269–274. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.15. – Рецензия на книгу: Крым Д. Курс: Разговоры со студентами. – Москва : Новое лит. обозрение, 2023. – 272 с., ил. – («Театральная серия»).

Yurchenko T.G.

“Find the pain in yourself and learn to work with it”.

Book review:

***Krymov D.* Course. Conversations with students. – Moscow : Novoe lit. obozrenie, 2023. – 272 p., ill. (“Theatrical series”)**

Received: 29.01.2024

Accepted: 01.03.2024

---

* Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; yurchenko2003@mail.ru

Yurchenko Tatyana G. – Senior Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; yurchenko2003@mail.ru

For quoting: Yurchenko T.G. “Find the pain in yourself and learn to work with it” [review] // Herald of Culturology. – 2024. – N 2(109). – P. 269–274. – DOI: 10.31249/hoc/2024.02.15. Book review: *Krymov D.* Course. Conversations with students. – Moscow : Novoe lit. obozrenie, 2023. – 272 p., ill. (“Theatrical series”).

Спектаклем, с которого для меня начался театр Дмитрия Крымова, стала «Корова» по одноименному рассказу Андрея Платонова в «Школе драматического искусства» (ШДИ) в Москве на Сретенке. Спектакль был поставлен в 2007 г., попала я на него в 2009-м. С тех пор не пропускала ни одной работы режиссера и, посмотрев очередную постановку, с нетерпением ждала следующую. И вообще стала ходить в театр – какая интенсивная театральная жизнь была в 2010-е годы в Москве!

Тогда, в 2009 г., о Крымове я знала очень мало и в театр ходила редко. Первый раз я увидела Дмитрия Анатольевича, даже не зная, что это он, по телевизору – заканчивалась какая-то передача, ведущий спрашивал, гость отвечал, и ответы были настолько интересны, что захотелось узнать, кто это. Тогда ничего не вышло, но через некоторое время, благодаря уже другой передаче, стало ясно, что это – Дмитрий Крымов, режиссер и театральный художник и что ставит он спектакли где-то на Сретенке. И вот, случайно оказавшись на Сретенке и увидев афишу ШДИ, я поняла, что Крымов ставит именно здесь – в театре, наряду с другими, была и «Лаборатория Дмитрия Крымова».

Чудеса начались уже с билета: обозначенное место было «на косогоре». При входе в зал зрители на обувь должны были надеть специальные тапочки – подобные тем, что в мемориальных музеях, но явно не для того, чтобы не повредить пол, но, по-видимому, чтобы не испачкать обувь, когда придется идти через коровник и забираться на косогор – поставленные амфитеатром скамейки, застеленные клеенкой с напечатанной на ней зеленой травой.

Ранний театр Крымова был без слов: смыслы порождал визуально-ассоциативный ряд. Таковы, например, «Недосказки» (2004), которые, увы, я не видела, таков потрясающий спектакль по М.Ю. Лермонтову «Демон. Вид сверху» (2006). Крымов преподавал в ГИТИСе будущим театральным художникам. С ними и ставил, не привлекая

поначалу актеров. Это был настоящий «театр художника», где действие представляло собой сменяющие друг друга визуальные образы-метафоры, которые задавали движение эмоций и смыслов, отсылая к литературным текстам, произведениям изобразительного искусства, к историческим событиям и не только к ним...

Впечатление от спектакля «Корова», в котором слова все же как-то присутствовали, было похоже на то, которые в глубоком детстве осталось от мхатовской «Синей птицы» – ощущение происходящего здесь и сейчас чего-то небывалого, когда забываешь обо всем и смотришь буквально с открытым ртом. Чтобы пережить это чувство вновь и вновь, я ходила на спектакли Крымова, пересмотрев то, что упустила и что еще можно было увидеть в ЩДИ – «Сэр Вантес. Донкий Хот» (2005), «Торги» (по пьесам А.П. Чехова) (2006), «Opus № 7» (2008), а затем и новое – «Смерть жирафа» (2009), «Тарабумбия» (2010), «Катя, Соня, Поля, Галя, Вера, Оля, Таня...» (по И.А. Бунину) (2011) и много других его спектаклей, каждый раз удивляясь искрометной, невероятной изобретательности режиссера. Появившийся со временем текст не изменил образно-метафорической природы спектаклей, но лишь добавил еще одно измерение.

Вышедшая книга Дмитрия Крымова – расшифровка случайно сохранившихся записей занятий по зуму со студентами-театральными художниками его последнего курса в ГИТИСе в эпоху пандемии – возможность немного приблизиться к «механизму» создания крымовских спектаклей, в буквальном смысле проникнув в «творческую лабораторию» режиссера. Это – своего рода «азбука чуда», потому что, давая студентам задания и разбирая, что у них получилось, режиссер проговаривает то, что стоит за его собственной работой.

Главное, лежащее в основе театра Крымова, – установка на новизну, поиск в хорошо известном нового и неожиданного, несовпадающего с ожиданиями, вызывающего удивление и интерес. Установка – в чем-то сродни описанному русскими формалистами приему острашения.

«Каждый спектакль должен быть открытием. Не надо говорить то, что люди уже знают. Надо противоречить этому, найти другое в этом и открыть им мир. Они приходят в театр, чтобы узнать мир с другой стороны. Они приходят даже неосознанно, но именно за этим, особенно в России» (с. 50).

Чтобы в театре было интересно, чтобы сделать игру, открывающую новые смыслы, в ней, по Крымову, должны присутствовать отпечатки души художника, ее создавшего: «Игра на основании собственных чувств... Тебе надо разобраться в своих чувствах и придумать игру» (с. 237). Рассказывать историю Пушкина или Толстого, одновременно рассказывая свою.

Побудительная причина творчества, – вслед за писателем Ю. Олешей считает Крымов, – заклятие от исчезновения, исчезновения своего чувства. «Я это придумал, я это почувствовал, это не должно исчезнуть. И я знаю, как это выразить <...> Чтобы это было ваше – это надо любить. Если вы это любите, вы хотите это оставить, вы хотите это передать. Это и есть передача собственной любви. Передача собственной любви, выраженной в чем-то изобразительном. Любви и понимания» (с. 90). Через любовь, со-чувствие к другому найти и выразить себя, свою боль: «Понять себя, найти себя и не стесняться этого, найти в себе боль и научиться работать с ней. Человек, у которого ничего не болит, – не художник...» (с. 12).

Два крымовских спектакля так и называются: «Своими словами. А. Пушкин. “Евгений Онегин”» (2015) и «Своими словами. Н. Гоголь. “Мертвые души”» (2016), но, собственно, так можно назвать все спектакли режиссера, даже те, в которых слова отсутствуют. Не случайно первая книга Д. Крымова – «Своими словами. Режиссерские экземпляры девяти спектаклей, записанные до того, как они были поставлены» [Крымов, 2021].

Как через другого выразить себя? Надо «присасываться, впитывать и превращаться. И залезать. И тогда каким-то образом вы становитесь Пушкиным. Через Пушкина вылезаете вы, а через вас вылезает Пушкин <...> Вы с ним как-то соединились...» (с. 87).

Механизм такого сращения – ассоциации. Найти то, что интересно именно тебе, и на этом выстроить театральную игру: «ты не уйдешь от этих своих ассоциаций, потому что это твоя жизнь, твоя мама, твоя дача, твой Буратино и твое детское понимание счастья. Это Пушкин, пропущенный через себя, сросшийся с тобой, вернее, ты, пройдя через него, вынес часть его <...> Ты взял что-то свое и выбежал из него. Выбежал и сделал театр. Чтобы передать то свое, что ты заметил в нем, то есть сказать о себе, воспользовавшись им» (с. 202).

В одном из своих интервью Крымов сказал об этом еще точнее: «Я переношу на сцену эмоциональный укол, который обнаруживаю в произведении» [Дмитрий Крымов].

Искусство театра – это игра образами, когда, замечает Крымов, через одно можно сказать другое. Причем «молекулой» образа, его первичной составляющей является метафора. «Метафора – это как бы нижний уровень образа. Образ – это оформленная метафора» (с. 20).

Необходимо развивать метафорическое мышление, нацеленное на поиск в жизни рифм, эту жизнь скрепляющих. Создавая образ, художник «собирает мед, пыльцу со всех цветов своей жизни» (с. 220), поэтому образ есть «отпечаток наших чувств и понимания мироустройства», это – «формула жизни», пробивающая «мозги и душу человека» (с. 69).

Спектакль должен вызывать у зрителя любопытство, побуждая его к внутреннему движению. «Можно человека игрой поставить на путь, – делится со студентами Крымов. – Путь, полный любопытства... Даже без конечного знания <...> Любопытство без конечного знания расширяет наши представления о мире, а любопытство может быть только без конечного знания. Если ты знаешь, что произойдет, – нелюбопытно. В этом есть игра. В этом есть мастерство игры» (с. 214). И игра должна быть выстроена таким образом, чтобы зритель хоть немного, но не успевал – тогда он будет больше ценить свои находки.

Так и происходит на спектаклях самого мастера: предугадать, что сейчас будет, невозможно – только ждать, затаив дыхание, чего-то необычного, и когда оно случается, за удивлением приходит открытие. В этом – суть спектаклей Крымова, для которого театр – это про сегодня, «это интересные версии сегодняшней жизни» (с. 201). Именно сегодняшней, будь то Пушкин или Чехов, потому что все это рассказано режиссером – нашим современником «своими словами».

Список литературы

Дмитрий Крымов: «Я переношу на сцену эмоциональный укол». [Интервью Ольги Ципенюк]. – URL: <https://polka.academy/materials/794> (дата обращения: 31.10.2023)

Крымов Д. Курс: Разговоры со студентами. – Москва : Новое лит. обозрение, 2023. – 272 с., ил. («Театральная серия»).

Крым Д. Своими словами. Режиссерские экземпляры девяти спектаклей, записанные до того, как они были поставлены. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 504 с.

References

Dmitrii, Krymov: “Ya perenoshu na scenu ehmtsional’nyi ukol” [“I bring the emotional sting to the stage”] [Interviewed by Ol’ga Tsipenuk]. URL: <https://polka.academy/materials/794> (date of access: 31.10.2023) (In Russ.)

Krymov, D. *Kurs: Razgovory so studentami* [Course: Conversation with students]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2023. 272 p., ill. (“Theatrical series”). (In Russ.)

Krymov, D. *Svoimi slovami. Rezhisserskie ehkzemplyary devyati spektaklei, zapisannye do togo, kak oni byli postavleny* [In your own words. Director’s copies of nine performances, recorded before they were staged]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2021. 504 p. (In Russ.)

ВЕСТНИК КУЛЬТУРОЛОГИИ

Научный журнал

2024 – № 2(109)

Контакты редакции: e-mail: culturology-journal@inion.ru

ИНИОН РАН. Отдел культурологии

Дизайн обложки А.А. Демочкина

Корректурa, компьютерная верстка М.П. Крыжановская

Подписано к печати (12/VII.2024). Формат 60 x84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,4 Уч.-изд. л. 17,1

Тираж 350 экз. (1–100 – 1-й завод). Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: (925) 517-36-91

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

Ул. Чернышевского, д. 88, литера У